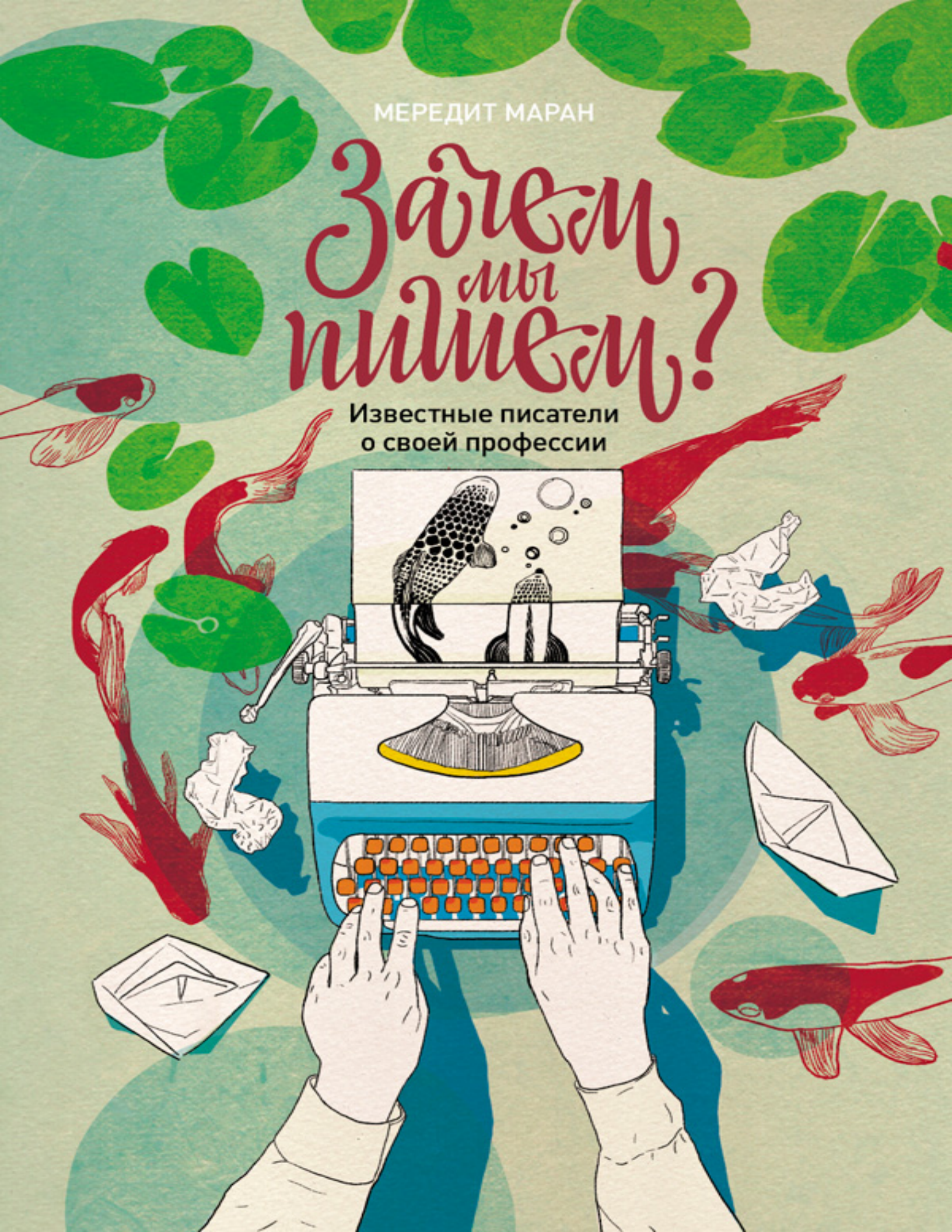

МЕРЕДИТ МАРАН

Зачем мы пишем?

Известные писатели
о своей профессии

Эту книгу хорошо дополняют:

[Спасите котика!](#)

И другие секреты сценарного мастерства

Блейк Снайдер

[Птица за птицей](#)

Заметки о писательстве и жизни в целом

Энн Ламотт

[Секреты великих писателей](#)

Учитесь у Чехова, Толстого, Диккенса, Хемингуэя и

многих других

Юрген Вольф

EDITED BY MEREDITH MARAN

WHY WE WRITE

20 ACCLAIMED AUTHORS ON HOW AND WHY
THEY DO WHAT THEY DO

Plume Book

МЕРЕДИТ МАРАН

ЗАЧЕМ МЫ ПИШЕМ

ИЗВЕСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ О СВОЕЙ ПРОФЕССИИ

«Манн, Иванов и Фербер»

Информация от издательства

Издано с разрешения Plume, a division of Penguin Group (USA) LLC и литературного агентства Andrew Nurnberg

На русском языке публикуется впервые

Маран, М.

Зачем мы пишем: известные писатели о своей профессии / Мередит Маран ; пер. с англ. Е. Козловой. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.

ISBN 978-5-00057-203-0

В этой книге собраны истории 20 признанных во всем мире авторов. Они делятся советами и секретами писательского ремесла, рассказывают о том, что они любят в своей профессии, а что — нет. Книга дает ответы на многие вопросы о работе писателя, в том числе и на главный — зачем и как авторы пишут.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

© Meredith Maran, 2013

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Plume, a member of Penguin Group (USA) LLC, a Random House Company

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014

*Тем, кто читает, пишет, издает, распространяет и продает
книги, и тем, кто их просто любит*

*В память о Франсуазе Саган — благодаря ей я стала любить,
читать и писать книги*

Введение

Почему люди пишут? Вопрос, который задает себе каждый пишущий человек, сидящий перед экраном и впивающийся глазами в ненавистный курсор. Причем задает не только в такие моменты, но и в другие минуты жизни тоже.

Когда работа идет полным ходом и под бдительным взглядом музыки руки взмывают над клавиатурой — тогда окрыленный вдохновением автор, прерываясь на первый глоток остывшего, приготовленного еще утром кофе, в восхищенном недоумении восклицает: «Какое счастье мне дано — заниматься таким делом!»

Но за мгновениями восторга обязательно следуют далеко не радужные минуты, и тянутся они не только днями, но неделями и даже годами. Когда травмированная тяжким трудом муза покидает своего писателя, мучительно вязнущего в зыбучих песках творчества, а всякое слово, выходящее из-под пера или выползающее из принтера, оказывается совсем не тем, не тем и не тем — вот тогда автор с возмущением взывает к небу: «За что мне все это?!»

В любом случае такое явление любопытно. Действительно, почему одни становятся нейрохирургами, стоматологами-гигиенистами, инвестиционными банкирами, а другие выбирают профессию, сулящую бедность, недопонимание со стороны внешнего мира и вечное сомнение в себе? Для чего разумные во всем остальном люди каждое утро — а встают они очень рано, часто до восхода солнца, до того, как проснутся домочадцы и наступит время приниматься за каждодневные дела, — добровольно загоняют себя в клетку?

Может быть, все дело в чувстве торжества при виде собственных слов, напечатанных в книге? Однако, судя по имеющимся данным, отнюдь не это становится побудительным мотивом, поскольку в Америке ожидают или ищут своего издателя более миллиона рукописей, а одобрен будет один процент. Вряд ли следует принимать в расчет и чувство удовлетворения от отлично завершенной работы. «Книгу невозможно закончить. Ее можно только оборвать», — так считал бессмертный острослов Оскар Уайльд. Сразу исключаем

материальную заинтересованность — прибыль приносят лишь тридцать процентов опубликованных книг. Безусловно, речь не идет ни о самомнении, ни о самоутверждении. К писателям вполне можно отнести слова Чарли Чаплина, сказавшего об актерах, что они нуждаются в критике, а если не подвергаются ей, то начинают заниматься самоанализом.

Итак, почему все-таки *кто-то* выбирает литературный труд? Не каждый человек обучен проводить профессиональную профилактику полости рта, делать операции на мозге или совершать сделки с ценными бумагами, но *любой* может, вооружившись листом бумаги, блокнотом или ноутбуком, написать стихотворение, рассказ или воспоминания. Надо сказать, так поступают очень многие, невзирая на все трудности, стоящие на пути к достижению цели. Мы ведем дневники, создаем романы, ходим на занятия по писательскому мастерству. Мы жадно читаем, восхищаемся отдельными фразами и героями, приходим в изумление от закрученного сюжета. Мы принимаем все, что дают нам наши любимые авторы, и все время спрашиваем себя: «Как они это делают? И почему?»

С самого раннего детства, возможно, лет с пяти-шести, я знал, что, когда вырасту, обязательно стану писателем. Лет с семнадцати и до двадцати четырех я пытался отказаться от этой мысли, хотя всегда сознавал, что изменяю своему подлинному призванию и что рано или поздно мне придется сесть и начать писать книги^[1].

Таковыми словами Джордж Оруэлл начинает свое эссе 1946 года «Почему я пишу» (Why I Write) и далее приводит «четыре основных мотива, заставляющих писать».

- 1. Чистый эгоизм. Жажда выглядеть умнее, желание, чтобы о тебе говорили, помнили после смерти, стремление превзойти тех взрослых, которые унижали тебя в детстве, и т. д. и т. п.*
- 2. Эстетический экстаз. Восприятие красоты мира или, с другой стороны, красоты слов, их точной организации.*

Способность получить удовольствие от воздействия одного звука на другой, радость от крепости хорошей прозы, от ритма великолепного рассказа.

3. Исторический импульс. Желание видеть вещи и события такими, каковы они есть, искать правдивые факты и сохранять их для потомства.

4. Политическая цель. Ведь даже мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, уже является политической позицией^[2].

Тридцать лет спустя на страницах New York Times Book Review к этой теме обратилась Джоан Дидион^[3]:

Я пишу, чтобы узнать, о чем я думаю, на что смотрю, что я вижу, и что это значит. Во многом писательство — это способ выразить свое «я», заявить о себе людям, сказать им: «Слушайте меня, взгляните моими глазами, измените свою точку зрения». Это агрессивный, даже враждебный акт.

Записывать слова на бумаге — это тактика тайного головореза, который вторгается в чужое личное пространство, навязывая читателю свое, авторское восприятие. И закрыть глаза на сей факт невозможно.

Прошло еще двадцать пять лет, и в 2001 году, теперь в журнале Northern Lights, снова вернулись к вопросу «Зачем люди пишут книги?» Писательница, защитница природы и на удивление уравновешенный человек Терри Темпест Уильямс ответила так:

Я пишу, чтобы примириться с вещами, которые мне неподвластны. Я пишу, чтобы придать красок миру, часто оказывающимся либо черным, либо белым. Я пишу ради открытий. Я пишу, чтобы срывать покровы. Я пишу, чтобы взглянуть в лицо своим демонам. Я пишу, чтобы начать диалог. Я пишу, чтобы представить себе мир иначе, и возможно, тогда он изменится.

Мне лично литературная деятельность помогает отвечать на собственные вопросы.

Итак, руководствуясь личными потребностями, я составила список авторов, которых мне было бы интересно привлечь для работы над этой книгой. При отборе я опиралась на вполне определенные факторы. Я хотела побеседовать с представителями не только разных полов, рас и возрастов, но и жанров, то есть с авторами, обладающими разным жизненным и писательским опытом. Я остановила свой выбор на тех, кто, преодолев все препятствия, преуспел не только в художественном, но и в коммерческом плане, кто объяснит мне, что такое творческий порыв. Мне было важно услышать мнение людей, добившихся признания и сумевших удовлетворить собственные амбиции, при этом не важно, чем они руководствовались, когда прокладывали себе путь к успеху: желанием разбогатеть, прославиться, доказать издателю, что их творения достойны публикаций, показать матери, ушедшему мужу или бывшему начальнику, как те ошибались в своих оценках. Выбранные мною писатели уже завоевали широкую популярность, и каждому из них удалось все перечисленное мною выше.

Авторы, рассказавшие о себе — «двадцатка», как я их называю, — написали книги, которые продаются такими тиражами, что издатели шлют им цветы, преподносят первые издания в кожаных переплетах, но самое главное — предлагают новые контракты. Они принадлежат той когорте писателей, чьи произведения уважаемые критики и знаменитые печатные издания регулярно восхваляют, порой осуждают, но практически никогда не игнорируют. Их голоса и лица известны всем, кто смотрит передачу Good Morning America («Доброе утро, Америка») и слушает ток-шоу Fresh Air («Свежий воздух»). В мире миллионы и даже миллиарды фанатов читают каждую выпущенную ими книгу.

Другими словами, эти двадцать писателей обладают именно тем, что хочет иметь каждый автор: полной свободой творчества и уверенностью в завтрашнем дне.

Примерно так и было задумано.

* * *

Я публиковала стихи и статьи уже во времена Эйзенхауэра; писала книги и рецензии с тех пор, как Никсон махнул на прощание своему народу^[4]. Десятилетиями выполняя различные редакционные задания, я давно уяснила, насколько тяжело добиться положительного ответа от писателей, уставших от всеобщего внимания средств массовой информации, — вроде тех, кого я отобрала для своей книги. Обычно их агенты, секретари, телохранители и вышибалы — все личное окружение — постоянно внушают мысль о невозможности достучаться до персон, включенных в *круг избранных*. Сколько раз мне приходилось выслушивать о количестве просьб, ежедневно ими отклоняемых. Поэтому я заранее представляла, с чем придется столкнуться, пока сумею убедить этих знаменитостей встретиться со мной.

Тогда я спросила себя: что поможет убедить «двадцатку» дать интервью для книги?

И поняла — общая преданность литературе... и участие организации, которая поддерживает творчество авторов.

Некоммерческое общество 826 National подходит идеально. Этот новаторский литературный проект предназначен для творческой молодежи. Общество было основано харизматичным писателем Дэйвом Эггерсом в 2002 году в Сан-Франциско; сегодня у него есть свои филиалы в Бостоне, Чикаго, Вашингтоне, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Сиэтле и Ипсиланти. Каждое местное отделение нашло приют в каком-нибудь причудливом магазинчике с не менее странным названием (чикагский «Скучный магазин», вашингтонский «Музей противоестественной истории»); там проводят вечерние занятия, устраивают летние лагеря и организуют помощь школьным учителям. И все делается бесплатно.

Я встретила с этими замечательными людьми, и мы решили, что часть дохода от будущей книги пойдет на их программы, достойные всемерного уважения. После чего я начала звонить «своим» писателям. Меня ожидало приятное открытие, обернувшееся в дальнейшем счастливой совместной работой: согласился каждый из «двадцатки» — от Аленде до Уолитцер. Кто-то сказал, что хотел бы поддержать 826 National. Однако многих заставил откликнуться мой вопрос «Зачем вы

пишете?» — они заявили, что их никогда о таком не спрашивали. Оказалось, писателям было бы интересно обсудить это в той же мере, как и мне было любопытно услышать их ответы.

Рик Муди:

Всякий раз, когда я пишу, или, точнее, когда уже написал, я чувствую себя просто по-человечески лучше и умиротвореннее.

Мэг Уолитцер:

Вы получаете абсолютную власть — где еще вы найдете такую возможность? В реальной жизни вы не вольны управлять чужими судьбами, не можете отвечать за личные отношения, вы даже не в состоянии наладить контакт с собственными детьми. Но вы начинаете писать — и на долгое время становитесь тем, кто полностью берет ответственность на себя.

Сью Графтон:

Больше всего я люблю то время, когда работа идет хорошо и я полностью погружаюсь в текст, — это может случиться в любой день или даже отдельный момент. Самое тяжелое время — если не пишется и я не поглощена своей работой. Второе происходит чаще, чем первое. Но я еще тот тип — очень упертая и никогда не сдаюсь.

Уолтера Мосли мой вопрос заставил задуматься:

Не могу даже представить причины, чтобы не писать. Правда, одна могла бы быть... Предположим, мои книги не пользовались бы спросом... Хотя, если подумать, меня это не остановит. Я все равно буду писать.

Потом я попросила писателей поделиться самыми неприятными моментами, которые встречаются в их литературной жизни.

Майкл Льюис:

Во время работы над книгой я обычно впадаю в крайне возбужденное состояние. Нарушается сон. Мне постоянно снится мой текст... Я полностью живу только своей книгой, меня просто нет в реальной жизни — и так бывает месяцами. Расплачиваются жена и дети. Они платят слишком высокую цену за каждую книгу. К счастью, я свободный писатель и волен брать большую паузу, прежде чем приступить к следующей работе. Благодаря этому у меня все еще есть семья.

Исабель Альенде грустно покачала головой, как всегда, безупречно уложенной:

Все книги я начинаю восьмого января. Вы даже не представляете, что такое для меня седьмое января... Это ад...

Подхожу к компьютеру и просто стою перед ним. Подхожу и стою, потом снова подхожу и стою — и так до тех пор, пока не обнаружится присутствие музыки.

Дженнифер Иган, автор известных романов, обладательница Пулитцеровской премии, призналась, что перед каждой новой книгой ее терзают сомнения и страхи:

...Страшно тратить время и вкладывать силы в замысел, который пока не имеет четких очертаний, — даже жанр еще не определен. Страшно, что моя работа окажется невостребованной. ...Всякий раз боюсь услышать от издателей: «Мы не можем взять такую дикую прозу». Но что еще страшнее — они примут мою книгу, она увидит свет и не оставит в нем никакого следа.

Дэвид Балдаччи был краток:

Чтобы получить шанс опубликовать что-то в New Yorker, мне следовало написать на титульном листе «Джером Сэлинджер».

Больше всего меня удивили ответы писателей на важнейший вопрос интервью: «Какой момент в вашем литературном труде самый лучший?» Почему-то он оказался для них слишком каверзным. Я думала, что буду наслаждаться рассказами о минутах славы: как вручали Пулитцеровскую премию; почему Национальный фонд поддержки искусств обратил внимание и наделил большим грантом; как проходили чтения в Белом доме; сколько недель продержался роман в списке бестселлеров. Я на самом деле ожидала услышать о тех сокровищах, обладать которыми надеется каждый еще не столь прославленный автор — если, конечно, сможет пережить страшные приступы зависти. Поэтому меня так поразило, что лишь некоторые из названных «двадцаткой» лучших моментов были связаны с деньгами, славой или признанием критиков.

Джейн Смайли буквально светилась, вспоминая свои счастливые минуты:

Когда я работала над третьим романом, это было лучшее время за всю мою писательскую судьбу. Словно моей рукой кто-то водил извне. Казалось, будто персонажи использовали меня как секретаря, записывающего за ними их истории.

Себастьян Юнгер не упомянул ни про успешные продажи, ни про контракты на съемки фильма:

Я приехал в Сараево в 1993 году с группой независимых журналистов, чтобы освещать происходящие там страшные события. За три недели я прошел путь от официанта до военного корреспондента. Ничто не сравнится с чувством, которое испытываешь, когда впервые видишь напечатанным свое имя.

Гиш Чжень, урожденная Лиллиан Чжень, назвала своим лучшим моментом тот, когда взяла псевдоним:

Лиллиан была милой китайской девочкой. Гиш уже не так мила и послушна. Гиш стала той, кто открывает мне дверь, когда я возвращаюсь ночью в общежитие колледжа... Будучи Гиш, я обрела свободу, которой Лиллиан не знала. Свобода пришла, когда я начала писать.

Каждому писателю из «двадцатки» отводится отдельная глава, в центре внимания которой — ответ на вопрос, вынесенный в название нашей книги. Сюжет о писателе построен следующим образом: его предваряет цитата из последнего произведения автора, далее следуют несколько вступительных фраз; отдельным блоком даются биографические данные и список основных работ — все это в общих чертах показывает как личные, так и профессиональные основные достижения писателя.

Я создавала эту книгу со вполне определенным намерением: донести до всех, что читать — хорошо, но писать — еще лучше. Поэтому каждую главу завершают краткие практические рекомендации наших писателей. Прислушаться к их советам будет крайне полезно любым авторам: и начинающим, и опытным, и работающим в разных жанрах; людям разных полов, возрастов, национальностей, с разным жизненным опытом. Главы книги названы по фамилиям «двадцатки» и расположены в алфавитном порядке. Сознательно используя такой прием, я лишь хотела подчеркнуть один из основных посылов книги: все писатели равны — различия в социальном и материальном положении намного менее значительны, чем объединяющий их творческий дух.

Я приношу дань восхищения всем авторам мира и той силе, что заставляет их писать. Каждый из двадцати писателей, воплотивших в своем творчестве дух, присущий всему литературному содружеству, поделился с читателем не только частицей собственной души, но и пожертвовал довольно большую часть вознаграждения некоммерческому обществу 826 National. А это означает одно: еще какое-то количество юных американцев любят читать книги и

приобщатся к сочинительству. Я надеюсь, что и наш читатель не только укрепит, но и преумножит свою преданность печатному слову и литературному труду.

Я приношу дань уважения двум удивительным людям: своему агенту и своему редактору. Я воздаю должное всем, кто причастен к созданию книги: литературным агентам, редакционным секретарям, художественным руководителям, оформителям, иллюстраторам, литературным редакторам, корректорам, технологам, наборщикам, работникам типографий, специалистам по рекламе и маркетингу, распространителям, литературным критикам и обозревателям, блогерам и книготорговцам. И конечно, я преклоняюсь перед писателями — всеми разом; перед теми, кто вынужден приспособливаться к слишком изменчивым обстоятельствам и в жизни, и в работе; кто умеет одновременно смотреть в зеркало заднего вида и видеть дорогу впереди; чьи книги любит и ждет читатель, чье слово достигает каждого человека.

Глава 1

Исабель Альенде

Когда мне было за сорок, мне, Зарите Седелла, повезло больше, чем другим рабам. Я собираюсь прожить долгую жизнь, и моя старость будет временем удовлетворения, потому что моя звезда — *mi z'etoile* — светит, даже когда небо затянуто облаками. Я знаю наслаждение, что дарит мне мужчина, которого выбрало мое сердце. Его большие руки пробуждают мою кожу.

«*Остров под морем*» (*Island Beneath the Sea*, 2010)

Исабель Альенде — самый читаемый в мире испаноязычный писатель. Ее имя неизменно связывают с магическим реализмом — жанром, созданным в 1920-е годы Францом Кафкой и ставшим популярным в наше время благодаря автору «Ста лет одиночества» Габриэлю Гарсиа Маркесу, с которым Альенде часто сравнивают.

Однако произведения Альенде, охватывающие большой диапазон жанров: от исторической фантастики до откровенных мемуаров, где она описывает удовольствия от еды и секса, — бросают вызов любой классификации, равно как и сама писательница, отрицающая какую-либо систематизацию. Альенде словно луч света на литературной сцене и любима всеми в Области залива Сан-Франциско. Она всегда в первых рядах добровольцев: помогает пострадавшим от урагана «Катрина», организует сбор средств для государственной библиотеки, поддерживает маленький независимый книжный магазинчик.

Исабель Альенде приняла меня в элегантно обставленной гостиной. Свой уютный дом в Саусалито она приобрела в 2006 году; когда-то, в далеком 1907-м, в нем размещались номера борделя. На верхнем этаже ее муж Уилли Гордон ведет частную адвокатскую практику, а нижний этаж полностью находится в распоряжении Исабель. Там она занимается своими литературными делами, в чем ей помогает ее давний секретарь Джульетта Амбатцидис (Исабель и Уилли относятся к детям Джульетты как к родным внукам). Исабель Альенде продолжает служить своему призванию: она создает удивительные тексты и делает наш мир еще прекраснее.

Биографические данные

Дата рождения: 2 августа 1942 года.

Родилась и выросла: Лима (Перу); росла в Чили, Боливии и Ливане.

Ныне живет: Сан-Рафел (Калифорния).

Личная жизнь: первый раз вышла замуж в двадцатилетнем возрасте; второй муж — юрист Уилли Гордон, замужем за ним более двадцати лет.

Семейная жизнь: большой клан состоит из сына Николаса, внуков, многочисленных родственников и друзей.

Образование: из-за раннего замужества в колледже не училась.

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): «Феминистка года» (1994); член Американской академии искусств и литературы (2004); Чилийская национальная премия в области литературы (2010); двенадцать международных степеней почетного доктора.

Интересные факты

- Двоюродным братом отца Исабель Альенде был Сальвадор Альенде, президент Чили (1970–1973).
- Исабель Альенде пишет на испанском, все ее книги переводит на английский Маргарет Сейерс Педен.
- Фонд Исабель Альенде, основанный в 1996 году, «выступает за поддержку и защиту основных прав женщин и детей».
- Все крупные произведения Альенде (18 романов) переведены на 35 языков; всего продано 57 миллионов экземпляров.

Сайт: www.isabelallende.com

Facebook: www.facebook.com/pages/Isabel-Allende/103761352995313

Twitter: [@isabelallende](https://twitter.com/isabelallende)

Избранные работы

Романы^[5]

«Дом духов», 1982

«Фарфоровая толстушка», 1984

«Любовь и тьма», 1985

«Ева Луна», 1987

«Истории Евы Луны», 1990

«Бесконечный план», 1991

«Дочь фортуны», 1999

«Портрет в сепии», 2000

«Город бестий», 2002

«Царство золотых драконов», 2004

«Лес пигмеев», 2005

«Зорро», 2005

«Инес моей души», 2006

«Сумма дней», 2008

«Остров под морем», 2010

Мемуары

«Афродита. Мемуары чувств», 1998

«Моя придуманная страна. Ностальгическое путешествие по Чили», 2003

«Паула», 2005

Экранизации

«Дом духов», 1993

«Любовь и тьма», 1994

Пьесы

«Посол» (Чили)

«Ничья баллада» (Чили)

«Семь зеркал» (Чили)

«Дом духов»

«Паула»

«Эва Луна» (мюзикл)

Исабель Альенде

Почему я пишу

У меня всегда есть потребность рассказать какую-нибудь историю. Это своего рода одержимость. Каждая история — зерно внутри меня, которое начинает расти, расти, подобно опухоли, потом оно набухает, и рано или поздно мне приходится что-то с ним делать. Почему какая-то конкретная история? Не знаю. Не знаю даже в тот момент, когда приступаю к ней. Понимаю уже гораздо позже.

Спустя годы я обнаружила, что рассказанные мною истории и истории, которые будут рассказаны, — все они определенным образом связаны со мной. Я пишу о женщине, живущей в викторианской Англии, как она покидает свой безопасный дом и отправляется в Калифорнию, где в самом разгаре золотая лихорадка, но на самом деле я говорю о феминизме, об освобождении, о том, что пережила сама, бежав от ханжества и консерватизма своей чилийской католической, очень патриархальной семьи и отправившись в большой мир.

Когда я начинаю очередную книгу, то понятия не имею, куда она меня приведет. Если это исторический роман, я прежде всего изучаю время и место, о которых пишу, но я не знаю, какую историю хочу рассказать. Понимаю лишь одно: хочу исподволь, каким-то хитроумным образом воздействовать на душу и разум людей.

Мои читатели, наверное, были бы удивлены, если узнали бы, насколько я требовательно отношусь к языку. Мне приходится перечитывать вслух каждый абзац и переделывать его, когда я нахожу однокоренные слова — меня они не устраивают. Я внимательно читаю каждую строчку перевода на английский. Переводчик присылает мне по двадцать или тридцать страниц, и, если я вижу, что какое-то слово не вполне выражает мою мысль, я тут же ищу нужное в словаре. Для меня очень важно найти точное слово, вызывающее определенное чувство или дающее достоверное представление о ситуации. Я очень придирчива, ведь слова — наш единственный материал. И мы вольны их использовать, как и сколько захотим. Независимо от того, сколько слогов в слове, оно дается нам бесплатно! Пишу я на испанском. На английском я могу составить какую-нибудь речь, но художественные произведения рождаются глубоко внутри. Они не обрабатываются разумом до тех пор, пока не начинаешь их редактировать. Все истории приходят ко мне на испанском. И бормочу я их про себя на испанском. Это как заниматься любовью. Я дышу на испанском и задохнусь, если придется писать на английском. Не получится.

Я стараюсь писать красиво, но доступно. Романские языки, такие как испанский, французский, итальянский, позволяют довольно витиевато и выразительно передать мысли и чувства, чего не сделаешь на английском. Мой муж говорит, что всегда может определить, когда приходит письмо на испанском, — конверт слишком тяжелый. Английское письмо — это один абзац. Вы сразу переходите к делу. Но на испанском так писать невежливо.

Жизнь среди англоязычных людей, а тем более чтение на английском научили меня писать максимально красиво, но при этом очень точно. Избыточные прилагательные, лишние описания — от них следует избавляться. Благодаря тому, что я говорю на английском, мой стиль изложения стал менее громоздким. Сейчас я пытаюсь перечитать свой «Дом духов» — и не могу. Господи, сколько прилагательных! Зачем? Просто используй одно хорошее существительное вместо трех прилагательных.

Когда я рассказываю историю рабства, то передаю ее с точки зрения раба. Точно так же приходится проникать и в душу

рабовладельца. Мне хочется, чтобы читатель проникся состраданием к рабу, понял, что такое несвобода.

Во всем, что я пишу, есть сильные женщины, которым в поисках собственной судьбы приходится преодолевать страшные препятствия. Я не пытаюсь в назидание другим создать образцы для подражания. Просто хочу, чтобы после прочтения моих романов женщины нашли бы в себе силы что-то изменить, а мужчины могли бы лучше понять суть женщины и научились бы ей сопереживать.

Предполагаю, так все и происходит. Кроме того, у меня нет никакой другой работы. Что мне еще остается делать?

Ад — это седьмое января

Все книги я начинаю восьмого января. Вы даже не представляете, что такое для меня седьмое января... Это ад...

Каждый год седьмого января я готовлю физическое пространство. Убираю все, что связано с предыдущими работами. Оставляю только словари, свои первые издания и нужные материалы для новой книги. Восьмого января я проделываю ровно семнадцать шагов от кухни до бассейна, рядом с ним стоит маленький домик, где я пишу. Это сравнимо с путешествием в потусторонний мир. Зимний дождливый день. Я вышагиваю под зонтом, меня сопровождает собака. Как только я завершаю свои семнадцать шагов, я сразу попадаю в иное измерение и становлюсь другим человеком.

Я иду туда, и мне страшно. Я волнуюсь. И расстраиваюсь. Поскольку у меня уже есть некая идея, но она еще не стала замыслом. Обычно первые две, три, четыре недели я провожу впустую. Подхожу к компьютеру и просто стою перед ним. Подхожу и стою, потом снова подхожу и стою — и так до тех пор, пока не обнаружится присутствие музыки. Она редко посещает меня по приглашению, но ничего страшного — в конце концов, она все-таки объявляется.

Рай — это появление музыки

Когда я чувствую, что сюжет набирает ритм, а персонажи обретают определенные черты, то есть я могу видеть своих героев, слышать их голоса — они, правда, не такие, как я их задумывала, и поступают совсем не так, как я ожидала, — тогда я понимаю, что книга уже где-то существует: мне нужно просто отыскать ее и перенести, слово за словом, в свой мир.

После этого моя жизнь резко меняется. Она превращается в нескончаемый азартный процесс, которым управляет лишь моя одержимость. Жуткое напряжение всех сил. Я могу работать по четырнадцать часов. Вот только сидеть подолгу в одной позе физически тяжело. Поэтому сын настроил мой компьютер таким образом, что он каждые сорок пять минут отключается, и я волевым усилием отрываюсь от него и разминаюсь. В противном случае у меня настолько все затекает, немеет и деревенеет, что в конце дня я уже не в состоянии подняться на ноги.

Текст я правлю до изнеможения, пока, в конце концов, сама себе не приказываю, что всё, хватит! На самом деле этот процесс бесконечен, всегда можно вычистить еще лучше — во всяком случае, мне так кажется. Но я делаю все, что в моих силах. Со временем я научилась избегать лишней правки. Это связано с появлением в моей жизни первого компьютера, предоставившего возможность быстро, легко и нескончаемо вносить любые изменения. Тогда я начала жестко себя ограничивать, и мой стиль сразу стал более сдержанным.

В непринужденном повествовании есть определенная привлекательность. Я добиваюсь того, чтобы каждый читатель думал, будто я обращаюсь только к нему и никому другому. Когда вы сидите на кухне и рассказываете какую-нибудь историю другу, то ваша речь полна ошибок и повторов. В своих текстах я стараюсь избегать этого, но при этом мне хочется сохранить доверительную атмосферу дружеской беседы. Ведь я пишу романы, а не лекции.

Бывает трудно найти и еще сложнее сохранить баланс безупречного языка и доверительной интонации. Но я пишу уже тридцать лет, поэтому сразу вижу, в чем я переусердствовала. Всегда читаю

написанное вслух, и, если повествование не напоминает мою манеру разговора, я вношу изменения.

Я гаитянская рабыня из восемнадцатого века

Поскольку мои книги переводят на тридцать пять языков, нужно быть очень осторожной с диалогами. Переводить их крайне тяжело. Разговорная речь быстро меняется, какие-то обороты пропадают, появляются новые выражения, и книга устаревает. Никогда не знаешь, как переведут беседу твоих героев на румынский или вьетнамский. Поэтому я решила как можно реже прибегать к диалогам, но когда все-таки использую диалогическую речь, то стараюсь делать ее очень простой.

В «Острове под морем» героиня-рабыня представляет собой полную мою противоположность как физически, так и эмоционально. Прежде всего она высокая африканская женщина. И тем не менее я знаю, как бы себя чувствовала на ее месте. Когда я пишу, то *сама становлюсь* рабыней. Это я тружусь на плантации. Это я страдаю от зноя и запахов.

Быть пленником своих историй сродни болезни. Мой замысел никогда не отпускает меня, он сидит во мне сутками напролет, не давая отдохнуть даже во сне. Мне кажется, будто целый мир постоянно говорит со мной, поэтому все, что я вижу, и все, что происходит вокруг, я связываю с той историей, которую пишу. И чувствую себя непобедимой. За сюжетом моей книги может стоять самая страшная история на свете, но я абсолютно счастлива.

Когда я писала последнюю книгу — «Остров под морем», — я себя очень плохо чувствовала и решила, что у меня рак желудка. Меня постоянно рвало. Из-за этого я не могла даже лежать, и мне пришлось спать сидя. «Твое тело реагирует на историю. Когда закончишь книгу, придешь в норму», — успокоил муж. Так и произошло.

Лучший момент — первый роман

За мою писательскую жизнь со мной произошло много всего замечательного. Мне присуждали награды. По моим книгам снимали фильмы и ставили спектакли. Я даже несла флаг на Олимпиаде 2006 года в Турине в Италии. Можете себе представить? Я вышла на стадион сразу после Софи Лорен и перед Сюзан Сарандон. У меня есть фантастическая фотография этой церемонии. Вы видите Софи Лорен, красивую, высокую, элегантную, потом флаг, потом дыру, а потом Сюзан Сарандон, тоже очень красивую. Мой рост — полтора метра, и я под флагом. Меня просто не видно. Однако самый счастливый момент связан не с Олимпиадой. Это случилось в 1981 году, когда я писала свой первый роман. Мне еще было неизвестно, что такое амбиции, я ни на что не надеялась, не ждала никаких публикаций и тиражей, поэтому и не испытывала внутреннего давления. Я еще не знала, что стала писателем, я поняла это только после четвертой книги. У меня отсутствовали какие-либо ожидания — только свобода повествования ради самого повествования.

Я работала в Каракасе. Все ночи проводила на кухне за компактной печатной машинкой. Печатная машинка! Поэтому я не позволяла себе писать плохо. Когда я закончила, то показала текст матери. Она спросила: «Почему ты назвала худшего персонажа в книге в честь отца?» Я не знала своего отца, но сказала: «Без проблем, поменяю». Мне пришлось искать для героя новое имя, но главное — в нем должно было быть столько же букв, что и в старом. Потом я прошла по всем пятистам страницам, вставляя новое имя взамен старого.

Но это была свобода! Чудесное время, когда меня ничто не заботило, кроме истории, которую я описывала. Я носила свой экземпляр на груди, словно младенца, брала его с собой всюду, куда бы ни пошла.

Худший момент — застой

Моя дочь Паула умерла 6 декабря 1992 года, а 7 января 1993 года моя мать сказала: «Завтра восьмое января. Если не начнешь писать, ты умрешь».

Она вручила мне все сто восемьдесят писем, которые я посылала ей, пока дочь находилась в коме, и ушла в магазин. Когда шесть часов спустя мать вернулась, я, обливаясь слезами, уже писала первые страницы «Паулы». Литературный труд всегда вносил определенный порядок в ту хаотичную жизнь, которую я вела. Он организовывал не только память, но и само мое существование. Вплоть до сегодняшнего дня отклики читателей помогают мне чувствовать, что дочь жива.

Однако «Паула» была закончена, и я впала в творческий ступор. Хотя я и пыталась писать каждый день, но была глубоко опустошена. Так прошли два года, полные отчаяния, и однажды в нашей маленькой и независимой книжной лавке я встретила Энни Ламотт^[6]. Она поинтересовалась, не лучше ли мне. Я ответила, что, напротив, еще хуже. «О, Исабель, — вздохнула Энни, — твой источник иссяк. Тебе нужно его снова наполнить...» Я спросила в ответ: «Но как я могу это сделать?» — «Ты найдешь способ» — сказала она.

Энни оказалась права. Поездка в Индию с мужем и другом меня встряхнула. «В мире слишком много горя и столько нерешенных вопросов! Почему я жалею и рыдаю? Кто я такая, чтобы замыкаться на собственном горе?» — спросила я себя. Замечательное ощущение. По возвращении домой я дала зарок: пока не соберусь силами сестры и начать работать над беллетристикой, то буду писать любую прозу — о чем угодно, только не о политике и футболе.

Мне нужна была проблема, как можно более удаленная от темы «Паулы». Поэтому я написала свою «Афродиту», книгу о сексе и ненасытности.

Таким образом я нащупала правильный защитный механизм. Меня уже не страшил творческий тупик, ведь я всегда могла вернуться к научно-популярной литературе. Тем более к автобиографической прозе, у которой есть свои преимущества. Я пишу предельно откровенно, у меня не бывает секретов, и поэтому меня никто никогда не сможет и не будет шантажировать.

Но до сих пор мне страшно, а вдруг творческое бессилие вернется? Оно как мычание, как зыбучий песок. Оно ужасно.

Вперед в будущее

Люди всегда будут рассказывать и писать разные истории, поэтому литература никогда не умрет, но какую форму она примет? Продолжим ли мы писать романы? Будут ли их читать? Или наша проза станет лишь подручным материалом для театральных пьес и киносценариев? Сюжеты останутся, но в каком виде — я не знаю. Сейчас я рассказываю свои истории, которые публика получает в формате печатной книги. В будущем, если правила игры поменяются и окажутся востребованы другие повествовательные формы — я приспособлюсь.

Язык — для меня самое главное сохранить его. Рассказать историю, чтобы выразить чувство, создать напряжение, передать ритм — вот что важно.

Исабель Альенде делится профессиональным опытом с коллегами

- Поиск точного слова стоит затраченных усилий; с его помощью вы создаете определенное состояние и описываете нужную вам ситуацию. Пользуйтесь словарями, подключайте воображение, ломайте голову — делайте все, пока не найдете своего слова. Ищите его.
 - Когда почувствуете, что сюжет набирает ритм, а персонажи обретают определенные черты, то есть вы видите своих героев, слышите их голоса — правда, они не такие, как вы их задумывали, и поступают не так, как вы ожидали, — тогда вы поймете, что книга уже где-то существует: вам нужно лишь отыскать ее и перенести, слово за словом, в свой мир.
 - Когда вы сидите на кухне и рассказываете какую-нибудь историю другу, то ваша речь полна ошибок и повторов. Избегайте этого в своих произведениях, но сохраняйте доверительную интонацию дружеской беседы. Вы создаете роман, а не готовите лекцию.
-

Глава 2

Дэвид Балдаччи

Джек Армстронг находился в своем доме в Кливленде, он сидел на подержанной больничной койке, с трудом помещающейся в углу маленькой комнатухи. В свои девятнадцать он уже стал отцом, второго ребенка они с женой Лиззи зачали во время его увольнительной. Джек состоял на военной службе пять лет, когда началась война на Ближнем Востоке...

«Однажды летом» (One Summer, 2011)

Существует теория, будто превратности судьбы формируют определенный характер, по крайней мере рождают в человеке смирение, но, безусловно, я не ждала, что Дэвид Балдаччи будет обладать подобным качеством. Он настолько красив, что журнал *People* внес его в список «Пятидесяти самых красивых людей мира». Первый роман «Абсолютная власть» (*Absolute Power*), в мгновение ока ставший международным бестселлером, еще до своего выхода в свет принес автору двухмиллионный гонорар; по всему миру было продано сто десять миллионов экземпляров. По мотивам «Абсолютной власти» Клинт Иствуд снял одноименный фильм, в котором сыграл главную роль.

Впрочем, за свою жизнь Балдаччи пришлось столкнуться с разными испытаниями. Десять лет он был адвокатом в крупной корпорации, а ночами, до изнеможения, работал над книгами, получая за все свои усилия лишь письма с отказами. «Чтобы получить шанс опубликовать что-то в *New Yorker*, мне следовало написать на титульном листе “Джером Сэлинджер”», — сказал он.

Он славный парень — Дэвид Балдаччи. Организовал вместе с женой литературный фонд и назвал его *Wish You Well* («Всего вам доброго»), поддерживает благотворительные организации. Балдаччи нравится президентам. Билл Клинтон назвал *The Simple Truth* («Простая правда») своей любимой книгой за 1999 год. Джордж Буш послал Балдаччи записку: «Я Ваш самый большой фанат в Хьюстоне» — и пригласил любимого автора в Кеннебанкпорт на ужин.

Биографические данные

Дата рождения: 5 августа 1960 года.

Родился и вырос: Ричмонд.

Ныне живет: Вьенна (Вирджиния).

Личная жизнь: женат более двадцати лет на Мишель Балдаччи.

Семейная жизнь: двое детей — Спенсер и Коллин; два лабраудля — Финнеган и Гиннесс.

Образование: степень бакалавра политических наук в Университете содружества Вирджинии; юридическая степень в Университете Вирджинии.

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): Золотая медаль Гильдии писателей Юга (за лучший детективный роман и боевик, 1997); британская награда W. H. Smith Thumping Good Read (1996); премия «Выбор народа» (People’s Choice) от агентства «Библиотека Вирджинии» (2005); награда «Серебряная пуля» Международной ассоциации авторов боевиков (2008); в 2011 году помещен в Зал Славы Международной ассоциации писателей-криминалистов; в 2012 году получил награду Barnes & Noble Writers for Writers Award.

Интересные факты

- Балдаччи работал адвокатом в области корпоративного и судебного права в Вашингтоне.
- Балдаччи является соредактором журнала Parade.
- Двадцать четыре романа Балдаччи переведены на 45 языков, общий тираж в 80 странах составляет 110 миллионов экземпляров.

Сайт: www.davidbaldacci.com

Facebook: www.facebook.com/writer.david.baldacci

Twitter: [@davidbaldacci](https://twitter.com/davidbaldacci)

Избранные работы

Романы^[Z]

«Абсолютная власть», 1996

«Тотальный контроль», 1997

«Победитель», 1997

«Простая правда», 1998

«Спасти Фейт», 1999

«Всего вам доброго», 2000

«До последнего», 2001

«Рождественский поезд», 2002

«Доля секунды», 2003

«Игра по расписанию», 2004

«Верблюжий клуб», 2005

«Коллекционеры», 2006

«Обыкновенный гений», 2007

«Холодный, как камень», 2007

«Божественное правосудие», 2008

«Вся правда», 2008
«Первая семья», 2009
«Абсолютная лояльность», 2009
«Избавь нас от зла», 2010
«Закоулки ада», 2010
«Однажды летом», 2011
«Шестой человек», 2011
«Нулевой день», 2011
«Невиновный», 2012

Экранизация

«Абсолютная власть», 1997

Детские книги

«Фредди и Картошка Фри. Фри живая!», 2005
«Фредди и Картошка Фри. Тайна Сайласа Финклбоба», 2006

Дэвид Балдаччи

Почему я пишу

Если сочинение книг было бы запрещено законом, я сидел бы в тюрьме. Я не могу не писать. Настоящая зависимость.

Когда фразы легко ложатся, а интрига льется сплошным потоком — да это лучше любого наркотика. Сочинительство не просто поднимает настроение. Оно все делает лучше.

Бывает иначе. Стремительно приближаются сроки сдачи работы, а вы мучаетесь со своими героями, не знаете, что с ними делать, удаляете страницу за страницей, — знаете, тогда уже не до эйфории. Но если по-настоящему, у меня самая крутая профессия в мире: предчувствовать зарождение идеи, размышлять над замыслом, придумывать сюжеты — и все это сидя. Вдобавок тебе еще платят за фантазии.

В детстве я много читал. Постоянно мечтал о разных мирах, придумывал собственные маленькие вселенные, в которых не мог бы затеряться. Я рассказывал свои истории всем, кто их слушал, и даже тем, кто не слушал. В итоге мать не выдержала и подарила мне чистый блокнот. Это была попытка меня заткнуть — она надеялась, что так наступит покой и тишина. Мать сказала, чтобы я записывал свои истории. И я подсел.

Если у вас есть желание рассказывать истории, при этом вы наделены каким-то воображением и любите играть словами — процесс писания выходит из-под контроля. Сочинительство начинает жить собственной жизнью. Когда я даже выхожу на прогулку, то не в состоянии удержаться, чтобы не перетащить прохожих, которых вижу по дороге, в новый сюжет. Я населяю ими свою вселенную. Они, к счастью, не подозревают о моих помыслах, иначе до смерти бы перепугались, узнав, что стреляют в меня на улице, а я, естественно, отстреливаюсь.

Я обычно говорю школьникам на разных встречах: «Вы все потрясающе талантливые, знаете вы это или нет. Взросление лишает вас творческого начала. Не теряйте его, и тогда вы сможете отправиться в такие места, до которых еще ничье воображение не добиралось».

Я не могу написать «Выбор Софи»^[8]. И не собираюсь писать книги для Пулитцеровской премии. Это не мое. Я хорошо знаю, на каком поле мне играть и на что хватит моего таланта.

Романы, получающие такого рода награды, обладают невероятной глубиной. В них все сделано на высочайшем уровне: язык, стиль изложения, фабула — все держит тебя в напряжении. Одна фраза может быть растянута на шестнадцать строк — хорошо хоть запятые стоят. Как в «Выборе Софи», например. Но это вещь! И это красиво!

Могу ли я потратить пять лет жизни на одну книгу, вместо того чтобы выпускать каждые семь, восемь или десять месяцев по так называемому коммерческому роману? Не знаю. Даже не уверен, хватит ли у меня на это профессионализма, образования и даже таланта. Люди, создающие подобные художественные произведения, более дисциплинированы. Они тратят не то что годы, а кладут целые жизни на алтарь одной книги. Вкладывают весь накопленный опыт в одну историю.

Три года я работал над первой книгой, но в те времена мне надо было еще ходить на службу и находиться там полный день. Конечно, я не создал высокохудожественной вещи. Как мог, трудился над развитием характеров персонажей. Что говорить, «Абсолютная власть»

целиком завязана на сюжете. Вот читатели и ждут от меня лихо закрученных интриг и неожиданных поворотов.

Американская федерация труда против Конгресса производственных профсоюзов

Разделение литературы на художественную и коммерческую меня убивает — все равно что разрубить единое целое пополам. С этой стороны у нас Американская федерация труда, а с другой — Конгресс производственных профсоюзов, и мы хотим, чтобы вы, ребята, боролись друг с другом, потому что так будет лучше... Вот как! Кому лучше? И в чем лучше? Это все большой бизнес.

Я езжу по всей стране, посещаю многие литературные мероприятия, где бывают потрясающие писатели. Между прочим, многие из них встречают нас, коммерческих авторов, с распростертыми объятиями. Ну, где-то на уровне: «Привет, приятель!» Однако приходилось сталкиваться и с враждебностью. Обычно происходит так: «коммерческие» жалуются: «Пишу ведь такие же хорошие вещи, как твои, но никогда не получаю наград», «высокохудожественные» парируют: «Книги, которые я пишу, лучше твоих, но они не продаются».

Кто-то однажды спросил Джона Апдайка: «Почему вы не пишете детективов?» Знаете, какой был ответ? «Потому что я недостаточно умен», — и это сказал автор, написавший блестящие художественные произведения, получивший две Пулитцеровские премии. У него просто другая «квалификация» — и у меня другая... Я, например, никогда не смог бы написать «Кролик, беги»^[9]. Чтобы делать детективы, нужно уметь планировать и продумывать сюжеты. Вы закладываете бомбу на девятой странице, но взорвется она только на четырехсотой. Даже для примитивной книги потребуются способности и труд.

Каждый полагает, что способен написать роман. Почему-то никто не считает, что можно легко забросить мяч в баскетбольную корзину. Любой нормальный человек оценивает свои возможности и понимает: для этого ему не хватит ни роста, ни спортивной подготовки. Но все

думают: «У меня есть мозги, есть ноутбук. Что в этом сложного?» Тот, кто хоть раз попробует, начинает осознавать, насколько это сложно.

Адвокаты — великолепные рассказчики

С лучшими образцами художественной прозы я познакомился, когда стал адвокатом.

Знаете, кто выигрывает в суде? Клиент, чей адвокат говорит лучше и более вдохновенно, чем адвокат противной стороны. При работе с судебным делом вы не имеете права ни поменять, ни подтасовывать факты. Но вы можете, акцентируя внимание на одних вещах и тушуя другие, так скомпоновать и подать информацию, что получится блестящая новелла, в которой ваш клиент будет представлен в лучшем свете. Вам необходимо убедиться, что тем фактам, которым люди *должны поверить*, невозможно противостоять. Обстоятельства, вредящие делу, следует либо объяснить, либо спрятать. Вот что значит рассказывать историю.

Адвокаты трудятся невероятно много, продавая свои жизни и таланты за получасовую оплату. Поэтому у них расписан каждый час. Мои сутки, включающие и юридическую службу, и писательский труд, были жестко распланированы вплоть до 1995 года. В том году я оставил адвокатскую практику. А до тех пор, в течение десяти лет, мне приходилось писать с десяти вечера до двух ночи, шесть ночей в неделю. Довольно сурово, но я выискивал время везде, где только возможно. Правда, для меня это оказалось не столь тяжело. За рабочий день я собирал множество сюжетов — они просто роились у меня в голове, и я не мог дождаться, когда доберусь до дома и запишу их.

Голодающий писатель — не мой вариант

Я вырос на Юге; и у нас, южан, всегда были по-настоящему хорошие авторы, писавшие короткие рассказы. Например, Фланнери О'Коннор, Трумен Капоте, Юдора Уэлти, Ли Смит. Поэтому нет ничего странного, что меня тянуло к этой форме. Я пытался публиковать свои короткие рассказы в старшей школе и продолжал попытки, пока учился в колледже. За те годы у меня скопилось множество писем с отказами.

Мне это надоело, и я решил переключиться на сценарии. Купил книгу, где объяснялось, как их писать; более того — я нашел агента из Вирджинии, что совсем непросто. За свою адвокатскую практику я получал двести долларов в час, и вот, в 1991 году я написал сценарий, который понравился всем в Голливуде. Мой агент надеялся, что сценарий принесет большие деньги. *Большие*. В полночь он позвонил и рассказал, что в Warner Bros. отказались от моего сценария, остальные студии поступили так же, решив не рисковать, — если Warner Bros. отклонила, значит с ним явно что-то не так.

Удар сокрушительный. Мою работу так расхваливали, и я им поверил. К тому моменту я сочинял уже довольно долгое время. Причем даже в мыслях не держал зарабатывать писательством на жизнь. Даже если опубликуют ваш короткий рассказ, самое большое, на что вы можете рассчитывать, — бесплатные журнальные экземпляры. Вашему банковскому счету от этого ни холодно ни жарко.

Как только в 1993 году родился наш первый ребенок, я понял, что путь голодающего писателя не для меня. Я стал кормильцем, и если не мог заработать денег сочинительством, то должен был продолжать свою адвокатскую практику. Я подумал: «Нет, такой вариант не рассматривается. Я просто останусь тем автором, кто пишет ради удовольствия и знает, что его произведения никогда не выйдут в свет». Это не означало, что я собирался перестать сочинять.

Мой лучший выстрел

Я изучал книжную отрасль. Читал множество боевиков и детективов, чтобы понять, чему противостоять. Я знал, что мне нужен агент, поэтому начал искать новости про начинающих романистов, подписавших первые крупные контракты. Потом шел в книжный магазин, брал книгу начинающего автора и читал страницу с благодарностями, чтобы узнать, кто был его агентом.

Так я получил имена семи агентов. Я написал каждому короткую заявку: «Я адвокат из Вашингтона, написал политический боевик. Уверен, если вы прочтаете первую страницу, то не сможете оторваться, пока не дойдете до последней. С уважением, Дэвид

Балдаччи». Надежда была на то, что половина из них прочитает рукопись до конца лишь затем, чтобы опровергнуть мои слова.

Я рассчитывал на ответ хотя бы одного из агентов, но мне написали все семеро. Я отправился в Нью-Йорк и встретился с ними. Тот, на ком я тогда остановил свой выбор, до сих пор со мной работает.

Пару дней я вносил правки, и наконец вечером в понедельник мой агент разослал рукопись группе издателей. Он позвонил утром во вторник, когда я находился в офисе.

— Эй, если я пристрою твою рукопись, ты сможешь бросить работу и писать весь день?

— Ну, я ждал этого последние шестнадцать лет. Так что да, было бы здорово.

— Это хорошо. Потому что я продал твою книгу.

Главный редактор издательства, которое на тот момент звалось Warner Books, прочитал рукопись за ночь и послал по факсу заманчивое предложение: мультимиллионный гонорар за одну книгу. Мое сочинение обернулось большими деньгами для издателя и отличной сделкой для меня.

Мальш по имени книга

Все было нереально. Оказалось, никто — кроме жены, родителей, брата и сестры — не знал, что все эти годы я писал. Мы с женой позвонили друзьям: «Нам нужно сообщить вам кое-что особенное». Они решили, что мы ждем еще одного ребенка. Я сказал: «Ну, вообще-то, мы правда ждем еще одного малыша. Но его рожаю я. Это книга».

До этого момента издательский мир — тот, который я знал, — был для меня воплощением одного большого отказа, поэтому в течение следующего года я оставался на основной работе. В конце концов не выдержав, я объявил жене: «Ради этого я трудился всю свою жизнь. Хотелось бы воспользоваться таким шансом». Мы решили, что пора уходить с работы, но, если книга провалится, я смогу вернуться к адвокатской практике. Как я волновался, ожидая выхода книги! Я понимал, что если она не станет продаваться, то, учитывая размер аванса, с которым придется расстаться, со мной будет покончено.

Звучит несколько сентиментально, но в ту минуту, когда я увидел свою книгу на полке в Центре международной торговли, я понял, что стал писателем, причем успешным писателем. После того дня я перестал ожидать от издателей их вечного «Наши планы изменились. Вам придется вернуть деньги». Я осознал, что моя писательская карьера состоялась.

Всякий раз боюсь до смерти

Когда я приступаю к очередной работе, то боюсь до смерти, что волшебство не свершится.

Вряд ли вам захочется оказаться на операционном столе под скальпелем хирурга, который говорит: «Попробую-ка я сегодня поперировать левой рукой». Именно в этом суть писательства. Чтобы стать лучше, заставляешь себя каждый раз делать что-то по-другому. Как писатель вы не ограничены никаким оборудованием и вам все равно, какие новейшие технологии завоевывают мир. Вы затеяли азартную игру. И это пугает.

Уильям Голдмен, написавший сценарий для «Абсолютной власти», дал мне великолепный совет: «Пиши так, будто это твое первое в жизни произведение. С того момента, как ты поймешь механизм сочинительства, с тобой как с писателем будет покончено». И он прав. Если литературный труд станет для меня привычным делом, если я начну думать, что лучше помахать ракеткой на корте, если пойду наиболее простым и проторенным путем, повторяя собственные приемы, которые использовал раньше, — я брошу.

Иногда я завидую тому парню, каким был двадцать лет назад, когда сидел в маленьком уютном жилище и никто не стучался в мою дверь. Меня не беспокоили мысли о поездках, деньгах, путешествиях в другие страны — я просто писал рассказы, ни о чем не думая. Сегодня я каждый день воздвигаю стену между собой и деловым миром — будто я пишу бесплатно, ради собственного удовольствия, которое получаю, рассказывая вам свои истории. Ведь именно этим я занимался в свои первые шестнадцать лет.

Дэвид Балдаччи делится профессиональным опытом с коллегами

- Вы можете работать в любом жанре, но всегда следите за тенденцией: что на сегодняшний день актуально в том литературном виде, который вы выбрали. Темы, волновавшие читателя десять лет назад, совсем не обязательно будут востребованы сегодня. Думайте о конкуренции и оставляйте конкурентов далеко позади.
 - Вне зависимости от того, пишете ли вы роман или сопроводительное письмо потенциальному агенту — чем короче, тем лучше. Напомню фразу Авраама Линкольна, перефразировавшего слова Паскаля^[10]: «Прошу прощения за столь длинное письмо. Не было времени написать короткое».
 - Преимущество современного издательского дела: намного проще опубликовать свои произведения самостоятельно, чем отдавать их сторонним издателям. Размещайте их в интернете, издавайте по требованию^[11] или самостоятельно — но в любом случае, если хотите поделиться своей историей, *публикуйте ее*.
 - «Писать для читателей» равносильно тому, чтобы «писать то, что, по-вашему мнению, люди купят». Не попадайтесь на эту удочку! Пишите для человека, которого вы знаете лучше всего, — для себя.
-

Глава 3

Сью Графтон

Филлип Ланахан ехал в Вегас в своем Porsche 911 Carrera, кабриолете 1985 года, шустром маленьком красном автомобиле, который ему подарили родители два месяца назад, когда он окончил Принстон. Его отчим купил подержанный автомобиль, так как презирал саму идею обесценивания. Первому владельцу лучше с этим смириться.

«“Ж” — значит жажда мести» (*V Is for Vengeance*, 2011)

Я бросаю вам вызов: прочитайте одну страницу текста, вроде того, что приведен выше, и отложите книгу. Давайте, попробуйте.

Готова спорить, что вы не сможете остановиться — эта фраза могла бы стать лозунгом всего творчества Сью Графтон. Стоит добавить: она талантливый писатель, обладающий редким даром соединять литературные и коммерческие достижения, восторженные рецензии, первые строчки в рейтингах и огромные продажи. Сью Графтон заслуженно гордится собой, поэтому будем считать, что *Графтон* и есть ее фирменный знак. К счастью для миллионов ее читателей, живущих в двадцати восьми странах мира и говорящих на двадцати шести языках, за этим брендом стоит огромная книжная серия, систематически пополняющаяся новыми произведениями.

Первой книгой в детективной серии про частного сыщика Кинси Милхоун стал опубликованный в 1982 году роман «“А” — значит алиби» (*A Is for Alibi*). Его автором была сорокадвухлетняя Сью Графтон — успешный сценарист и не очень счастливая женщина. «“А” — значит алиби» далеко не первый ее роман. Первый она написала в восемнадцать лет и потом сразу еще шесть. Лишь два из них: *Keziah Dane* («Кассия Дейн») и *The Lolly — Madonna War* («Лолли — мадонна войны») — были опубликованы соответственно в 1967 и 1969 годах. После нескольких лет работы сценаристом в Голливуде — в писательской среде приобретение сего опыта горько сравнивают с пребыванием в тренировочном центре для новобранцев — у Графтон появилась непреодолимая тяга к детективным сюжетам. Замученная тяжелым бракоразводным

процессом, она вдруг обнаруживает, что мечтает убить или на худой конец покалечить того, кто в ближайшем времени должен был стать ее «бывшим». К счастью для нас всех, она превратила свои мстительные фантазии в романы. На сегодняшний день ее детективная «алфавитная серия» включает уже двадцать два романа. Миллионная армия ее поклонников с замиранием сердца ждет добавления следующих букв алфавита.

Биографические данные

Дата рождения: 24 апреля 1940 года.

Родилась и выросла: Луисвилл (Кентукки).

Ныне живет: Луисвилл; Монтесито (Калифорния).

Личная жизнь: муж — Стивен Хамфри, преподаватель философии; замужем 33 года.

Семейная жизнь: трое взрослых детей, четверо внуков (внучку назвали Кинси).

Образование: Луисвиллский университет, степень бакалавра по английскому языку (1961).

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): три премии имени Энтони Бучера, три премии Шамуса, награда Smith-Breckenridge Distinguished Woman of Achievement Award, литературная премия имени Росса Макдональда (2004), Алмазный кинжал Британской ассоциации писателей детективного жанра; Гранд-мастер Американской ассоциации писателей детективного жанра.

Интересные факты

- Сью Графтон — дочь автора детективных романов К. Графтона.
- Наибольшее литературное влияние, по словам Графтон, на нее оказал Росс Макдоналд. Главная героиня ее «алфавитной серии» родилась и живет в Санта-Терезе — вымышленном городе, созданном Макдоналдом в качестве замены Санта-Барбары.
- Графтон долго не получала больших гонораров, поэтому не могла уйти с основной работы вплоть до 1990 года, когда вышел в свет очередной роман серии G Is for Gumshoe («“Д” — значит детектив»).
- Графтон отказалась продать права на экранизацию своих книг и пригрозила детям, что будет преследовать их, если они сделают это после ее смерти.

Сайт: www.suegrafon.com

Facebook: www.facebook.com/pages/sue-grafon/112566022091435?ref=ts

Избранные работы

Романы^[12]

«Кессия Дейн», 1967

«Лолли — мадонна войны», 1969

- «А» — значит алиби», 1982
- «Б» — значит безнаказанность» ✓, 1985
- «Г» — значит гибель», 1986
- «И» — значит изгой», 1987
- «Ф» — значит факты», 1988
- «С» — значит скрывающийся», 1989
- «Д» — значит детектив», 1990
- «Т» — значит тайна», 1991
- «Н» — значит невиновен» ✓, 1992
- «К» — значит кара» ✓, 1993
- «У» — значит убийца» ✓, 1994
- «З» — значит запрещенный», 1995
- «Ц» — значит цель», 1996
- «Л» — значит ловушка», 1998
- «В» — значит вне закона», 1999
- «П» — значит погибель» ✓, 2001
- «Д» — значит дело из прошлого», 2002
- «Р» — значит рикошет», 2004
- «М» — значит молчание» ✓, 2005
- «Ч» — значит чужая личность», 2007
- «О» — значит отлив», 2009
- «Ж» — значит жажда мести», 2011

Сборники рассказов

- «Кинси и я», 1992
 - «Игра в ложь», 2003
-

Сью Графтон

Почему я пишу

Я пишу, потому что в 1962 году меня не взяли в детский отдел универмага Sears, куда я пыталась устроиться на работу.

Говоря серьезно, я пишу, потому что придумывание историй — единственная вещь, которую я знаю, как надо делать. Сочинительство — мой якорь и мое предназначение. Оно заполняет всю мою жизнь, вне зависимости от того, идет ли работа хорошо, или я застряла в аду писательского ступора, что, к счастью, происходит всего лишь раз в день.

Лучшие мгновения? Больше всего я люблю то время, когда работа идет хорошо и я полностью погружаюсь в текст, — это может случиться в любой день или даже отдельный момент. Самое тяжелое время — если не пишется и я не поглощена своей работой. Второе

происходит чаще, чем первое. Но я еще тот тип — очень упертая и никогда не сдаюсь.

Я упертый писатель... и еще я очень боюсь

Большую часть дня, когда я сижу за компьютером, я практически схожу с ума от страха. Меня постоянно преследуют страшные мысли: мой последний роман станет моей последней книгой, увидевшей свет; моя писательская судьба закончена; я уже не смогу справиться со следующим романом; мой успех — мимолетная иллюзия; все надежды на будущее уже мертвы. Проклятье! Такая драма развивается, а еще нет даже девяти утра.

Писательский ступор? Над этим я много думала, поскольку довольно часто в него впадаю. Долго пыталась бороться с ним исключительно силой воли. Но сейчас смотрю на все иначе. Мне кажется, что ступор — это некое послание из Сумрака, сообщающее мне, что я сбилась с пути. Скорее всего, такое состояние представляет собой побочный эффект неправильного выбора, который я так или иначе совершаю. Моя задача — вернуться и посмотреть, смогу ли я обнаружить развилку на дороге, где я приняла ошибочное решение и пошла в неверном направлении. Иногда я не поняла какого-нибудь персонажа, не нашла нужной мотивации. Могу, например, представить события в том порядке, который испортит всю сюжетную линию. Обычно мне не приходится отслеживать свои шаги дальше двух глав — погрешность быстро всплывает, и ее легко исправить.

Обычно я пишу методом проб и ошибок, а значит, я часто попадаю в тупик. Люблю следовать за разными вариантами, сулящими невиданные возможности, но они тут же испаряются. Я могу продумать, а потом бросить целые сюжетные линии, потому что оказывается, их нельзя использовать.

Ради собственного спокойствия я веду журнал, который завожу отдельно для каждого романа, над которым работаю. Там я позволяю себе ныть, заламывать руки, раздражаться, составлять планы, экспериментировать и время от времени одобрять свою работу. Писать книги — напряженная работа, полная стресса. Моя теория заключается в том, что, если я не приму собственную сумрачную сторону:

разочарование, страхи, ошибки, которые, похоже, мне предначертано делать каждый божий день, — отрицательные эмоции навредят моему умению писать.

Рабочие журналы преследуют несколько целей. Я записываю все о своей работе, ежедневно перечисляю проблемы, с которыми сталкиваюсь по мере того, как книга обретает форму. Когда я впадаю в свой ступор, то обязательно просматриваю все журналы от самых ранних стадий работы над книгами. Может прозвучать странно, но неоднократно я решала проблемы и находила решения задолго до того, как начинала непосредственно писать.

Другое удовольствие от ведения журналов заключается в том, что в дни особого разочарования и отчаяния я могу перечитывать их, начиная с первых своих книг, и тогда понимаю, что находилась в таком же тупике и была охвачена таким же страхом и в те далекие годы. Сознание, что я преодолела все ошибки в прошлом, помогает мне пережить их в настоящем. Иногда посещают странные и не имеющие отношения к работе мысли, я тут же заношу их в журнал, и так рождаются идеи для следующей книги в серии. Я не знаю, делают ли так другие писатели, но мне это помогает.

Когда я перечитываю журналы, то обращаю внимание, что, рассказывая себе историю, я веду ее бесконечными петлями, повторяясь до тех пор, пока не увижу целостного рассказа. Вообще мои записи в журналах ужасно скучные. Я не пытаюсь писать грамотно или высокохудожественно. Конечно, может случиться, что кто-нибудь кроме меня сунет нос в эти нудные страницы, но мне как-то все равно. Ведя такие рабочие журналы, я не ставлю перед собой цели произвести впечатление, — они мне нужны, чтобы выразить словами проблемы по мере того, как с ними сталкиваюсь, и чтобы взвесить все варианты. Записи в журналах — это разогрев, исследовательская база, фрагменты диалогов, наброски характеров и портретов персонажей. Бывает, я вставляю в какой-нибудь эпизод целые куски из журнала, если они сделаны хорошо и идеально вписываются в роман.

Шесть рабочих журналов для «“Ж” — значит жажда мести» занимают 967 страниц с одинарным интерлиньяжем. Законченная рукопись составляла 662 страницы с двойным интерлиньяжем. Может

показаться, что это впустую потраченные усилия. Но на самом деле каждый неправильный поворот в работе ведет к единственному правильному. В конце концов, я не хочу отказываться ни от одной минуты этого процесса.

Юдора Уэлти однажды сказала: «Каждая книга преподает уроки, необходимые для ее создания». К ее словам хотелось бы добавить: «Проблема в том, что уроки, выученные при создании одной книги, редко применимы к другой».

Папа знает лучше

Я была воспитана в семье, в которой чтение и любовь к хорошей литературе были неотъемлемой частью нашей жизни. Мой отец, Корнелиус Уоррен Графтон, был городским юрисконсультom. Детективы он писал в свободное время, если можно сказать, что у юриста есть свободное время. Отец вкалывал полный рабочий день, приходил домой на ужин, а затем возвращался в офис, чтобы писать.

После нескольких лет такой работы он смог опубликовать из задуманной им серии в восемь книг всего два романа: *The Rat Began to Gnaw the Rope* («Крыса начала грызть веревку») и *The Rope Began to Hang the Butcher* («Веревка начала подвешивать мясника»). Названия он позаимствовал из английского детского стишка про пожилую леди, которая пыталась перетащить свинью через околицу (сегодня, скорее всего, ни один ребенок в мире уже не знает этого слова).

Когда отец осознал, что не может зарабатывать на жизнь своими романами, он был вынужден отложить серию, чтобы поддерживать жену и двух дочерей. Он собирался вернуться к сочинительству детективов после выхода на пенсию, но не дожил до нее. Отец часто и с охотой рассказывал мне о творческом процессе — как создается художественное произведение. Его уроки проникли в мое сознание задолго до того момента, как я осознала, что могу писать. Видимо, еще в раннем возрасте я заразилась его страстью к детективам.

Я не создана быть балериной

Когда я росла, а было это давным-давно, у девочек практически не было возможности выбора профессии. Конечно, существовали какие-то варианты, но крайне малочисленные: балерина, медсестра, продавщица, секретарь, стюардесса и учитель.

Физическими данными я не блистала, поэтому «Лебединому озеру» ничего не угрожало. Я подозревала, что преподавание, которое в принципе удовлетворяло многих девушек, станет для меня сплошной скукой. Я уже была замужем и родила ребенка, поэтому авиакомпания Pan Am могла меня не ждать. Меня интересовала медицина, но вовсе не из-за гуманистических соображений. Просто во времена моей юности, то есть в шестидесятые годы, шли два весьма популярных телесериала — «Доктор Килдэр» и «Доктор Маркус Уэлби». Воспаленное воображение подсовывало мне одну прелестную картинку за другой: вот я в белой шапочке, белых туфлях, похрустывающей белой униформе; вот я вся из себя одухотворенная и чистая, с осознанием высокого предназначения, с грузом жертвенности в душе и преданностью во взоре; драматические коллизии, экстренные случаи, спасенные жизни; в итоге я, конечно, исправляю весь мир. Может ли какая-то иная работа быть лучше?

К несчастью, мне становится плохо от вида крови и страданий. И еще я панически боюсь игл. Поэтому труд медсестры в реальной жизни мог означать только одно: я лежала бы распростертой на полу в глубоком обмороке весь рабочий день.

Я уже упоминала о печальном результате своей мечты попасть продавщицей в Sears. Поэтому свои последние надежды я возложила на нереализованные стремления работать секретарем. Черт возьми, я была готова. Я научилась печатать, притворилась, что знаю медицинскую терминологию и получила работу в приемной комиссии, а потом и должность секретаря в клинике для нуждающихся. Позже я обрабатывала заявки и отражала изменения в составе интернов и молодых специалистов клиники. Еще позже я работала в приемной семейного терапевта. Все это — обратите, пожалуйста, внимание — я проделывала в белой униформе и белых туфлях. Отчасти мои мечты сбылись.

После работы каждый вечер я возвращалась домой, готовила ужин, мыла посуду, проводила какое-то время с мужем и укладывала детей спать. Потом садилась за стол, где писала с девяти вечера до полуночи. За четыре года я закончила три полноценных романа, так никогда свет и не увидевшие. Четвертый, «Кассия Дейн», был опубликован в 1967 году, когда мне исполнилось двадцать пять. Мой аванс составлял полторы тысячи долларов. Я думала, что умерла и попала в рай.

Доктор литературы

Авторы детективов — это нейрохирурги литературы. А может быть, волшебники. Мы работаем благодаря ловкости рук.

Создание правдоподобной детективной истории требует изобретательности, терпения и умения. Писатель должен найти идеальный баланс между правым полушарием с творческой функцией и левым с аналитической. Мы должны развивать линию героев и намечать сюжетную линию одновременно — и говоря *сюжет*, я не имею в виду банальную композицию. Сюжет — это то, как развивается история. Это последовательность событий, что разворачиваются и ведут дальше, сцена за сценой, к удовлетворительному заключению.

Детектив — единственная литературная форма, сталкивающая читателя и писателя друг с другом. Обязательство писателя — играть честно. Это означает, что он дает читателю возможность делать те же открытия, что делает его герой в определенный момент, разложив всю информацию на столе.

Фокус в том, чтобы скрыть любые подсказывающие мотивы, отвлекая внимание читателя, раскладывая в это время кусочки и детали, которые в конечном счете приведут к решению. Если история слишком запутанна, читателя будет раздражать необходимость следить за ненужными или невероятными поворотами. Если история слишком проста и ответ на вопрос «кто-это-сделал?» очевиден, читатель будет раздражен, поскольку это уничтожает все удовольствие от возможности перехитрить автора, который в свою очередь пытается пустить пыль в глаза читателю.

Обстоятельство, что практически каждый автор детективов преуспевает в этой невозможной головоломке, можно отнести разве

что к чуду.

Сью Графтон делится профессиональным опытом с коллегами

- Нет ни секретов, ни кратчайших путей. Вам, если вы честолюбивы, следует знать, что учиться писать нужно самому. Уходят долгие годы на то, чтобы научиться писать *хорошо*.
 - Нужно писать и исправлять каждое предложение, каждый параграф, каждую страницу снова и снова до тех пор, пока ритм, темп и стиль не станут абсолютно гармоничными и перестанут цеплять ваш внутренний слух.
 - Мысли о том, как найти агента, уговорить издателя, правильно написать первую заявку, как разговаривать, как создать круг нужных знакомств — все это должно оставаться на втором плане, до тех пор пока вы не овладеете своим делом и не отточите мастерство. Спешно написать первую книгу, сразу решить, что вы готовы бросить основную работу и стать писателем, — равносильно уверенности человека, научившегося играть собачий вальс, что он соберет полный зал в Карнеги-холле.
-

Глава 4

Сара Груэн

Самолет еще только оторвался от земли, а Осгуд, фотограф, уже мирно похрапывал. Его место было в центре ряда между Джоном Тигпенем и женщиной в кофейного цвета чулках и удобных туфлях на низком каблучке. Осгуд кренился в сторону последней. Женщина опустила подлокотник и постепенно сливалась со стеной...

«Дом обезьян»^[13] (*Ape House*, 2010)

Вы слышали о писателе, который садится за стол, наспех пишет первый роман и в мгновение ока срывает куш? Миллионы продаж, легионы почитателей, богатство, слава, контракт на съемки фильма, *который действительно был снят*, специальный персонал, нанятый, чтобы отклонять — правда, с сожалением — бесконечный поток гламурных посетителей и приглашений?

Я всегда думала, что это история Сары Груэн, и при встрече сообщила ей об этом. Громко рассмеявшись, она со своим канадским акцентом уточнила лишь одно место в моем рассказе. Но в основном все правильно. Книга «Воды слонам!» (*Water for Elephants*), проданная пятимиллионным тиражом на пятидесяти семи языках и экранизированная в 2011 году с участием Риз Уизерспун, заработала для своей создательницы многое из перечисленного выше. За исключением персонала — со всем справляется муж Сары, он же ее менеджер. Однако роман «Воды слонам!» — ее третья книга, а не первая. Первые две были просто «умеренно успешными». «Слонов» сначала отклонил издатель первых двух романов. После четырех месяцев сплошных отказов книгу все-таки пристроили в одно издательство за весьма скромную цену.

«Еще пятнадцать минут, и “Слоны” вообще не появились бы на этом свете», — сказала мне Груэн.

Биографические данные

Дата рождения: 26 июля 1968 года.

Родилась и выросла: Ванкувер (Канада); выросла в Лондоне.

Ныне живет: Эшвилл (Северная Каролина).

Личная жизнь: муж — Роберт Груэн, профессор, преподает литературное мастерство, в прошлом литературный редактор.

Семейная жизнь: трое сыновей десяти, тринадцати и семнадцати лет.

Образование: Карлтонский университет, диплом по английской литературе (1993); Виттенбергский университет, почетная докторская степень в области гуманитарных наук (2011).

Основная работа: технический писатель до 2001 года; в настоящее время — только литературный труд.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): премия года Book Sense Book (2007); награда Fun Fearless Fiction Award журнала Cosmopolitan; награда от онлайн-журнала BookBrowse за самую популярную книгу; литературная премия за лучшую беллетристику Friends of American Literature; премия Alex (2007).

Интересные факты

- Помимо мужа и детей в доме Сары Груэн живут три собаки, четыре кошки, два волнистых попугайчика, две лошади, козел и рыбка.
- У Груэн двойное гражданство Канады и США.
- Груэн всегда требовалось уединение, чтобы писать; даже когда она работала техническим редактором, вокруг ее рабочего места были поставлены дополнительные стены.
- Из-за большого объема международных продаж Груэн платит налоги в 57 странах.

Сайт: www.saragruen.com

Facebook: www.facebook.com/profile.php?id=654617064&sk=wall

Twitter: [@saragruen](https://twitter.com/saragruen)

Избранные работы

Романы^[14]

«Уроки верховой езды», 2004

«Менка ног на галопе», 2005

«Воды слонам!», 2006

«Дом обезьян», 2010

Экранизация

«Воды слонам!», 2011

Сара Груэн

Почему я пишу

Единственное, что сводит меня с ума больше, чем процесс работы над книгой, — отсутствие этого процесса. Я поняла, что хочу быть писателем, как только научилась читать. Уже тогда я начала делать маленькие иллюстрированные книжки и в семилетнем возрасте одну послала в издательство. Меня приучили быть внимательной к мелочам, поэтому я сложила странички пополам и аккуратно скрепила их при помощи степлера изнутри, чтобы сделать красивый переплет. Мне даже пришло письмо от редактора — само собой, с отказом. Но я была взволнована. Понятия не имею, как сложилась судьба письма, — подозреваю, что оно лежит на чердаке в доме матери.

Свой первый «роман» я написала в двенадцать лет. Он был про девочку, которая просыпается и видит на заднем дворе чью-то чужую лошадь; и с ее соседом и лучшим другом произошло то же самое. Роман занял три школьные тетрадки. Я никому не давала его читать. Думаю, он лежит там же, на чердаке.

Я твердо знаю одно: чтобы писать, необходимо читать. У моих родителей огромная библиотека, в детстве я ходила по ней, брала любую книгу, прочитывала и сразу снимала с полки следующую. Я читала все подряд: от Александра Поупа до Александра Солженицына.

Помимо того багажа, который дала мне родительская библиотека, я признательна матери и отцу за то, что в средней школе они заставили меня научиться печатать. Я печатаю со скоростью мысли, и это невероятно помогает, когда история идет легко. Согласно всем проверкам, я печатаю со скоростью 120 слов в минуту. Поэтому ничего удивительного, что никто не может разобрать мой почерк, включая меня саму. В принципе, я на него давно махнула рукой.

В любой работе с текстом есть момент, когда история складывается, а персонажи, наконец, оживают; правда, я их стараюсь контролировать. Часто герои начинают своевольничать, совершать совсем не те поступки, которые я для них наметила, а некоторые совсем отбиваются от рук. Но все равно, это волшебный миг, и в нем заложена какая-то тайна приобщения.

Даже если мои книги перестанут приносить доход, то я все равно буду писать — не писать я уже не смогу. Конечно, успех «Воды слонам!» меня не только обрадовал, но и поразил до глубины души, однако пишу я не поэтому. Я делаю это из-за любви к самому процессу работы над книгой. Все остальное — просто подливка.

Сквозь портал в параллельный мир

Во время работы я хочу принадлежать только сама себе. Недавно в нашем доме мне сделали отдельный кабинет, впервые у меня есть своя комната и я могу закрыть дверь.

Когда я начала писать книги, у меня был угол в гостиной. Я поставила ширму, что не мешало малышам забегать и клянить печенье. Я могла работать, только если в доме никого не было.

Когда моя первая книга не продавалась, у нас закончились деньги на дневную няню; совершенно неожиданно мне пришлось заботиться о маленьком, но я пыталась писать. Муж соорудил мне кабинет-загончик, больше похожий на клетку, правда, от детей она спасала. Сын больше не мог отключать питание компьютера, но он придумал другое — кидать в меня разные предметы. Чудом я смогла закончить вторую книгу, и, когда я продала ее издательству, мы смогли позволить себе няню; таким образом, дом снова был в моем распоряжении на какую-то часть дня.

Но все равно работа шла туго и не так, как хотелось бы. В то время я уже не могла жить без своих «Слонов», поэтому ушла работать в гардеробную. Занавесила окно, заставила мужа вынести все вещи, а на освободившиеся стены повесила картины старых цирков. У нас не было беспроводного интернета, и все, что я могла сделать, — это открыть файл. Я считала, что если буду довольно долго на него смотреть, то что-то произойдет. Вероятно, я была права, потому что, проведя в гардеробной четыре месяца, книгу я все-таки закончила. Интересно, гардеробную можно считать «своей комнатой»? Хотелось бы знать, что имела в виду Вирджиния Вулф^[15]? Думала ли об этом аспекте? Вряд ли.

Мой писательский процесс ритуален до неприличия. Когда я начинаю новую книгу, я погружаюсь в идею до тех пор, пока ко мне не

придет целиком первая сцена. Я думаю о ней, когда иду спать, когда принимаю душ, когда готовлю. И все время натыкаюсь на стены.

Когда я уже сажусь писать, ритуальность продолжается. Утром пью чай, проверяю почту, выпускаю птиц, открываю файл и читаю написанное накануне; перечитываю снова и снова до тех пор, пока не почувствую, что могу продолжать. Обычно на это уходит полтора часа, но в какую-то минуту я чувствую, будто прошла сквозь портал в параллельный мир и скорее записываю, что происходит там, нежели придумываю свой текст.

Звучит телефонный звонок, или кто-то подойдет к двери — и чары разрушаются. Тогда мне снова приходится осуществлять этот полуторачасовой транс. А в сутках так мало полуторачасов. Вот почему мой кабинет находится в задней части дома и почему так важна дверь. Если она закрыта, никто не стучит. Я не горжусь этим, но однажды, когда у меня был лишь угол в гостиной, я пряталась за занавесками от почтальона.

Мне нужна работа, и я готова писать все: от технической документации до бульварных романов

Я переехала в Штаты из Канады в 1999 году ради работы. Стала техническим писателем. Мне это нравилось. Я смогла писать и еще получала за это деньги, но в 2001 году попала под сокращение. Меня это подкосило. Чем дольше работаешь в компании, тем ближе к окну сидишь. На новой работе, которую я так или иначе найду, мне придется сидеть у шахты лифта.

Мы с мужем и раньше обсуждали возможность моего ухода со службы, чтобы мне попробовать писать романы. Я уже принималась за роман во время своего первого декретного отпуска, но малыш забирал все время, к тому же я оказалась на редкость неподготовленной мамашей, ничего не знавшей о новорожденных. И о романах тоже. Нет нужды говорить, что затея провалилась. Поэтому, когда меня сократили, мы решили, что посмотрим: поживем так два года или до выхода первых двух книг. Если к тому моменту я не буду зарабатывать столько, сколько получала, будучи техническим писателем, я вернусь к своей старой работе. Мы с мужем, в отличие от многих, считали, что в

семье должны зарабатывать оба супруга. У нас была закладная. Мы родили третьего ребенка. По существу, мы оба подняли руки и спрыгнули с обрыва.

Тихая маленькая книга

На двухлетней отметке (и когда уже существовали две книги) были проданы «Уроки верховой езды» (Riding Lessons). Успех у книги был скромный, под этим я подразумеваю: никто не приставал и не интересовался, что я делаю сию секунду. А я на протяжении всего года я писала «Воды слонам!»

Я отдала «Слонов» на рассмотрение моему редактору, и она отклонила мой текст. Но в том же письме ко мне она попросила написать продолжение к «Урокам верховой езды». Поэтому я полностью все изменила и написала Flying Changes («Менка ног на галопе»). Пока я занималась этой книгой, мой агент отослал роман «Воды слонам!» другим издателям. В течение долгих четырех с половиной месяцев никто не проявлял признаков заинтересованности. Наконец, кто-то в Random House вытащил его из стопки, прочитал, и ему понравилось. Тогда мой агент начал обзванивать других редакторов: «Знаете, нами заинтересовались». Часть из них прочитали текст, и я стала получать очень странные отклики: «Спасибо за то, что дали возможность взглянуть на этот исторический роман» или «Книги про цирк не продаются». Я думала: «Какие книги про цирк? Ни одной не знаю!»

Наконец, в 2006 году мы продали книгу за очень маленький аванс. Моя прибыль катастрофически падала — и это при наличии одной вышедшей и еще двух написанных книг. Издатель, купивший право на «Слонов», думал, что это тихая, хорошая книга. Маленькая книга. Но независимые продавцы решили иначе. Исключительно благодаря им «Слоны» не провалились. Когда покупатели заходили к ним в магазины, они просто навязывали им мою книгу. Независимые книжные магазины выбрали ее книгой года. Благодаря абсолютной силе этих небольших независимых лавок, большие сети были вынуждены купить «Слонов». Через три или четыре месяца после выходя роман попал в список бестселлеров по версии New York Times.

Мой друг, увидевший меня тогда, заметил, что выглядела я контуженной. И именно так я себя и чувствовала.

А вслед за романом пришел ужас

Самым тяжелым временем за всю мою литературную жизнь стала работа над «Домом обезьян». До выхода романа в свет ощущаешь свободу: никто не знает, кто ты такая, и ничего от тебя не ожидает. Я никогда не ожидала, что книга «Воды слонам!» будет иметь такой успех, но он был, а я двигалась дальше, уже понимая, что множество людей прочитают следующую книгу. Мне нужно было найти способ не думать об этом, поскольку сама мысль вызывала не только радость, но и страх. Я уже на своей шкуре испытала, что такое участвовать во многих публичных мероприятиях, посвященных «Слонам».

Мне необходимо сойти с этого пути, думала я, остаться наедине с собой и притвориться, что никто обо мне никогда не слышал. Мне необходимо открыть файл, пройти сквозь портал и попасть в свой параллельный мир. И не думать со страхом, как примут мою книгу будущие читатели. Мне пришлось отказаться от многих приглашений, поэтому я чувствовала себя виноватой. Но я не умею, не могу и не хочу путешествовать по стране с одной книгой и в то же самое время писать другую. В моей голове есть место лишь для одного воображаемого мира.

Более того, в книгоиздательском бизнесе, как, собственно, и в остальном деловом мире, слишком много злорадства. Я предполагала, что некоторые люди начнут охотиться за мной, и оказалась права. Разумеется, на мою книгу разместили рецензию в *New York Times* — это была отвратительная критика, носившая почти личный характер.

Сейчас уже нет никакого давления. Я дописала книгу и выжила. И будь я проклята, если не горжусь ею.

Кому «женская литература»^[16] перешла дорогу?

Есть очень хорошие, очень успешные авторы «женской литературы», но я себя к ним не отношу. Думаю, происходит вот что: если вы женщина и вы пишете романы с женскими персонажами, книжная отрасль стремится повесить на вас ярлык; если вы не будете осторожны, то вам приклепят розовую обложку, с которой ни один мужчина не засветится в метро. Почему я должна сбрасывать со счетов мужскую аудиторию? Я хочу, чтобы и мужчины, и женщины знали, что могут выбрать мои книги.

Я чувствовала — и вполне справедливо, — что после выхода «Уроков верховой езды» на меня навесили ярлык автора, пишущего для женщин. А ярлыки я ненавижу сильнее всего на свете. Поэтому я намеренно писала «Слонов» как книгу, которую будет сложно отнести к какому-либо жанру. Если повествование ведется от лица девяностотрехлетнего мужчины, то критикам придется постараться навесить на роман ярлык «женской прозы». Знаете что? Я считаю, это помогло.

Я и мои волшебные камни

Я немного суеверна. Как я уже сказала, все, что я делаю в процессе написания книги, напоминает ритуальный танец. После того как я проверю почту, я наливаю еще чашку чая. Потом снова проверяю почту. Затем отключаю интернет и открываю файл. На самом деле я не просто отключаю интернет, а полностью блокирую его с помощью специального приложения Freedom. Конечно, я давно выяснила, как прорваться сквозь эту блокаду, поэтому в моменты настоящего отчаяния я прошу своего многострадального мужа поменять пароль сети и не давать мне новый до конца дня. Какого-то английского писателя — то ли Троллопа, то ли Стивенсона — экономка приковывала цепью к рабочему столу под строгим приказом не выпускать его до установленного времени, несмотря на все просьбы и угрозы. Очень напоминает мою ситуацию.

Я тщательно привожу в порядок свой кабинет, прежде чем приступаю к следующей книге. Может быть, уже довольно ритуальных движений? Не дождетесь! У меня есть коллекция ярких камней и

золотая подкова; каждый раз перед началом новой работы я должна сначала положить правильно подкову, а потом разложить камни внутри ее, пока не почувствую, что все выглядит так, как надо. Я не трогаю эту инсталляцию до окончательного завершения книги. Если я ощущаю необходимость изменить расположение камней, пока я пишу, то это симптом приближающегося ступора.

Еще одно: я никогда не уничтожаю то, что пишу. Если я знаю, что надо попроситься с каким-то параграфом, какой-то страницей, главой или эпизодом, то я не стираю ни слова, а помещаю выброшенный текст в отдельный файл, названный мною «Неиспользованное». Файл совершенно неприкосновенен. Никогда ничего из него не удаляю. Я рассказала про маленькие ментальные опоры, позволяющие мне избавиться от хлама. А очистить рабочее место и привести в порядок душу — значит, уже полдела сделано.

Сара Груэн делится профессиональным опытом с коллегами

- Планировать, продумывать сюжет, исследовать — все это отлично. Но советую не думать о том, как и что вы будете писать. Просто пишите!
 - Решиться открыть вчерашний файл — одна из самых тяжелых минут для писателя. Но в этом и заключается его работа: превратить нестройное собрание вчерашних каракуль в завтрашнюю книгу.
 - Тяжело найти время для сочинительства, особенно когда есть работа, дети, муж и домашние обязанности. Скажите людям, которые вас любят, что ваше писательское время священно. Даже если вы отвели для работы всего два часа в воскресенье, используйте это время.
-

Глава 5

Дженнифер Иган

Начиналось как обычно: стоя перед зеркалом женского туалета гостиницы «Лассимо», поправляя желтые тени на веках, Саша заметила на полу под раковиной сумку, хозяйка которой, видимо, только что удалилась в кабинку — из-за ближней двери доносилось характерное журчание. Из сумки торчал уголок бледно-зеленого кожаного бумажника...

«Время смеется последним»^[17] (*A Visit from the Goon Squad*, 2010)

В чем исключительность Дженнифер Иган? Обозреватель New York Times в рецензии на роман «Цитадель» (*The Keeper*, 2006) попытался исследовать природу ее феномена:

Дженнифер Иган не поддается никакой классификации, в ее творчестве невозможно выделить конкретный жанр, она вся как глоток свежего воздуха. Иган использует большую часть накопленного богатства в метапрозе^[18] шестидесятых и ее современный рафинированный вариант, представленный такими писателями, как Уильям Воллманн и Дэвид Фостер Уоллес, но при этом ее нельзя к ним причислить. Роман «Цитадель» являет читателю сложное переплетение всех приемов и эффектов, присущих метапрозе: обходные пути, тайные лазы, хитроумные ловушки, бесконечно удаляющиеся отражения и всевозможные обманки^[19] — весьма впечатляющее архитектурное сооружение. Но больше всего в книге Иган поражает невероятно живой и убедительный реализм.

Исключительной Иган делает не только ее манера повествования, то есть как она пишет, но и то, что она пишет. Она занимается журналистикой, публикует свои статьи в New York Times Magazine и других изданиях. Пишет короткие рассказы. Книжные рецензии и обзоры. Создает романы. Каждый ее роман значительно отличается от предыдущего, особенно «Время смеется последним» — проза,

которую она сама отказывается относить к какому-либо жанру. В интервью 2010 года, которое дала мне Иган для журнала Salon, она сказала мне: «Страшно тратить время и вкладывать силы в замысел, который пока не имеет четких очертаний — даже жанр еще не определен. Страшно, что моя работа окажется невостребованной. После выхода моего последнего романа случился экономический крах. И я теперь всякий раз боюсь услышать от издателей: “Мы не можем взять такую дикуую прозу”. Но что еще страшнее — они примут мою книгу, она увидит свет и не оставит в нем никакого следа».

«Время смеется последним» — смелая, эксцентричная книга, за которую Дженнифер Иган получила в 2011 году Пулитцеровскую премию в области литературы.

Биографические данные

Дата рождения: 6 сентября 1962 года.

Родилась и выросла: Чикаго; выросла в Сан-Франциско.

Ныне живет: Нью-Йорк — район Бруклина, квартал Форт-Грин.

Личная жизнь: муж — Дэвид Херсковитц, художественный руководитель труппы Target Margin Theater.

Семейная жизнь: два сына, одному девять лет, второму — одиннадцать.

Образование: Пенсильванский университет; Кембриджский университет.

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): стипендия Национального фонда поддержки искусств; стипендия Фонда Гуттенхайма; член Нью-Йоркской публичной библиотеки; Пулитцеровская премия в области литературы (2010); премия Национального объединения литературных критиков в жанре художественной литературы (2011); финалист премии PEN/Faulkner Award в области художественной литературы (2011); книжная премия газеты Los Angeles Times.

Интересные факты

- Дженнифер Иган выросла в Сан-Франциско, где окончила «Лоуэлл» — самую престижную государственную школу города.
- Объясняя, зачем включила в роман «Время смеется последним» главу, сделанную как презентация в формате PowerPoint^[20], и почему не хочет определить жанр книги — либо роман, либо сборник коротких рассказов, — Иган сказала: «Я руководствовалась выработанным правилом, что новое произведение должно сильно отличаться от предыдущих... На самом деле я сама не раз пыталась обойти его. Если вы устанавливаете правило, то следует иногда и нарушать его!»

Сайт: www.jenniferegan.com

Facebook: www.facebook.com/jennifereganwriter

Twitter: [@egangoonsquad](https://twitter.com/egangoonsquad)

Избранные работы

Романы^[21]

«Невидимый цирк», 1995

«Посмотри на меня», 2001

«Цитадель», 2006

«Время смеется последним», 2010

Экранизации

«Невидимый цирк», 2001

«Цитадель» (CBS Films выкупила права и планирует начать съемки).

Сборник рассказов

«Изумрудный город», 1996

Дженнифер Иган

Почему я пишу

Когда я не пишу, то чувствую, что чего-то в жизни не хватает. Если такое продолжается долго, становится только хуже, и я впадаю в депрессию. Не происходит что-то жизненно необходимое. Начинается медленное разрушение. Какое-то время я могу жить без сочинительства, но потом начинают неметь конечности. Со мной происходит что-то плохое, и я знаю это. И чем дольше жду, тем сложнее начать.

Когда я пишу, особенно если все отлично получается, то живу в двух разных измерениях: в моей настоящей жизни, от которой я получаю большое удовольствие, и в совершенно ином мире, где существую я одна и о котором никто больше не знает. Мой муж, как я догадываюсь, этого не понимает. Двойная жизнь, что я веду, не разрушает наш брак. И это божественно.

Я чувствую, будто меня выносит за пределы моей сущности, особенно когда пишу первый вариант. Это всегда то состояние, которого я стараюсь достичь, даже в качестве журналиста. Хотя, когда работаю над чем-то документальным, я практически не трачу времени на писание. Я месяцами провожу исследовательскую работу, а затем быстро справляюсь с текстом за несколько дней.

Когда я пишу художественное произведение, то забываю, кто я, откуда я и где я. Перехожу в режим полного погружения. Я люблю это ощущение: теряешь точку опоры в реальной жизни и полностью переходишь на ее «обратную сторону». Если приходится отрывать сознание от творческого процесса и переключать его обратно на обыденность, например нужно забрать сыновей из школы, я чувствую краткий, но очень острый приступ депрессии, будто меня что-то сковывает. Естественно, как только я вижу своих мальчиков, приступ проходит, и я снова счастлива. Однако порой я забываю, что у меня есть дети. Так странно. Из-за этого я ощущаю постоянную вину, будто из-за моего невнимания с ними может что-то случиться — даже в будущем, когда уже не смогу за них отвечать, — и Создатель накажет меня.

Когда работа идет отлично — а я стараюсь не писать шаблонно, — меня будто подключают к скрытому источнику, и я питаюсь его энергией. В такие минуты мне неважно, если в жизни что-то идет не так, ведь у меня есть собственный альтернативный генератор. Когда работа дается с трудом, мне становится плохо — так же плохо, как в моменты, когда я не пишу, а может быть, и хуже. В моей защите появляется пробоина, и происходит утечка энергии. Даже если в текущей жизни все отлично, я чувствую себя так, будто случилось что-то ужасное. Я с трудом переношу, когда что-то сбивается с пути, поэтому стараюсь находить маленькие радости в хорошем. Кстати, я намного тяжелее переносила это состояние, когда у меня еще не было детей. Они заставляют меня забыть обо всех тяготах писательского труда, и я ценю это.

Ожидание сильнее действительности

Мне тем более интересно размышлять на тему, почему я пишу, поскольку на сегодняшний день я вне работы. Сейчас мое состояние можно сравнить с ожиданием — предчувствие следующей книги. Да, надеюсь, новая вещь будет потрясающей! Намного легче думать так перед началом работы, чем потом, когда уже ее завершишь. Игра воображения приносит особое удовольствие.

Я не могу приступить к новому роману, пока работаю над чем-то другим. Отчаянно нуждаюсь в тесной связи со своим произведением, но не в состоянии ее наладить до той минуты, как поставлю точку в предыдущей работе. Сейчас думаю о Новом годе. До этого в планах стоял сентябрь. До сентября было лето. Сегодня уже остро чувствую: время пришло. Пора начинать новую вещь. С чего я начинаю роман? Обычно это время и место действия. У меня хорошее предчувствие: с этим в моей следующей работе все будет отлично, но в конце концов место и время — еще не книга.

Девушка и рукопись, разорванная в клочья

О своей первой попытке написать роман я вспоминаю с ужасом. Мне пришлось его выбросить. Но идея в голове засела, и позже все закончилось книгой, которую я назвала «Невидимый цирк».

Вот как это было. В двадцать девять лет я получила грант Национального фонда поддержки искусств, благодаря чему смогла год работать над «Цирком». Закончив первый вариант, я сразу принялась перечитывать текст в надежде, что он будет потрясающим. Но работа оказалась очень слабой, и этот факт я поняла сразу. Я даже не стала дочитывать до середины — мне хватило нескольких абзацев, от которых уже можно было сойти с ума. Моя проза, как я выяснилось, слишком далека от того, чтобы ее кто-то захотел купить, издать и тем более прочесть — и это не могло не пугать.

Началась жуткая трехдневная паническая атака. Все происходило в те времена, когда я еще не пользовалась услугами психотерапевта. Я представляла собой тридцатилетнюю женщину, бросившую секретарскую работу ради того, чтобы на полученный грант написать роман. Деньги фонда почти закончились. Наступала необходимость искать работу, но у меня не было никакого стажа, кроме временного.

Все эти волнения — пока я читала черновик своего романа — превращались в настоящую паническую атаку. Все пошло наперекосяк, и я действительно обезумела. Я маниакально ходила по Ист-Виллидж с самым ужасным бредовым состоянием из всех, что когда-либо меня накрывали. Это было мучительно. Звонила каким-то людям, почему-то просила у них прощения за свои обещания стать

писательницей. Земля уходила из-под ног, будто вся моя жизнь разом потеряла смысл. Настоящий экзистенциальный кризис. Я не ела четыре дня. Напоминала мрачный призрак, крадущийся в плаще по улицам Ист-Виллиджа. В то время я только начала жить вместе с мужчиной, который потом стал моим мужем. Он возвращался домой с репетиций, а я тут же набрасывалась на него, требуя, чтобы меня привели в чувство. Представляю, о чем он, бедный, думал: «Господи, во что же я влип? Девочка явно не в себе».

Каким-то образом я избавилась от своего сумасшествия. Удалось. И через четыре дня вернулась к работе над романом. Разорвав рукопись в клочья, я вновь собрала текст по кусочкам. Пока я заламывала руки, хандрела, ныла и каялась, какая-то другая часть моего мозга думала над тем, как исправить положение. Я быстро начала вносить изменения. Вернувшись к роману, отшлифовывая текст, я сразу успокоилась. Все мои метания, все мои муки обернулись четким логичным планом.

Очевидно, так это работает в моем случае. Я могу биться в истерике, но продолжать писать.

Этот чудной роман

Работа над романом «Посмотри на меня» принесла самый болезненный опыт за всю мою писательскую жизнь. Творческий процесс обернулся настоящей борьбой. Я не совсем понимала причины таких сильных страданий, но кое о чем догадывалась. Дело в том, что раньше мое письмо носило довольно традиционный характер, и я не знала, примет ли кто-нибудь мою новую книгу в том виде, в котором я ее делала. Это было похоже на чувство вины и ожидание расплаты за что-то. «Посмотри на меня» я писала в постоянном страхе. Честно говоря, мне казалось, что он ужасен, а я зашла слишком далеко.

Но несмотря на все переживания и ощущение обреченности, с работой над книгой все-таки связано несколько счастливых моментов, которые остались в памяти. Однажды, перечитав первые шесть глав за один присест, я вырвалась из дома и просто бежала по городу. Мне казалось, что ничего подобного раньше я не читала, что я совершила

какой-то прорыв и сделала очень смелое открытие. Довольно возбуждающее чувство.

А вот с романами «Цитадель» и «Время смеется последним» все было иначе. Тяжесть ушла сразу, как только я подобрала уникальный стиль изложения для каждого из них. После этого работа стала сплошным праздником. Как только я обрела собственный, ни с кем не сравнимый голос, я унеслась в небо. Особенно я резвилась с текстом, когда писала «Цитадель».

Главное — продумать план действий

Я умею решать проблемы — это одно из моих сильных профессиональных качеств. Я делаю первые наброски, абсолютно ни к чему не обязывающие, даже легкомысленные. В начале замысла я всегда выплескиваю на страницы давно вынашиваемое и подсознательное — то, что потом превратится в мощный текст и произведет должный эффект.

Мне необходим полет воображения, и достичь нужного состояния я могу лишь таким бездумным образом. Поэтому я себе это позволяю. Но следующим моим шагом будет решение проблемы. Возгласы: «Да! Я написал это! Я отлично с этим справился!» — не имеют никакого отношения к моему подходу к писательскому процессу. Криком: «Я сделал это!» — я ничего не добьюсь. Суть в том, чтобы уметь анализировать и сразу обращать внимание на те места, которые портят текст. Это диалектика.

Как только у меня появляется первый вариант, я продумываю весь дальнейший ход работы, редактирую напечатанный текст и намечаю общий план для повторного пересмотра. Заметки, которые я написала в результате проверки «Посмотри на меня», заняли восемьдесят страниц.

Пулитцеровская премия — восхитительный случай...

Общая реакция на роман «Время смеется последним» определенно сделала меня счастливой. Получение признания таких масштабов приносит огромную радость и глубокое удовлетворение. Особенно присуждение Пулитцеровской премии — она воспринимается так, будто осуществились тысячи твоих желаний. Все эти годы я жаждала подобного крупного признания. Я вовсе не думала, что заслуживаю его, просто очень хотела. Мне и в голову не приходило, что когда-то это случится.

Премия и общее внимание внесли существенные перемены в мою жизнь. Вряд ли данные обстоятельства как-то изменили меня, но что-то сдвинулось с места, и этот сдвиг очень положительно воздействует каждый день и каждый час. Если не можешь наслаждаться всеобщим признанием, значит, самое время снова обратиться к психотерапевту. Это восхитительно!

Если через сто лет все еще будет существовать человечество и у кого-нибудь в памяти останется имя Дженнифер Иган, то мои будущие читатели решат, заслужила я Пулитцеровскую премию или нет. Меня этот вопрос не мучает. Я сама присуждала крупную награду и знаю, как это работает. Все сводится к личным вкусам, а следовательно — к случаю. Вы оказываетесь в числе финалистов лишь потому, что вам повезло написать что-то отвечающее вкусам судей.

Я написала сильную книгу и проделала хорошую работу. Я это прекрасно знаю. Более того, я понимаю, что могла бы сделать еще лучше. Существует множество других хороших книг, и тем, кто их создал, могло повезти так же, как и мне. Чтобы добиться такого признания, нужно его заслужить. И над этим надо трудиться. Награды на уровне Пулитцеровской премии связаны и с социальной ответственностью автора, и с его заинтересованностью что-то сделать на поприще культуры.

Честно говоря, я предпочитаю «Посмотри на меня». Может быть, из-за чувства противоречия, потому что последний роман полюбили все. Но мое воображение еще не освободилось от «Посмотри на меня». Книга «Время смеется последним» оказалась более претенциозной,

чем я ее задумывала, но по какой-то причине в моем сознании крепко застряла книга «Посмотри на меня». Это не значит, что она лучше. Возможно, в ней даже больше недостатков, но она мое любимое дитя.

...но очень опасный

Публичная сторона Пулитцеровской премии и других наград, то есть всеобщее внимание и признание, которые окружают автора со всех сторон, — абсолютно противоположна тому внутреннему чувству удовольствия, которое испытывает человек от литературного труда. И это опасно. Мысль о том, что я снова завоюю подобную любовь, что получение премии должно стать целью моей работы, приведет меня к таким решениям, которые подорвут мое творчество. Я никогда не искала подобного признания, и это еще одна причина, почему я не хочу приступать к новой книге.

Мне любопытно, как это, в конце концов, скажется на моей работе. Узнаю, когда снова приступлю к ней. Легко могу представить следующий сценарий: я взялась за книгу, но чувствую, что она идет тяжело — и снова схожу с ума. Мой рациональный ум будет нашептывать: «Пойми ситуацию. Ты будешь ненавидеть свой роман. Весь мир будет ненавидеть твой роман». Но другая моя сторона, не столь критически настроенная, начнет утешать: «Им понравилась твоя последняя книга. Кричи “ура”. Теперь двигайся дальше». Несомненно, последнее решение может привести к большому разочарованию. Но крупная удача не приходит дважды — эта мысль в каком-то смысле освобождает от страха. Все мои творческие попытки состоят в отречении от последней книги в пользу новой. Если я начну жаждать признания, пытаться повторить уже раз найденное в романе «Время смеется последним», это не приведет ни к чему хорошему. Я знаю точно. Но не стараться стать лучше? Этому нет оправдания!

Я надеюсь, что смогу просто начать следующий роман, уйти с головой в очередной вымышленный мир и получить от этого удовольствие. И еще потребуется усвоить простую мысль и принять ее как данность: новая книга будет воспринята не так, как «Время смеется последним», — ну и что? Мне повезло, что у меня есть тот

роман и что мир так его полюбил. Многие авторы никогда не испытывают подобного.

Мы все склонны думать, что настоящее длится вечно. Возможно, когда я перестану быть «хитом сезона», я почувствую себя опустошенной и потрясенной. Может случиться, я забуду все, что сейчас говорю. Но все-таки надеюсь с этим справиться.

Дженнифер Иган делится профессиональным опытом с коллегами

- Читайте произведения того уровня мастерства, которого вы как писатель хотите достичь. Чтение воспитывает вкус к стилю. Если вы любите читать *одно*, то уже не сможете писать *другое*.
 - Выполняйте упражнения для развития письма. Если вы не привыкнете тренировать свой стиль, у вас разовьется страх перед чистым листом — вы не сможете просто сесть и начать новую книгу. Это правило справедливо для всех авторов, независимо от их опыта и профессионализма. Ежедневная пятнадцатиминутная тренировка поможет вам развить свои навыки.
 - Вы можете работать над книгой постоянно, но тогда вам придется писать дурные тексты. Невозможно писать и регулярно, и хорошо. Отнеситесь к неудачно написанному тексту как к начальному этапу работы над книгой, как к упражнению для разогрева — это даст вам возможность создать хорошую книгу.
-

Глава 6

Мэри Карр

(Введение. Открытое письмо сыну)

Как ни рассказать мою историю — все будет ложь. Поэтому я попрошу тебя отключить в своей голове устройство, повторяющее через определенные интервалы, какая я древняя, пустая и порочная. Правдой будет одно: в мои пятьдесят — против твоих двадцати — мой мозг соображает хуже. Твое вспоминательное устройство куда лучше, как ты часто отмечал...

«Свет» (Lit, 2009)

Мэри Карр — писательница, обладающая редким и грозным даром. Ее проза читается как поэзия, и в этом нет ничего удивительного. Она была известным поэтом задолго до выхода «Клуба лжецов». Ее первая прозаическая книга сразу попала в список New York Times и оставалась там дольше года, завоевывая для Карр заметное место в литературном ландшафте страны. Открытость ее удивительной поэзии была отмечена стипендией Фонда Гуггенхайма и премией Пушкарта — неплохо для девочки из тexasского промышленного города.

Аманда Фортини рассказала в зимнем выпуске 2009 года журнала Paris Review, как два года пыталась закончить свое интервью с Карр:

Она начинала [«Свет»] дважды, выбрасывая около тысячи страниц, и работала до ночи, чтобы успеть к сроку.

В той же статье Фортини приводит слова Мэри Карр:

Неважно, насколько безрадостны наши повседневные жизни. Мы все еще боремся за свет. Я думаю, что это наша божественность. Мы открываемся любви даже в самых страшных обстоятельствах. Мы умудряемся надеяться.

Это парадокс, дающий силу писательнице. Она идет от одного конца экзистенциального континуума к другому, от безрадостного к божественному, от тьмы к свету.

Биографические данные

Дата рождения: 16 января 1955 года.

Родилась и выросла: Гров (Техас).

Ныне живет: Нью-Йорк.

Образование: средняя школа в Порт-Нечес; Макалестерский колледж; Годдардский колледж, магистр изящных искусств (1979).

Основная работа: Сиракьюсский университет, факультет английского языка; преподаватель.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): стипендия фонда Гуггенхайма; премия Пушкарта; премия PEN/Martha Albrand Award; стипендия Бантингского института; премия Whiting Writers' Award; грант Национального фонда поддержки искусств.

Интересные факты

- Одиннадцатилетняя Мэри Карр написала в дневнике: «Я не очень удачливая маленькая девочка. Когда я вырасту, скорее всего, стану неудачницей».
- Среди руководителей и учителей Карр числятся Этеридж Найт, Тобиас Вулф, Роберт Блай и Роберт Хасс.
- Эссе Карр «Против украшательств» (премия Пушкарта, 1991), в котором она приводит доводы в пользу прямого и понятного языка в поэзии, остается одной из ее наиболее спорных работ.

Сайт: www.harpercollins.com/author/microsite/about.aspx?authorid=27468

Facebook: www.facebook.com/marykarrlit

Twitter: [@marykarrlit](https://twitter.com/marykarrlit)

Избранные работы

Автобиографическая проза

«Клуб лжецов», 1995

«Вишня», 2000

«Свет», 2009

Стихотворные сборники

«Счеты», 1987

«Путешествие дьявола», 1993

«Змеиный ром», 2001

«Милости просим грешников», 2006

Мэри Карр

Почему я пишу

Я пишу, чтобы мечтать; чтобы установить связь с другими людьми; чтобы записывать; чтобы прояснять; чтобы навещать мертвых. У меня есть очень примитивная потребность — оставить след в этой жизни. И еще мне нужны деньги.

Я почти всегда беспокоюсь, когда пишу. Бывают великолепные моменты, когда забываешь, где ты, когда кладешь руки на клавиатуру и не чувствуешь ничего, так как ты путешествуешь где-то еще. Но это случается очень редко. По большей части я пытаюсь реанимировать покойника.

Момент легкости в работе непостоянен. Он может длиться пять минут или пять часов, но его никогда не бывает чересчур много. Момент тяжести в работе не слишком невыносим, но иногда он переносится с трудом и может растягиваться на недели. Работая над «Светом», я выбросила две тысячи законченных страниц. Молитва помогла мне справиться с этим. Она помогает мне справиться с чем угодно.

Обычно, закончив книгу, я сильно болеваю. Как только я ее откладываю, мое тело расслабляется, и если я не сделаю инъекции адреналина и кортизола, то обязательно свалюсь. У меня иммунная система средней паршивости, поэтому она не помогает.

Несмотря на все, что сказано выше, литературный труд воспринимается мною как дар, как честь. Пусть он приносит и беспокойство, и хвори, я все равно чувствую себя очень счастливой. Большинство писателей проходят через определенный этап, который может длиться лет двадцать и больше, когда они не могут писать, поскольку делают одновременно восемьдесят семь дел. Честно говоря, я только в прошлом году перестала растить ребенка и преподавать. От меня требуется делать множество других идиотских дел вроде туров и лекций, но они не столь ужасны.

Если я не могла бы писать, мне было бы очень грустно. Думаю, тогда я занялась бы каким-то делом, связанным с человеческим телом. Я стала бы учителем йоги, или тренером в спортивном зале, или

массажистом. Конечно, ничто из этого не отвечает моей потребности писать. Вот почему я все еще пишу.

Писать пьяной, писать трезвой

Я бросила пить двадцать лет назад. Свои первые два поэтических сборника я писала, когда еще пила. Второй сборник я правила, находясь в психиатрической больнице.

Я знала, что умру, если не брошу пить. Я не знала, как это произойдет, но знала, что это будет не слишком красиво. Я совсем не писала в течение первых пятнадцати месяцев, когда была трезва. Не могла сконцентрироваться. Каждый раз, когда садилась писать, начинала плакать. Мой разум был слишком мучительным местом, чтобы к нему можно было обращаться. Я боролась с тем, чтобы не запить, кроме того, всплыли многие чувства, от которых я в свое время бежала. Знаете, единственный способ избавиться от таких переживаний — прожить их, но нет набора навыков, чтобы это сделать. Такое своеобразное испытание огнем. Люди, бросающие пить, становятся более верующими, чем любой святой. Мы делаем шаг с обрыва в пропасть. И она очень темная.

Когда я пошла в психиатрическую больницу, после того как бросила пить, мои стихи стали лучше — или люди стали намного больше за них платить. Они стали более понятными и откровенными, с большим самоанализом, более недоверчивыми к моим собственным мотивам. Я быстро повзрослела.

У меня был духовный наставник, который тоже стал трезвенником, и он сказал мне: «Ты пробовала антидепрессанты. Пробовала психотерапию. Пробовала ЛСД, кокаин, запой. Что если решение твоих проблем — это путь к духовной практике? Ты никогда не пробовала именно так начать?»

Этот разговор произошел на седьмом или восьмом году после того, как я обратилась в католицизм. С тех пор я стала гораздо менее подавленной, менее эгоцентричной. Как я смею говорить подобное? Я, человек, пишущий автобиографические вещи? Но это истинная правда — хотите верьте, хотите нет. Я намного меньше беспокоюсь о своей индивидуальности, что делает меня сильным писателем.

Миф о богатом и известном авторе

До того как я стала учителем, я обслуживала посетителей в баре. Работала секретарем в приемной. Был странный опыт в телекоммуникационном бизнесе. Когда я впервые бросила пить, я получала предварительный гонорар в качестве редактора в Harvard Business Review. Преподавать начала, когда носила сына; сейчас ему двадцать пять лет.

Я преподавала курс в Гарварде и получала пять тысяч долларов. Преподавала курс в Университете Тафтса и получала три тысячи долларов. Преподавала курс в колледже Эмерсона и получала пятнадцать тысяч долларов. Пять лет я преподавала в академическом гетто недалеко от Бостона, и мне не хватало моего заработка. Поэтому я продолжила писать статьи о бизнесе для Harvard Business Review. Это нисколько не улучшало моего писательского мастерства, но давало возможность не умереть от голода, а это, в свою очередь, позволяло дышать.

Я до сих пор не обеспечиваю себя как писатель. Но вполне обеспечиваю себя как профессор колледжа. Я не могла выплачивать закладную из доходов от моих книг. Публикация книги приносит много денег? Глупости! Сплошной миф. Совершенно превратное представление, если только вы не автор блокбастера.

Однажды начав писать — мне тогда было лет пять, — я сразу начала считать себя писателем. Это не было связано с вопросами выгоды и успеха. Если меня спрашивали, чем я занималась в жизни, я всегда отвечала, что была поэтом. Собственно, именно так я отвечаю и сегодня.

Отцеплять себя от плуга

Наилучшее время — конец дня, когда уже написал и забыл. Иногда работаешь дольше, чем рассчитываешь. Иногда так входишь в текст, что не замечаешь, как стемнело. Надо отцеплять себя от плуга.

Я требую от себя каждый день или определенного количества часов, или определенного количества страниц — шесть часов, или полторы страницы. Если я сижу за столом какое-то время и не продвигаюсь — пишу, тут же исправляю и убираю текст, — тогда я

прекращаю работу через шесть часов. После этого я встаю и куда-нибудь иду, встречаюсь с кем-нибудь, кто не будет говорить со мной о книге. Шесть часов, или полторы страницы — в зависимости от того, что будет первым.

«Свет» и «Вишню» к концу работы я писала по три страницы в день, что занимало много времени. То, сколько я делаю за день, зависит от того, насколько плохо у меня обстоят дела с деньгами. Когда я писала «Свет» — знаю, звучит дико, — мне приходилось работать лежа, так как в противном случае у меня болела спина. Я лежала в кровати с этим хитрым приспособлением и ноутбуком и таким образом избежала травмы позвоночника от постоянных нагрузок.

Тяжело не из-за того, что пишешь лежа

«Свет» — самая тяжелая книга из всех, что я делала. Пишешь о ребенке, отце ребенка, духовных вопросах — и пишешь об этом в мирской жизни. Когда я стала католичкой, все решили, что я идиотка. А я говорю об Иисусе. Никого это не заинтересует.

Кажется, многим критикам эти части понравились. Я восприняла это как свою победу. Не думаю, что обратила кого-то в веру, но я и не ставила такой цели. Целью было описать, что такое духовный опыт, воссоздать эмоциональный опыт благоговения, когда ты еще не привык.

Бог помогает

Прежде чем я приступаю к написанию книги, я молюсь, спрашивая, то ли это, что Он хочет, чтобы я делала. Я не получаю письменных инструкций, но могу воспринять что-то вроде положительного или отрицательного ответа. Я не святой Павел, Господь не ведет меня. Это было бы, конечно, потрясающе, но, увы, у меня этого нет. Я делаю свою работу так же, как любой другой писатель. Вот почему я чувствую такое волнение и ужас.

В прошлые годы решение большинства проблем заканчивалось или алкоголем, или огнестрельным оружием. У меня бывают очень корыстные, эгоистичные порывы. Мне нужна помощь, чтобы вести себя лучше, чем я поступаю обычно.

Одно время я так усердно работала над «Светом» и это было настолько болезненно, что я молилась: «Должна ли я делать это, Господи, или мне следует продать квартиру и вернуть деньги?» Очевидно, я получила что-то вроде положительного ответа. Шел ли он от Бога или из глубин моей души — кто знает?

Горда собой за то, что продержалась до конца и сделала эту книгу. Я испытываю это чувство не только по отношению к результату, но и к тому, что выдержала сам процесс. Потребовалось проявить немало упорства, чтобы довести книгу до конца. Мне заплатили за нее много денег, я получила действительно хорошие отзывы, и мне больше не надо рассказывать эту историю. С этим покончено. Книга написана.

Бывают времена, когда я прошу Бога дать мне храбрости, чтобы написать правду, какая бы она ни была. Это то же самое, что высказывание Хемингуэя: «Я хочу написать одно честное предложение». Да, люди говорят, что я обманываю себя в своей вере в Бога, но мне все равно. Моя вера мне помогает.

Издательство уже не то

В настоящее время никто на самом деле не знает, как продавать книги. Вся система меняется, и никто не знает, как зарабатывать деньги в книгоиздательском бизнесе каким-нибудь надежным способом.

У этой индустрии менталитет, ориентированный на блокбастеры, она позволяет телевизионной знаменитости опубликовать паршивую книжонку и продать три миллиона экземпляров в твердом переплете, потому что у них самая незамедлительная краткосрочная отдача.

Люди говорят, что после Хемингуэя наступил конец романа. Не думаю, что все так ужасно. Полагаю, сейчас люди читают больше, чем раньше. Огромное количество людей читают очень плохие книги, но они все-таки читают.

Сегодня я читаю на iPad, но покупаю больше книг, чем когда-либо. Если мне нравится книга, я покупаю ее в переплете или в обложке — мне все равно, так как я просто хочу поддержать книжные магазины.

Мои читатели будут потрясены, когда узнают...

...сколь много времени у меня уходит на написание книг.

Я взгляну на первые наброски своих студентов, но если друг скажет: «Я написал восемьдесят страниц» — и попросит меня прочитать их, я спрошу: «Сколько раз ты их писал?» Потому что обычно сохранить стоит около полутора страниц. Большинство писателей не желают расставаться с собственными словами. Каждый раз, как кто-то просит меня что-нибудь сократить, я говорю: «Отлично».

Другая странность: если ухудшится моя травма из-за нагрузок, я, возможно, не смогу работать. Поэтому я ничего не сокращаю.

Лучшее время? Сейчас

Я только закончила писать тексты для альбома, который будет называться *Кип*. Музыканта зовут Родни Кроуэлл, он вырос в том же месте, что и я. Родни нескольких лет пытался уговорить меня это сделать. В конце концов, я сдалась, и мы отлично провели время. Я с большим энтузиазмом отнеслась к этой затее.

Также я только что продала НВО^[22] права на будущий сериал «Свет». Мне позвонила женщина и сказала, что хочет сделать сценарий по моей книге, и предложила писать его вместе, что мы и осуществили. Это был великолепный опыт.

Эти совместные проекты на самом деле меня радуют. Писать песни, писать сценарии к пилотным сериям — насколько это легче, чем создавать книги. Получаешь намного больше денег и тратишь куда меньше сил. Это действительно низкая планка. К тому же я новичок, поэтому нет ничего страшного, если что-то сделаю не так.

Я работала так много и так усердно, потому что хотела, чтобы сын мог закончить колледж. Сейчас ему двадцать пять и он сам себя обеспечивает. Поэтому я могу себе позволить преподавать лишь один семестр. Никогда в жизни у меня не было столько свободного времени. Я каждый день хожу в спортзал. Кажется, будто мир только сейчас и расцвел.

Мэри Карр делится профессиональным опытом с коллегами

- Когда я писала «Свет», мне помогли слова Сэмюэла Беккета: «Пробуй еще раз. Терпи неудачу снова. Неважно. Пробуй еще. Ошибайся лучше». Листок с ними я даже прикрепила на доску.
 - Любой идиот может опубликовать книгу. Но если хочешь написать хорошую книгу, придется поставить планку выше рыночной. Что не должно составлять для тебя сложности.
 - Большая часть великих писателей страдает и не знает, насколько они хороши. Большая часть плохих писателей абсолютно уверены в себе. Соглашайтесь быть ребенком и лилипутом в мире гулливеров, девочкой на стадионе «Янки». Это самый плодотворный способ существования.
-

Глава 7

Майкл Льюис

Для меня и по сей день остается загадкой желание одного инвестиционного банка с Уолл-стрит платить мне сотни тысяч долларов за мои советы по инвестициям. На тот момент у меня, 24-летнего, отсутствовал какой-либо опыт составления прогнозов роста и падения акций и облигаций.

«Большая игра на понижение»^[23] (*The Big Short*, 2010)

Если вы ни разу не видели по телевизору Майкла Льюиса, значит, вы совсем не смотрите ни серьезных информационных программ, ни их сатирических имитаций. Выпускник Принстона и Лондонской школы экономики, автор многих бестселлеров о финансах и политике, надежный финансовый эксперт, — в последние годы он стал постоянным посетителем студий таких уважаемых телеканалов, как Bloomberg, Fox и PBS.

Вы сразу представили скучного умника, занудно бубнящего непонятные цифры? Не торопитесь! Все-таки он женат на потрясающей Табите Сорен, знаменитой и любимой всеми телеведущей, и живут они не где-нибудь, а в радостном Беркли. Остроумный, стильный, эксцентричный, сердечный, дерзкий — он великолепно подходит на роль привилегированного злословца, которому прощаются любые шутки и стеб. Недаром его так ценят Рэйчел Мэддоу, Джон Стюарт и Стивен Кольбер.

Майкл Льюис и Табита Сорен работают в своих студиях, соединенных тропинкой, извивающейся и кружащей вокруг деревянного дома, в котором они растят троих детей. Планировка их растянувшегося строения, стоящего на холмах Беркли, говорит о многом. Работа, конечно, важна, но главное — семья.

Студия Льюиса — его медвежья берлога, где занавески сдвинуты даже в яркий весенний день, — представляет собой небольшую, сооруженную еще в 1920-е годы постройку из красного дерева; внутри есть камин, сложенный из камня, и это сразу рождает ощущение чего-то очень уютного. «По своим внутренним часам я хотел бы писать с

полуночи до четырех утра, но это не совпадает с расписаниями моих детей. Поэтому и приходится имитировать полночь в середине дня».

Биографические данные

Дата рождения: 15 октября 1960 года.

Родился и вырос: Новый Орлеан (Луизиана).

Ныне живет: Беркли (Калифорния).

Личная жизнь: жена — Табита Сорен, популярная телеведущая; вместе с 1997 года.

Семейная жизнь: две дочери и один сын: Квинн, Дикси, Уокер.

Образование: Принстонский университет, бакалавр истории искусств (1982); Лондонская школа экономики, магистр экономики (1985).

Основная работа: журнал Vanity Fair, пишущий редактор.

Интересные факты

- Льюис написал первую книгу, «Покер лжецов», когда работал в инвестиционном банке Salomon Brothers.
- Льюис окончил Лондонскую школу экономики по простой причине: с дипломом Принстона он не мог устроиться на работу ни в одну фирму на Уолл-стрит.
- Льюис не берет авансы за книги. Он предпочитает делить риск с издательством.

Сайт: нет

Facebook: нет

Twitter: нет

Комментарий М. Л.: У меня без них достаточно дел.

Избранные работы

Документальная проза^[24]

«Покер лжецов», 1989

«Культура денег», 1991

«Тихоокеанский разлом. Почему американцы и японцы не понимают друг друга», 1991

«Лихорадка предвыборной кампании. Мастера манипуляций, клакёры в наем, игроки на пальцах, фут-фетишисты, медведи-гризли и прочие существа на пути к Белому дому», 1997

«Новейшая новинка: история Силиконовой долины», 2000

«Next. Будущее уже началось. Как Интернет изменил бизнес и мир», 2001

«Moneyball. Как математика изменила самую популярную спортивную лигу в мире», 2003

«Тренер. Уроки игры в жизнь», 2005

«Невидимая сторона. Эволюция игры», 2006

«Паника. История современного финансового безумия», 2008

«Действительная цена всего. Открываем заново шесть основ экономики», 2008

«Домашняя игра. Вспомогательный справочник отцовства», 2009

«Большая игра на понижение. Тайные пружины финансовой катастрофы», 2010

«Бумеранг. Как из развитой страны превратиться в страну третьего мира», 2011

Экранизации

«Невидимая сторона», 2009

«Человек, который изменил все» (Moneyball), 2011

Майкл Льюис

Почему я пишу

Во время учебы в Принстоне я пережил страстный интеллектуальный роман с дипломной работой. Я писал ее с огромным удовольствием. Затем я защищал ее на кафедре, а мой научный руководитель пел ей хвалы — у меня до сих пор хранится его отзыв! — но почему-то он ни словом не обмолвился о качестве моего текста. Не удержавшись, я поинтересовался его мнением, и вот что услышал в ответ: «Я тебе так скажу: не пытайся на этом зарабатывать».

Принстон я окончил в 1982 году и совершенно не знал, куда идти. Мне нравилось осваивать новые предметы, но как умудриться и дальше этим заниматься? Я хотел сохранить то чувство, которое испытал, работая над своим *плохо написанным* дипломом, но не имел ни малейшего представления, как сделать писательство профессией. Тогда я подумал: «Хочу быть Джоном Макфи».

Макфи преподавал в Принстоне. Я никогда не посещал его курса, поскольку до своей дипломной работы думал, что роль писателя не для меня. Но жизнь, которую он вел, вполне мне подходила. Макфи мог исчезнуть на год — потом выяснялось, что он собирает материал для будущей книги, — а вернувшись, садился писать. Мне казалось, такая фантастическая жизнь как раз для меня.

Когда тебе двадцать один и ты не знаешь, чем заняться, возьмешься за что угодно. И я взялся писать. Первым был большой отрывок, повествовавший о бездомных, с которыми я познакомился во время волонтерской работы. Потом я приобрел справочник *Writer's Market*, вмещавший адреса восьми тысяч книжных и журнальных издательств, и — не знаю, о чем я тогда думал, — отослал рассказ в каждый журнал, включая те, что распространялись во время полетов. Ответ пришел только из журнала *Delta*; явно сбитый с толку редактор

вежливо написал: «Мы восхищаемся вашими стараниями, но рассказы о жизни низших слоев американского общества обычно не входят в наши издательские планы».

Но я уже впрягся в это дело и усердно осваивал литературный опыт. Я написал огромное множество всего, и конечно, ни один опус не нашел своего издателя. Затем, в 1983 году, я решил попробоваться на место стажера в журнал *Economist* — им как раз требовался сотрудник, пишущий популярные научные статьи. Меня не взяли, поскольку дорогу мне перешли два претендента, оба писавшие в это время диссертации: первый — по физике, другой — по биологии. А я в колледже умудрился провалить единственный курс — что-то из естественных наук. Но на прощание проводивший собеседование редактор сказал: «Ну ты и плут! Правда, очень хороший плут. Пиши для журнала все что хочешь, но не про науку». Именно на страницах *Economist* я увидел свой первый опубликованный текст.

Платили они по девятисто баксов за одну заметку, однако быть автором *Economist* *стоит* этих денег. Не знаю, как я вообще собирался зарабатывать писательским трудом и жить на эти деньги, но я был полон энтузиазма. Мои заметки не собирали большой читательской аудитории, но, к счастью, я этого не замечал, поскольку бредил самой работой и упрямо писал.

Потом на меня неожиданно свалилось предложение работать на Уолл-стрит, и я решил, что это и есть «правильная жизнь». Когда я устраивался туда, то совсем не думал, будто поступаю так ради книги, которую когда-нибудь напишу, но через полтора года мне стало ясно, что все идет к этому.

До выхода моей первой книги в 1989 году совокупность моих литературных заработков за четыре года труда внештатным сотрудником составила около трех тысяч долларов. Поэтому решение уйти из *Salomon Brothers* — где я проработал уже несколько лет, а незадолго до моего ухода мне повысили вознаграждение на двести двадцать пять тысяч долларов с обещанием на следующий год удвоить эту сумму — с материальной точки зрения выглядело самоубийством. Итак, я взял аванс за книгу в размере сорока тысяч долларов и писал ее полтора года.

Отец думал, что я сошел с ума: парню двадцать семь лет, а ему за не самую сложную работу на свете буквально под ноги швыряют огромные деньги. Он советовал мне послужить в банке еще лет десять, а *потом уже* становиться писателем. Но я знал людей с Уолл-стрит, многие были старше меня — как раз на эти *десять лет*, — и я ни разу не видел, чтобы кто-то ушел по своей воле. Деньги заманивают в ловушку. Что-то внутри умирает. Трудно сохранить в себе качество, присущее юности и заставляющее бросить высокооплачиваемую работу, чтобы начать писать книгу. За десять лет из вас выжимают все соки.

Я рискнул (может быть, это было глупостью), но я никогда не жалел о своем поступке. И надо сказать, я ничего не потерял. Я довольно быстро написал книгу, которая разошлась миллионным тиражом. С тех пор моя жизнь была не то что не тяжелой — она стала счастливой.

Нет простого объяснения тому, почему я пишу. Отношение к этому все время меняется. Меня ничего не гложет изнутри, не ощущаю я никакой пустоты, которую надо постоянно заполнять. Ничего такого. Просто как только начал заниматься литературным трудом, уже не мог представить, как можно хотеть зарабатывать чем-то другим. Я быстро понял, что работа над книгой — единственная возможность не замечать времени. Сегодня мое утверждение уже не столь справедливо, но такие чудные моменты еще встречаются, и я ими очень дорожу.

Что-то менялось, что-то сейчас меняется

Не могу сказать, что мой внутренний мир претерпевал какие-то глубокие превращения, — все перемены, скорее, связаны с внешними обстоятельствами, влияющими на образ жизни. Потрясающе, как мало потребностей у меня было в двадцать три года и как много сейчас. Это касается и обязательств. Просто невероятно, но мне пришлось в корне изменить отношение ко времени, и только благодаря этому у меня вообще есть хоть какая-то жизнь.

Когда я писал первую книгу, я работал ночью: с одиннадцати вечера до семи утра. И был счастлив, просыпаясь в два часа дня. Мне и

сегодня хотелось бы существовать по своим внутренним часам: садиться за компьютер вечером, около девяти, и заканчивать часа в четыре утра, но... У меня жена, дети и нескончаемые обязанности. И это во благо. Мне нравится выполнять домашние дела. Я с удовольствием забочусь о своих близких. Готовлю им завтрак. Отвожу детей в школу. За это счастье можно заплатить переменной рабочего времени. Такова цена, если твои потребности не соответствуют семейному распорядку. В принципе мне даже лучше работается в нынешнем состоянии, когда что-то подгоняет, когда есть какие-то психологические границы.

Меня, конечно, тревожит, что сегодня сам акт писательства ассоциируется скорее с работой, чем с удовольствием. Раньше было сплошное упоение. Сейчас это какая-то смесь.

Причины, по которым я пишу, со временем меняются. Я уже говорил, как было раньше: возможность не замечать бега времени. Сейчас иначе, поскольку появилось представление о тех, кому нужны твои книги, этакое ощущение своего читателя. Возникает чувство, будто я вступил в игру с целым миром. Я не в состоянии определить траекторию полета, я даже не знаю, кому посылаю свой мяч, но по крайней мере я могу рассчитать силу удара.

Подобное ощущение власти — палка о двух концах. Хорошо, когда есть нечто заставляющее тебя отрезветь и вспомнить о своем месте. Я до сих пор не до конца понял, нужно ли во время работы над книгой думать о своей роли демиурга. Полезно ли это для самого творческого акта? Скорее, нет. И все-таки... любому автору трудно избавиться от мыслей, как его книги воздействуют на умы и души. То, что я пишу сию минуту, когда-нибудь прочтут люди... Знаете, это возбуждает.

Кстати, к вопросу о причинах. Весьма многое меняют деньги. Когда я только начинал и очень старался — мне практически ничего не платили. А сегодня даже наихудшая вещь — любая чушь, которую я сделаю, — приносит мне огромный доход. Разве это не причина писать? Раньше у меня ее не было. Кто-то звонит и просит написать триста слов. Утром на скорую руку я набросаю текст, и мне заплатят в сто раз больше, чем я получал за работу, на которую тратил недели.

Успех; собственная читательская аудитория; постоянные издатели; заказчики, готовые всегда платить, — с появлением всего этого в твоей

жизни мотивы работы быстро меняются.

И еще одно. Критический порог критерия — он становится выше. Что может сегодня заинтересовать меня настолько, чтобы я сел писать об этом книгу? В юности все было интересно. Не помню ни одной темы, на которую было бы жаль тратить время и силы. Сейчас я подхожу к этому очень избирательно. Становлюсь все более и более разборчивым. Или привередливым? Но я отказываюсь от многого. Во-первых, могу себе это позволить. Во-вторых, с возрастом катастрофически сужается круг неизведанного.

Потные ладони и хихиканье

У меня есть две физиологические особенности, которые могут показаться немного странными. Когда я работаю, у меня потеют ладони, так что клавиатура становится совершенно мокрой. И еще я хихикаю — об этом мне сообщила жена.

Так я выяснил, что, пока пишу, нервно посмеиваюсь, а иногда сам с собой говорю. Однажды, когда я вносил поправки в сценарий, Табита сидела в соседней комнате. Она сказала, что я разыграл сценку, говоря за всех персонажей.

В те благословенные времена, когда я писал ночью, я испытывал чувство полного погружения в текст. День для того не создан, поэтому я отключаю телефоны, опускаю шторы, надеваю наушники и ставлю в плей-лист один и тот же список из двадцати песен, которые звучат все время, но я их не слушаю. Все эти манипуляции нужны для того, чтобы не дать внешнему миру проникнуть в мою берлогу. Поэтому я не слышу себя, когда пишу, смеюсь и разговариваю вслух. Я даже не знаю, что шумлю. Но при этом чувствую физическое воздействие любой мелочи вокруг себя. Окружающая тебя атмосфера перестает быть лишь фоном.

Во время работы над книгой я обычно впадаю в крайне возбужденное состояние. Нарушается сон. Мне постоянно снится мой текст. Становится сильнее сексуальное влечение, поэтому увеличивается потребность в физических упражнениях; кстати, катарсис, который я испытываю от них, тоже возрастает. В разгаре работы над книгой — занимаюсь ли йогой, брожу ли по холмам,

тренируюсь ли в спортзале — я всегда держу при себе чистый блокнот и ручку. Выполняя очередную йоговскую позу, я умудряюсь сделать восемьдесят коротких записей. Это сводит с ума моего инструктора.

Даже если я пытаюсь выбросить все из головы, я так или иначе думаю о сюжете. Конечно, подобная ажиатация воздействует на психическое состояние. Поэтому я не могу регулярно писать. Почитайте биографии романистов вроде Джона Апдайка, рано встающих каждое утро и пишущих по шестьсот слов. Это не про меня. Меня бы это убило.

Я полностью живу только своей книгой, меня просто нет в реальной жизни — и так бывает месяцами. Расплачиваются жена и дети. Они платят слишком высокую цену за каждую книгу. К счастью, я свободный писатель и волен брать большую паузу, прежде чем приступить к следующей работе. Благодаря этому у меня все еще есть семья.

Со всех сторон я слышу: «У вас такая легкая проза», и у людей создается впечатление, что книга пишется будто на одном дыхании. Я думаю, мои читатели удивились бы, узнав, как мучительно тяжело дается описание интриги, как заставляет страдать каждое слово, сколько черновых вариантов я выбрасываю, пока достигну желаемого, — и все равно сомневаюсь в качестве своей прозы. Такой творческий акт отпугнет любого, кто решит стать писателем.

Празднуй. Отдыхай. Повторяй.

Стопки бумаг на подоконнике? Каждая кучка — будущие произведения, надвигающийся шторм. Прямо сейчас эти стопки представляют собой две вещи для журнала, сценарий и три книги. Скажем так: на подоконнике находятся пять следующих лет моей жизни. Что-то из этих куч может выпрыгнуть и быстро реализоваться. Что-то — застрять надолго.

Обычно у меня под рукой восемь новых тем. Но захочу ли я воплотить в жизнь одну из тех идей, когда книга закончена? Нет. Поэтому восемь тем продолжают пылиться на подоконнике. Мне нужно время между работами. Это как медленно заполняющийся сосуд. Трудно перескочить из одного состояния к другому.

Иногда я жульничаю. Некоторые книги представляют собой просто сборники заметок и статей, написанных для журналов. Я никогда не впадаю в писательский ступор; но порой отчаянно не хватает сил завершить очередную работу. Вообще любая книга отнимает очень много энергии. Меня мучает мысль, что страдают близкие люди, лишенные моего внимания и заботы. Физически я нахожусь с ними, но мысленно — с моими героями. Сознание то включается, то отключается.

Когда у вас три ребенка в трех разных школах — дня практически нет. Сейчас сезон софтбола. Я тренирую дочек пять дней в неделю, два с половиной часа каждый день. Остается немного. Есть маленькое окошко, когда можно писать.

Но хорошо, когда есть такие жизненные периоды. Приятно, что за тобой остается свобода выбора: прямо сейчас писать не буду, но позже наверстаю упущенное. И конечно, многое упирается в деньги.

Деньги меняют все

Коммерческий успех значительно облегчает создание книг, но в то же время создает определенное психологическое давление: хочется достичь большего. Если был продан каждый экземпляр твоей книги из миллионного тиража, то издатель считает, что сможет продать такой же миллион и твоей следующей книги. И он хочет, чтобы ты ее написал.

Жажда успеха и власть денег могут легко нанести вред твоему воображению, по крайней мере ограничить его. Их давление подспудно воздействует на сознание: невольно возникает желание писать о том, что имеет заведомый успех у читателя. Меня, к счастью, это миновало, — никогда даже мысли не мелькает, чтобы отказаться от хорошей темы только потому, что она не будет продаваться. Написание книги — это такая заноза в заднице, что я даже представить не могу, что когда-нибудь сяду за книгу, не будучи заинтересован в теме.

Лучшая минута — это когда в первый раз

Лучшим моментом моей жизни как писателя было увидеть и взять в руки свою первую напечатанную книгу. Я в это время жил в Лондоне по соседству с Джуди Денч, она сказала мне: «Когда выходит твоя книга, возьми экземпляр и брось на пол. И послушай, какой звук она издает». Я сделал так, и ощущение было *потрясающим*.

До этого тоже был замечательный момент, когда я понял, что моя первая книга будет написана. В ту минуту во мне как будто что-то перещелкнуло — с таким звуком, словно кто-то взламывал сейф. Я точно помню, где и когда это было: одиннадцать вечера, метро Нью-Йорка. Я возвращался из ресторана, где ужинал в компании брокеров из Salomon Brothers, — тогда я и осознал, что все они станут персонажами моей книги. Это будет моя история, история финансового рынка. Боже мой! Книга получится фантастической. Рыба была на крючке. И я знал, что это очень большая рыба. Я выпущу ее из рук только в одном случае: если у меня ничего не получится.

Лучший момент — когда я уже поймал рыбку, когда точно знал, что это именно то, что я должен делать.

После такого внутреннего подъема обязательно наступит спад. Не бывает так, чтобы все шло по плану. Но первый момент — краеугольный камень, место, куда можно вернуться. Что-то вроде компаса, с которым вы проходите во все закоулки своего сюжета.

Первое чувство меня никогда не подводило. Правда, не всегда понимаешь, какими бедами оно грозит. И все равно, это самое лучшее ощущение.

Майкл Льюис делится профессиональным опытом с коллегами

- Всегда хорошо, когда есть мотив сесть за рабочее место. Если у вас один стимул — деньги, быстрее ищите другой.
 - Я пошел на большой риск, когда ушел с прибыльной работы в возрасте двадцати семи лет, чтобы стать писателем. Я рад, что был слишком молод и не осознавал всю глупость своего решения. В моем случае оно оказалось правильным.
 - Многие из лучших решений я принимал в состоянии самообмана. Когда пытаешься выстроить свой путь писателя, небольшой самообман идет на пользу.
-

Глава 8

Терри Макмиллан

«Уверена, что не хочешь поехать со мной в Вегас?» — спрашивает меня муж второй раз за утро. Я не хочу ехать по двум причинам. Во-первых, те выходные, на которые он меня приглашает, не сулят мне страстных любовных дней, когда я могла бы надеть что-нибудь шикарное и мы пошли бы в казино, где шоу и танцы, а потом занимались бы допоздна любовью, спали до середины дня и заказывали бы еду и напитки в номер...

«Приближаясь к счастью» (Getting to Happy, 2010)

«Я пишу, потому что мир — несовершенное место и мы ведем себя несовершенно... Литературный труд — почти единственный способ (кроме молитвы), который помогает мне сострадать тем, к кому в реальной жизни я, вероятно, совсем не симпатизировала бы», — сказала Терри Макмиллан журналу *Writer* в 2001 году.

Обнажая реалии жизни афроамериканских женщин и объясняя их широкой (к слову, белой) публике, Терри Макмиллан писала книги, воспитывающие сострадание, в котором сама так сильно нуждалась. Ее роман 1992 года «В ожидании счастья» (*Waiting to Exhale*) вышел в переплете тиражом более семи миллионов экземпляров и был распродан за тот же год, а к 1995 году, когда на экраны вышел фильм по этому роману, было продано два с половиной миллиона экземпляров в обложке. Данная статистика в корне изменила мнение ведущих издательств об афроамериканской литературе. Терри Макмиллан доказала, что черные женщины читают книги и будут их покупать, если только им предлагают литературу, показывающую их собственную жизнь. Таким образом Макмиллан распахнула двери для афроамериканских авторов.

Биографические данные

Дата рождения: 18 октября 1951 года.

Родилась и выросла: Порт-Гурон (Мичиган).

Ныне живет: Северная Калифорния.

Личная жизнь: одинока.

Семейная жизнь: сын Соломон Уэлч.

Образование: Калифорнийский университет в Беркли, бакалавр гуманитарных наук; Колумбийский университет, курс для сценаристов и драматургов.

Основная работа: преподавание в высшей школе: Аризонский, Вайомингский, Стэнфордский университеты.

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): стипендии от Национального фонда поддержки искусств, Фонда искусств Нью-Йорка, Колумбийского университета; книжная премия Before Columbus Foundation American Book Award (1987).

Интересные факты

- Макмиллан влюбилась в книги в шестнадцатилетнем возрасте, когда работала в Публичной библиотеке Порт-Гулона.
- Макмиллан — страстный коллекционер произведений искусств. В двадцать два года она купила за девяносто долларов первую подписанную литографию, стоимость которой сейчас оценивается в двести тысяч долларов.
- Макмиллан никогда не читает интервью, которые у нее берут: «У вас есть ребенок? Вам есть дело до того, считают ли другие его милым?»

Сайт: www.terrymcmillan.com

Twitter: [@msterrymcmillan](https://twitter.com/msterrymcmillan)

Избранные работы

Романы^[25]

«Мама», 1987

«Дела житейские», 1989

«В ожидании счастья», 1992

«Увлечения Стеллы», 1996

«Слишком поздно», 2000

«Приостановка всего», 2005

«Приближаясь к счастью», 2010

Документальная проза

«Разбивая лед. Антология современной афроамериканской литературы», 1990

«Нестрашно быть необразованным», 2006

Экранизации

«В ожидании выдоха», 1995

«Увлечения Стеллы», 1998

«Исчезающий», 2000

Терри Макмиллан

Почему я пишу

Я не выбирала писательского труда. Просто однажды со мной это случилось.

Я пишу, чтобы сбросить старую кожу и изучить, почему люди делают то, что мы делаем по отношению друг к другу и самим себе.

Я ощущаю писательство как состояние влюбленности. Я поглощена персонажами, о которых пишу. Я становлюсь ими. Я теряю ощущение собственной реальности, когда пишу роман. Чувство, которое испытываешь, закончив работу, освежает, как пробежка на несколько миль.

Я не пишу о глупых людях. Не пишу о жертвах. Я пишу о людях, которых делают жертвами, но они не намерены это терпеть. Это значит, я намеренно выбираю персонажей, которым не совсем симпатизирую или которых искренне не понимаю.

Много лет назад я пошла в Макдоналдс и взяла заявление на работу. Для каждого своего персонажа я заполняю подобную. Использую книгу по астрологии, чтобы выбрать для них даты рождения, основываясь на том, какие черты характера я хочу у них видеть. Я создаю пятистраничный исчерпывающий портрет каждого персонажа и знаю о них все: какой размер обуви они носят; красят ли волосы; подделывают ли чеки; есть ли у них аллергия; что им в самих себе не нравится; что они хотели бы изменить; платят ли по счетам вовремя.

Мои читатели удивятся, если узнают, как много исследований я провожу. Сейчас я пишу роман о бабушке и дедушке, которые становятся родителями. Я читаю всевозможные книги на эту тему. Опрашиваю людей, работающих в таких государственных учреждениях. Когда люди будут читать мою книгу, они не будут знать, сколько материала она вместила. Они будут думать, что сюжет просто легко вышел из-под пера.

Роман похож на жизнь: это веревка с узлами, и качество жизни определяется тем, как их развязать. Я наделяю своих героинь чем-то таким, что им нужно преодолеть. Я позволяю им рассказывать мне, с

каким самым большим испытанием они столкнулись и чего больше всего боятся, а потом ставлю на их пути трудности, которые им предстоит преодолевать. Это сделало меня более сострадательной. Я начинаю роман без особой симпатии к своим персонажам, но к концу книги я о них забочусь. Мне приходится выходить из собственной зоны комфорта, чтобы рассказать их истории.

Я много плачу, когда пишу. В «Слишком поздно», когда умерла мать моего героя, — о мой бог, я была *раздавлена*. Она оставила в шкафу сумочку с письмами своим детям. Когда я писала эти письма, то ужасно себя чувствовала. Я получила столько отзывов от своих поклонников об этих письмах, и все в один голос повторяют, что хотели бы получить подобное письмо от матери.

Утром я быстро встаю. Не могу дождаться минуты, когда вернусь к своим героиням и буду смотреть, что они собираются сегодня делать. Я нахожусь на одной волне с ними. Когда они влюбляются, я тоже влюбляюсь. Когда чье-нибудь сердце разбито, когда кто-то из них ликует — я все это переживаю. К концу рабочего дня я выжата до капли. Иду на прогулку, делаю какие-то дела, иду в магазин — и кажется, что все вокруг светится. Никто не знает, откуда я только что вернулась. Никто не знает, что я была в Нью-Йорке или Лас-Вегасе. Похоже на то, будто бы я вышла из одного кино и попала в другое.

Как это произошло

Когда мне было восемнадцать лет, я пошла на вечерние курсы в колледж в Лос-Анджелесе. Я тогда рассталась с парнем и написала по этому поводу стихотворение. Написала его в блокноте, поскольку днем работала стенографисткой в страховой компании Prudential. Меня испугал сам процесс создания стихотворения. Как будто я была одержима. Я в жизни не писала стихов. Я даже не помню, *читала* ли я их до этого случая.

Однажды приятель моей соседки по комнате прочитал это стихотворение. Он поинтересовался, хочу ли я его опубликовать в литературном журнале городского колледжа Лос-Анджелеса. Я страшно удивилась. *Опубликовать?! Это?!* И он это сделал. С того

дня, даже если с дерева падал лист, я думала: «Из этого можно что-то сочинить». Я была маленькой дурочкой, пишущей стихи.

Закончилось все тем, что я пошла в Калифорнийский университет в Беркли и выбрала социологию. Я хотела быть социальным работником, потому что знала: мир — это ужасное место. Я надеялась, что, возможно, смогу помочь. В те годы, если вы были черным, то вам давали деньги на то, чтобы поехать в Беркли. Как бы то ни было, мы организовали газету для афроамериканцев под названием «Черные мысли», и там появились какие-то мои стихи. Также я писала редакционные статьи для независимой студенческой газеты Daily Californian.

Слухи обо мне распространились быстро, и другие университетские газеты, особенно для черных, начали публиковать мои стихи. Они у меня до сих пор лежат в картонном чемодане, который я купила за два доллара и девяносто девять центов в Португале в 1968 году. И знаете что? Некоторые из них не так уж и плохи!

На первом курсе, когда пришло время выбирать профилирующую дисциплину, я сказала своему куратору, что выбираю социологию. Он поинтересовался, зачем я это делаю: «Я читал твои статьи и не понимаю, почему ты не хочешь писать дальше. Сконцентрируйся на этом все силы».

У меня рот открылся. Я не могла поверить в то, что услышала. Причем парень был белым. Я объяснила, что стихи и статьи лишь мое хобби, но ими на жизнь не заработаешь. Он посоветовал отправиться домой и хорошо подумать. Что я и сделала. Я поняла, насколько он прав, и выбрала другую дисциплину.

Я ходила на курс литературного мастерства, который вел афроамериканский поэт Измаил Рид. Он прочитал мой первый рассказ и сказал: «Терри, у тебя очень сильный голос». Мне всегда говорили, что у меня необычайно глубокий голос для женщины, поэтому я подумала, что он это имел в виду. Я тогда еще *ничего* не знала. Ничегошеньки.

После Беркли я переехала в Нью-Йорк и вступила в Гильдию писателей Гарлема — что-то вроде мастерской писателей Айовы, но для черных. Я прочитала им новеллу «Мама, сделай еще один шаг», которую написала на курсе у Измаила.

Когда я закончила, романист Дорис Джин Остин сказала: «Дорогая, это не рассказ. Это роман». Все кивали. Я еще не знала, что истории можно продавать, а они знали. К концу собрания я написала первую главу моей первой книги «Мама».

Моя жизнь изменилась, и мне это не понравилось

За «Маму» мне заплатили семьсот пятьдесят долларов — это было в 1987 году; первый тираж был распродан еще до того, как попал в книжные магазины. За «Дела житейские» мне заплатили семьдесят пять тысяч долларов — это было в 1989 году. Причем роман не попал в список New York Times, но продавался очень хорошо. Поэтому за роман «В ожидании счастья» я уже получила четверть миллиона долларов.

Роман вышел в 1992 году под шестым номером в списке New York Times. Я не могла в это поверить. Пока я участвовала в кампании в поддержку «Счастья» и ездила по шестнадцати городам, мой агент провел конкурс по продаже прав на издание в обложке. Она позвонила мне в Атланту:

— Терри, ты не согласишься. Почти один и два.

— Один и два чего?

Через полчаса она позвонила снова и сказала: «Опра хочет, чтобы ты пришла к ней в студию». Опра никогда еще не приглашала автора книг. С этого момента моя жизнь стала меняться очень быстро. Я переехала из Аризоны в Сан-Франциско. Все журналы, начиная с People, хотели взять у меня интервью. Я поднимала глаза, а в гостиной сидели журналисты из Time. Это было потрясающе.

Затем началась шумиха на тему, что *черные тоже читают*. Я возмутилась: «Черные всегда читали. Просто не было современного романа, который настолько взывал бы к их душам. Представьте, что множество белых покупают мою книгу. Кроме того, мы всегда читали много книг белых авторов. Соображайте».

Когда это все случилось впервые, моя жизнь стала совершенно другой. И мне это не понравилось. Отовсюду стали подходить люди, просить денег. Читатели писали мне свои грустные истории. Внезапно

объявились какие-то забытые родственники. Я настолько была подавлена, что пошла к психиатру.

Не только для меня все изменилось

Я не меняла свой стиль для того, чтобы добиться успеха. Я все еще писала те сюжеты, которые хотела рассказать людям. Суть в том, что критики, когда ты добиваешься коммерческого успеха, начинают тебя ненавидеть. Они обязательно пытаются найти что-нибудь неправильное. Когда я писала «Приближаясь к счастью», то отдавала себе отчет, что критики книгу не примут. Мне было все равно. Самое важное для меня, чтобы она понравилась людям, которые будут ее читать, что она тронет их сердце.

После выхода «В ожидании счастья» и шумихи вокруг *черного* автора и *черного* читателя издательства начали выплачивать молодым афроамериканским писателям огромные суммы, предполагая, что в ближайшее время получат множество готовых Терри Макмиллан. А эти несчастные, получая большие авансы, подписывали контракты сразу на две или три книги и не понимали, что если первая книга пройдет нормально, а вторая — посредственно, то с третьей книгой тебя уже ни в какую рекламную поездку по стране не отправят. Молодые авторы еще не знали: они со своими книгами становятся лишь историей, если издательства не окупают вложений.

Их книги не продавались так, как «В ожидании счастья», они не отработывали авансы, и издательства начали наказывать этих писателей тем, что не предлагали новых контрактов. У некоторых авторов были договоры на миллион долларов. А сейчас от них избавлялись. Они не могут получить контракты, чтобы спасти свои жизни. Я знаю много таких. Это очень грустно. Очень грустно.

Обыкновенный расизм

Многие белые писатели, получающие хорошие гонорары и продающие приличные тиражи, спокойно продолжают работать. Издатели готовы их поддерживать, невзирая ни на что. Ох, в любом случае будут продвигать и рекламировать. Они ездят по стране, получая большие деньги за выступления. Немногим черным писателям это удается. Обыкновенный расизм, вот что это.

Я знаю некоторых черных писателей — Ийанла Ванзант, например, — которые получают много денег, их книги становятся успешными, но не в том масштабе, на который надеялись их издатели. Не стоит и говорить, что издательства их не продвигали и не отправляли в большие книжные туры. С их книгами совершенно не работали. Издательства рассчитывали, что *мои* читатели побегут и начнут скупать книги афроамериканских писателей.

Это отражается даже на мне. У меня есть семьдесят страниц нового романа, и мне говорят: «Он мрачноват. В нем нет твоего фирменного юмора».

Я отвечаю: «Мрачноват? Правда?»

Знаете что? Белые постоянно пишут депрессивные книги. Чем она депрессивней, тем глубже, на их взгляд. Возьмем «Стеклянный замок»^[26]. Или Кэтрин Стокетт — она может написать книгу о шестидесятих годах и судьбе черных служанок. Вы говорите о мрачности! Что в этом такого возвышенного? И тем не менее она была в списке *New York Times* на протяжении сотни недель. Но когда мы рассказываем о *собственных бедах*, то наши книги либо депрессивные, либо не интересны белым.

Больше всего меня выводит из себя, когда писатели, преимущественно белые, используют такой возвышенный язык или делают своих героев такими значительными, хотя в реальной жизни такие люди ничего из себя не представляли бы. Его герой переходит улицу — о, это так значительно. Он сидит в своем кабинете — очень важно.

Пожалуйста, приведу пример — Джонатан Франзен. Прочитав тридцать страниц, я начинаю думать: «Да кому до этого есть дело?»

Ненавижу любые ярлыки

Журналистка из Time, пришедшая ко мне взять интервью, больше говорила о моем доме, чем о книгах. Вряд ли она вела бы себя подобным образом, если я оказалась бы состоятельной белой писательницей. Ее потряс мой хороший вкус.

В своей статье она описала мои книги как «поп-литературу». Если произведения пользуются читательским спросом, это сигнал к тому, что автора нельзя воспринимать серьезно. Я написала в журнал довольно злое письмо: «Не надо ненавидеть меня лишь за то, что я продала больше книг, чем любимчики Paris Review. Не пытайтесь сделать меня автором бульварного чтива. Знаете что? В популярности нет ничего плохого».

Я определяю понятие «поп» как поп-психологию: уже знаешь, чем закончится. Мои книги основаны на персонажах, не на сюжете. Мои книги непредсказуемы. Возьмем, например, «Приближаясь к счастью» — там не знаешь, приблизишься ли к нему. Это путешествие. Вот в чем суть.

По существу, я делаю то же, что Чехов, Вирджиния Вулф, Хемингуэй. Я рассказываю истории о своем мире, в свое время, в своем стиле. Их в этом никто не обвинял.

Через сто лет будут с восторгом принимать само слово *поп-литература*. Сейчас я от него отказываюсь. Я никому не позволю давать мне дурацкие характеристики. Мне интереснее история, которую я должна рассказать. Вот что для меня важно.

Поэтому я собираюсь продолжать писать так, как я пишу.

Терри Макмиллан делится профессиональным опытом с коллегами

- Я пишу только о тех героях, которые меня раздражают. Я не симпатизирую своим персонажам в начале книги. Чтобы рассказать их историю до конца, мне нужно найти в себе сострадание к ним. Из-за этого ни мои герои, ни мои читатели, ни я сама — никто не знает, как все обернется.
- Как только я понимаю, в чем состоят проблемы моих персонажей, я даю им что-то, с чем они должны справиться, что-то, что они должны изменить, потому что люди больше всего боятся перемен, — это способствует привлекательности драмы.

- Я не полирую до блеска свои истории и не даю читателям идеальной версии. Я рассказываю ее такой, какая она есть.
-

Глава 9

Амистед Мопин

«Должно быть хоть что-то, хотя бы кроличья норка», — подумала она. Должно быть что-то в этих склонах, знак из прошлого, за который сможет зацепиться ее эмоциональная память, — скажем, вид на Алькатрас, или звук туманного горна^[27], или мшистый запах настала у нее под ногами — любая мелочь, что поможет вернуть ее в утраченную волшебную страну. Все вокруг нее было знакомым, но тем не менее чуждым опыту всех ею прожитых лет...

«Осень Мэри Энн» (*Mary Ann in Autumn*, 2011)

Давно, еще до 1980-х годов, в каменном веке литературы любой автор, оказавшийся геем, становился «писателем-гомосексуалом»; ведущие издательства практически не публиковали их произведения, разделяя общепринятое представление, будто «гомосексуальная книга» может быть интересна лишь читателю-гею. Поэтому возникла целая гомосексуальная «культура для своих»: книги, издательства, книжные магазины, газеты, календари, музыка и сувениры.

Наше литературное сообщество стало другим, чему способствовали самые разные обстоятельства, но главный фактор, оказавший влияние на сегодняшний день, формулируется одним именем — Амистед Мопин. При президентстве Джеральда Форда, когда почтовая марка стоила тринадцать центов, а мюзикл «Кордебалет» получил Пулитцеровскую премию в категории «драма», — в том далеком 1976 году Мопин начинает в газете *San Francisco Chronicle* публикацию серии романов под общим названием *Tales of the City* («Городские истории»). Он рассказывает о настоящих живых гомосексуалах, живших бок о бок с настоящими живыми гетеросексуалами. Земля разверзлась.

Мопин не просто сотворил историю равных прав. Он принял в этом участие, заключив брак в Сан-Франциско со своим возлюбленным Кристофером Тернером — всего лишь за несколько недель до принятия восьмой поправки, снова запретившей однополые браки. До недавнего переезда в Санта-Фе они жили в элегантном уютном доме, с типичной для тех мест архитектурой. Их дом на

холмах Сан-Франциско с истинно южным гостеприимством распахивал двери всем представителям гей-сообщества.

Биографические данные

Дата рождения: 13 мая 1944 года.

Родился и вырос: Вашингтон; вырос в Роли (Северная Каролина).

Ныне живет: временно скитается.

Личная жизнь: Кристофер Тернер, замужем с 4 октября 2008 года.

Образование: Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл.

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): Премия Пибоди (1995); премия GLAAD Media (1995); премия за жизненные достижения имени Билла Уайтхеда от организации ЛГБТ-писателей Publishing Triangle (1997); премия Trevor Life Award проекта «Тревор» «за попытки спасти юные жизни» (2002); победитель Big Gay Read («Любимая книга Британии про гомосексуалистов») (2006); Litquake's Barbary Coast Award (первый награжденный) за вклад в литературу Сан-Франциско (2007).

Интересные факты

- Воспитанный в консервативной семье в Северной Каролине, Мопин однажды назвал американского политического деятеля Джесси Хелмса^[28] «героической личностью». Позже, на первом гей-параде в Роли, он осудил деятельность Хелмса.
- Мопин служил в ВМС США, воевал во Вьетнаме.
- «Городские истории» переведены на десятки языков, тираж составил шесть миллионов экземпляров. По ним были сняты три телевизионных мини-сериала и поставлен театральный мюзикл.

Сайт: www.armisteadmaupin.com

Facebook: www.facebook.com/armisteadmaupin

Twitter: [@armisteadmaupin](https://twitter.com/armisteadmaupin)

Избранные работы

Романы

«Городские истории», 1978

«Больше городских историй», 1980

«Еще городские истории», 1984

«Девчушка», 1984

«Важные другие», 1987

«Уверен в тебе», 1989

«Может быть, луна», 1992

«Ночной слушатель», 1992

«Жизни Майкла Толливера», 2007

«Осень Мэри Энн», 2010

Телевизионные мини-сериалы

«Городские истории», 1993

«Больше городских историй», 1998

«Еще городские истории», 1998

Экранизация

«Ночной слушатель», 2006

Мюзикл

«Городские истории», 2011

Амистед Мопин

Почему я пишу

Я пишу, чтобы объяснить себя себе самому. Это способ преодолевать несчастья, отсортировать грязь жизни, чтобы придать ей симметрию и смысл.

Дюжину лет назад или около того в «Ночном слушателе» я написал о расставании — в то время я еще переживал его. Я верил, что это может привести к просветлению. Но я не столько противостоял боли, сколько сдерживал ее, запихивая в аккуратный ящик под названием «роман», которому надлежало держать самую сильную боль под замком и на расстоянии. Многие писатели перенаправляют свой опыт таким образом, но это коварное дело. Жизнь — нечто большее, нежели Материальное. Может закончиться тем, что роман начнет писать вас.

Иногда я пишу, чтобы объяснить себя другим. Тридцать четыре года назад мои домашние узнали, что я гей. Сообщил я об этом с помощью героя своих «Городских историй» Майкла Толливера. Они внимательно следили за моим романом по мере его появления в Chronicle, поэтому я и использовал прикрытые вымысла. Мои родители, прочитав письмо Майкла, в котором он открылся своей семье, поняли, что это весточка от меня. Труд писателя дал мне возможность оформить свои мысли и чувства, избежав опасности непосредственной очной ставки.

Задолго до того, как я начал писать, я любил рассказывать истории и удерживать внимание аудитории. Южане склонны к этому. Уже в восемь лет, сидя у костра в летнем лагере среди ровесников-бойскаутов, я пересказывал им своими словами народные легенды и

страшные сказки с привидениями. Я не был силен в спортивных играх, но мог завладеть их вниманием с помощью своей фантазии. Думаю, так я учился обретать чувство собственного достоинства.

Писательство для меня — не развлечение. Я еще могу подурачиться в самом начале, когда фильтрую материал, но непосредственный процесс работы над текстом уже другой — для меня в нем есть что-то леденящее, поскольку возникает неверие в собственные силы. Я воспринимаю это так, будто долго выкладываю мозаику на руках, на коленях, помещаю цветные кусочки на нужные места, но знаю, что до завершения всей картины очень далеко. Я заставляю себя сохранять самодисциплину во время рабочего процесса, и это мне удается только благодаря знанию, что в конце работы я обязательно испытаю удовольствие. Обычно я встаю где-нибудь — в прошлом году это был большой зал Сиднейского оперного театра! — и читаю вслух отрывок, над которым долго мучился; в вознаграждение я получаю внимательную тишину и взрывы смеха. Мы снова все вместе сидим на том бревне вокруг костра.

Не хочу сказать, что у меня не бывает восхитительных минут, когда я смотрю на отдельный абзац и понимаю, что добился своего, доведя его до максимального изящества и прозрачности, — тогда я начинаю танцевать джигу и кружить по комнате. Суть в том, что я не позволяю себе двигаться дальше по тексту, пока не испытаю этот момент счастливого удовлетворения от написанного. Возьмите любой учебник литературного мастерства — вы найдете совет выделить в тексте все сомнительные места и довести их до ума позже. Я с трудом следовал этому правилу даже в конце семидесятых, когда печатал роман на машинке под копирку и гнал на бешеной скорости главу за главой для очередного номера газеты. Сегодня я не представляю жизни без компьютера и текстового редактора, дающего автору возможность доводить текст до совершенства, — я теперь занимаюсь этим до бесконечности, и рабочий процесс очень замедлился. В лучшем случае я напишу страницу-другую в день. Я хочу, чтобы люди читали мои тексты в таком же темпе, с каким они бегут по лесу, поэтому мне нужно убрать все лишнее с пути читателя. На это требуются время и силы. Многие предполагают, что если текст читается легко и

быстро — значит, и автор писал его легко и быстро. О, если бы это было правдой.

Сомерсет Моэм однажды сказал, что предъявлял три требования к своим произведениям: ясность, простота и благозвучие. Этими словами все сказано о моих собственных целях, хотя, пожалуй, на первое месте я поставил бы *благозвучие*. Текст для меня находится на том же уровне, что и музыка.

Еще одна причина, по которой я пишу: я выплачиваю ипотеку

Обычно люди считают, что знаменитые писатели богаты. Я знаю таких, кому хватает доходов от книг, но большинству авторов все-таки приходится, как и всем остальным, изрядно суетиться, чтобы поддерживать необходимый уровень существования.

Я создал ту жизнь, которую всегда хотел для себя: у меня есть муж, есть дом, — но я отнюдь не купаюсь в богатстве. За тридцать пять лет я написал десять романов, что сегодня позволяет мне иногда вести весьма симпатичную праздную жизнь — что само по себе уже является благом — и спасло меня от рабства ежедневной службы. Но что особенно мне дорого и близко: моя гомосексуальность — то, чего я когда-то больше всего боялся в себе, — стала основой моего успеха. В этом отношении я доверился интуиции. Еще три десятилетия назад в издательском бизнесе вдоволь хватало знакомых, советовавших мне заканчивать с моими гомосексуальными заморочками. Тогда было принято держать все в тайне, и обретенная мною откровенность рассматривалась как помеха — даже в профессиональной сфере. Мать однажды призналась, что она была счастлива, когда я обрел внутреннюю свободу, но ей страшно думать, насколько это может помешать моему литературному делу. «Ты не понимаешь, — ответил я, — это *и есть* мое дело».

Нас, открытых гомосексуальных художников, в те времена было немного, и на моем пути встретились удивительные люди, ставшие и друзьями, и наставниками. Замечательные писатель Кристофер Ишервуд и художник Дон Бакарди. Английский художник и фотограф Дэвид Хокни, которому я однажды позировал. Потрясающий

английский актер Иэн Маккеллен, советовавший со мной перед тем, как публично заявить о своей ориентации. Мне приносили огромное удовлетворение встречи с читателями, говорившими мне, что «Городские истории» изменили их жизни и помогли увидеть красоту и величие мира. Думаю, я смог это сделать, поскольку писал о нормальных живых персонажах: гомосексуалах, гетеросексуалах, сомневающимся, — и все они получились людьми интересными и достойными.

Спасибо, миссис Пикок

Миссис Пикок была преподавателем литературного английского языка в средней школе. Похожая на сказочную маленькую птичку, она неприкрыто и даже вызывающе демонстрировала абсолютно пристрастное отношение к талантливым, по ее мнению, ученикам. Она нам преподавала около четырех лет и открыто выделяла троих из класса: Энн Тайлер, Рейнолдса Прайса^[29] и меня. Позже, когда она умерла, каждый из нас отдал дань ее памяти.

Все мы, по просьбе миссис Пикок, должны были приготовить небольшой отрывок из любого произведения английской литературы и представить его школьной публике в виде небольшой театрализованной сценки. Тему можно было выбрать тоже любую. Я выбрал тему «сон». Поставил на сцену древнегреческую колонну, сделанную мною из коробок из-под мороженого и клеящейся бумаги. Одедся во все белое и прочитал отрывок из «Макбета» про сон, избавляющий от забот, а закончил стихотворением Альфреда Теннисона «Вкушающие лотос», которое якобы обладает усыпляющим эффектом. Миссис Пикок, благослови ее душу, продемонстрировала эту особенность, притворившись спящей после моего выступления.

Мой литературный путь был и долгим, и медленным. Я вел сатирическую колонку в Daily Tar Heel, студенческой газете Университета Северной Каролины. Мои образ мысли и стиль выражения представляли собой гремучую смесь, замешанную на творчестве Арта Бухвальда и Уильяма Бакли-младшего^[30]. Среди университетского люда я считался консерватором, чем очень гордился мой отец. Ну что же, это был мой способ хоть немного порадовать

родителей, ведь я знал, что когда-нибудь мне придется посвятить их в свою глубокую тайну — и тогда им будет очень тяжело.

Какое-то время мне пришлось брести, спотыкаясь и падая, по дороге юридического образования. Отец-юрист все для меня распланировал заранее, и я был обречен работать в его юридической фирме. Я считался лучшим на нашем факультете, что давало мне право — пока однокурсники зубрили основы юриспруденции — гулять по центру нашего городка Чапел-Хилл и смотреть фильмы Феллини. В конце концов, после первого года учебы я взглянул правде в глаза. Я не хотел тратить еще два года на юридический факультет, но более всего я не хотел провести свою жизнь, занимаясь адвокатской практикой. Поэтому я просто ушел с экзамена по праву справедливости и в возрасте двадцати двух лет закончил свою так и не начавшуюся юридическую карьеру.

Вот незадача! — шла война

Я вернулся домой в Роли и сказал отцу, что не хочу быть юристом. Но шел 1967 год — разгар войны во Вьетнаме, поэтому учеба была единственным освобождением от призыва. С помощью Джесси Хелмса и некоторых хороших друзей отца меня приняли на краткосрочные курсы подготовки офицеров. Я отслужил один срок в Чарльстоне и на Средиземноморье, а второй — во Вьетнаме.

Вернувшись из Вьетнама, я переехал в Чарльстон. Год проработал в *News & Courier*, старейшей ежедневной газете Юга. О чем я только не писал: о вреде испанского мха, о фестивалях требухи, брал интервью у сенатора Строма Термонда и его жены — третьей королевы красоты. Я начал знакомиться с ребятами из Бэттери, где раздались первые выстрелы Гражданской войны^[31]. Вроде весьма подходящие занятия для пра-пра-правнука генерала Конфедерации.

Пробуждение моей сексуальности — ее высвобождение — привело к большим внутренним переменам. Новая жизнь заставила меня во всем сомневаться. Не только в собственной ориентации, но и в моем расизме, женоненавистничестве и во всем тем бреде, который я впитал с детства в родном Роли. В Чарльстоне мне становилось тесно и не очень уютно, поэтому я поехал в Нью-Йорк и прошел собеседование в

Associated Press. Они предложили работу в Буффало, но я отказался, тогда мне предложили Сан-Франциско.

Сан-Франциско, я иду

Я обожал Сан-Франциско, но ненавидел работу в Associated Press. Работа на информационное агентство — это вечно поджимающие сроки. А я всегда старался сделать свои истории более живыми, поэтому писал медленно, чрезвычайно медленно. Однажды один из моих начальников, когда мы вместе работали вечером, весьма резко высказался: «Я знаю все о тебе. Ты не репортер», — сказал он, показывая на меня пальцем. Вечер был испорчен, а я — душевно подавлен. Теперь я все время думал, что как писатель потерпел полное фиаско. В прошлом году этот человек стоял в очереди, чтобы получить мой автограф. Уверен, он не помнил того случая, когда так безжалостно меня унизил, но я помнил.

Покинув через пять месяцев Associated Press, я не гнушался никакой работой. Был мальчиком на побегушках в трудовом агентстве Kelly Services; разгружал манекенов на складах; раздавал рекламные листовки. Как же я измучился от этой гадости. Затем работал курьером и, наконец, устроился копирайтером в рекламном агентстве. Опыт последней службы весьма мне пригодился, когда я искал нужные краски для описания компании Halcyon Communications в «Городских историях». Но и эту работу я ненавидел. Когда я собрался их бросать, то стал искать какой-то предлог — не мог же я сказать, что мне откровенно скучно, — и тогда решил признаться начальнику, что я гей. Он сказал: «Ну и что? Я сплю с секретаршей, а у нас обоих есть семьи».

Большой прорыв случился, когда я устроился в журнал Pacific Sun и начал вести колонку о городских делах Сан-Франциско. Я без всякого стыда врывался в любой служебный кабинет; писал о Салли Ренд, семидесятилетней танцовщице с веерами; однажды посетил гетеросексуальное представление в Marina Safeway, где все девушки были одеты в стильные джинсовые брючные костюмы.

Никто из них не сознавался, почему они там были, поэтому тем вечером, вернувшись домой, я придумал свою новую героиню — эту

девушку, живущую в городе, — и назвал Мэри Энн Синглтон. Так родились «Городские истории».

Я счастливчик

С серией романов у меня появилась уникальная возможность. Отвлекаясь время от времени на вполне приятную работу над фильмами или другими романами, я рассказывал историю об одних и тех же героях на протяжении тридцати четырех лет. Даже другие мои романы, например «Может быть, луна», включали в себя второстепенных персонажей из мира «Городских историй». Я присутствовал рядом с этими людьми на протяжении всей их жизни — любовь, смерть, женитьбы, рождения, болезни, процесс самопознания, что, по мнению некоторых, сродни полной катастрофе. Как будто у меня в соседней затемненной комнате стояла дрожжевая закваска для теста, которой я всегда мог воспользоваться для выпечки их судеб.

Порой читатели спрашивают, знаю ли я, что собираются делать мои герои в тот или иной момент. Конечно, нет. Но я знаю, где и когда снова смогу разыскать их. Я просто погружаюсь в самую глубину своей души, из которой они когда-то и появились на этот свет. Они стали чем-то вроде альбома, где я делаю зарисовки своего эмоционального ландшафта. Чем больше играешь на собственных издерганных нервах, чем туже их натягиваешь, тем больше вероятности встретить родную душу, откликающуюся на твою боль. И колоссальный кредит доверия со стороны читателей — доверие, которое обязывает тебя быть искренним и честным. Хотя, конечно, любой автор знает, что в самом смелом признании всегда найдется небольшая доля тщеславия.

Амистед Мопин делится профессиональным опытом с коллегами

- Когда начинаете свою литературную профессиональную деятельность, не думайте об остальных писателях как о конкурентах. Вы создаете исключительно свой текст, и если он хоть сколько-нибудь хорош, он навсегда останется только вашим.
- Отнеситесь к работе над книгой как к игре. Легко пропасть при монотонном труде, поэтому занимайтесь всякими глупостями — это помогает. Можно ли иногда покурить травку? Легко! Но это не для меня.

- Писательские конференции и всякие коллективные обсуждения — сплошная ярмарка тщеславия, зависти и взаимного неуважения — одни амбиции и нервотрепка. Ну их.
-

Глава 10

Уолтер Мосли

Где-то за пределами моей видимости жалобно стонал мужчина. Звучало так, будто он достиг предела своих возможностей и собирался вот-вот умереть.

Но я не мог остановиться, чтобы посмотреть, в чем его проблема. Я слишком ушел в ритм, обрабатывая твердую скоростную боксерскую грушу. Этот наполненный воздухом кожаный пузырь ударял по платформе, к которой был подвешен, быстрее, чем любой баскетбольный мяч в матче NBA...

«Когда проходит дрожь» (*When the Thrill Is Gone*, 2011)

Имя Уолтера Мосли неразрывно связано с именем главного героя его известной детективной серии. Знакомьтесь — *Изи Ролинз*. В этом Мосли продолжает славную традицию Рэймонда Чандлера, вошедшего в историю детективной литературы благодаря своему главному герою Филипу Марлоу. Но кроме уроков Чандлера Мосли воспринял прозу других самых разных писателей — это Габриэль Гарсиа Маркес, Лэнгстон Хьюз, Дэшил Хэммет и Грэм Грин. И еще одна связь, но не из прошлого, а предвосхитившая будущее: *синее платье...* Сразу возникает ассоциация с Клинтоном.

Но это не платье мисс Левински, а синее платье из первой опубликованной книги Мосли и первой одноименной экранизации — *Devil in a Blue Dress* («Дьявол в синем»). Билл Клинтон все-таки возникает на нашей сцене: в 1992 году кандидат в президенты открыто назвал Мосли одним из самых любимых авторов.

В беседе со мной Мосли признался: «Все еще не устаю поражаться, что меня вообще когда-то опубликовали...» — это сказано шестидесятилетним известным писателем с тридцатилетним опытом работы. Вопреки словам Мосли, ни один человек, имевший удовольствие читать его искрометные детективы, не найдет в том факте ничего удивительного.

Биографические данные

Дата рождения: 12 января 1952 года.

Родился и вырос: Уоттс (пригород Лос-Анджелеса).

Ныне живет: Нью-Йорк.

Личная жизнь: разведен.

Образование: Баптистская дневная школа; Годдардский колледж; Джонсонский государственный колледж (1977); Сити-колледж при Городском университете Нью-Йорка, курс литературного мастерства.

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): премии Анисфильда–Вулфа и «Грэмми»; две награды NAACP Image Awards за выдающиеся литературные работы в области художественной литературы; литературная премия Американской библиотечной ассоциации Black Caucus; премия имени О. Генри; премия Risktaker Института Сандэнса; премия Parallax общества Carl Brandon; степень почетного доктора от Сити-колледжа Нью-Йорка.

Интересные факты

- Мать Мосли — польская еврейка; отец — афроамериканец.
- После окончания школы Мосли провел какое-то время в Санта-Крузе и поехал в Европу. Бросил Годдардский колледж; одно время изучал политическую теорию и даже работал над докторской диссертацией, но потом оставил и это.
- Его наставниками были Уильям Мэтьюз, Эдна О’Брайан и Фредерик Тьютен^[32].

Сайт: www.waltermosley.com

Facebook: www.facebook.com/waltermosleyauthor

Избранные работы

Романы^[33]

Детективы из серии про Изи Ролинза

«Дьявол в синем», 1990

«Красная смерть», 1991

«Белая бабочка», 1992

«Черная Бетти», 1994

«Маленькая желтая собачка», 1996

«На рыбалку», 1997

«Плохой мальчик Бродли Браун», 2002

«Шесть легких частей», 2003

«Маленькая Скарлетт», 2004

«Коричный поцелуй», 2005

«Белокурая вера», 2007

Детективы из серии про Бесстрашного Джонса

«Бесстрашный Джонс», 2001

«Сам страх», 2003

«Страх тьмы», 2006

Детективы из серии про Леонида Макгилла

«Долгое падение», 2009

«Известный злу», 2010

«Когда проходит дрожь», 2011

«Я лишь застрелила своего мужчину», 2012

Романы из серии про Сократа Фортлоу

«Всегда в меньшинстве, всегда победитель», 1997

«Выгуливая собаку», 1999

«Правильная ошибка», 2008

Молодежный роман

«47», 2005

Эротические романы

«Убийство Джонни Фрая», 2006

«Черная магия», 2007

Другие романы

«Мечта РЛ», 1995

«Человек в моем подвале», 2004

«Удачливый сын», 2006

«Рассказы Темпеста», 2008

«Последние дни Птолемея Грея», 2010

Документальная проза

«Работа на банду Чейн. Избавление от гнета истории», 2000

«Что дальше? Мемуары грядущего мира», 2003

«Жизнь вне контекста», 2006

«В этом году ты напишешь роман», 2007

«Двенадцать шагов на пути к политическому откровению», 2011

Комикс

«Фантастическая четверка», 2005

Научно-фантастическая проза

«Голубой свет», 1998

«Страна будущего. Девять историй о грядущем мире», 2001

«Волна», 2005

Экранизации

«Идеальные преступления», 1993–1995 (телесериал по роману «Падшие ангелы»)

«Дьявол в голубом платье», 1995

«Закон улиц», 1997 (телепостановка по роману «Всегда в меньшинстве, всегда победитель»)

Пьеса

«Падение с небес», 2010

Уолтер Мосли

Почему я пишу

Мне очень нравится складывать слова, чтобы сочинять всякие истории. Это великолепное занятие. Не могу даже представить причины, чтобы не писать. Правда, одна могла бы быть... Предположим, мои книги не пользовались бы спросом... Хотя, если подумать, меня это не остановит. Я все равно буду писать.

Не могу сказать, будто пишу всю свою жизнь. В детстве я много рисовал. Причем ежедневно. Писать я начал только в тридцать лет и сразу влюбился в это. Сочинительство — как отношения. Встречаешь кого-то и внезапно ты влюблен, когда и не ожидаешь. Я вот спрошу вас, почему вы влюблены? Вы сможете мне ответить?

Я сочиняю с большим удовольствием, но не создаю культа из этого процесса. Если мне удастся какая-нибудь фраза, я испытываю такое же потрясающее чувство, какое получаешь от любого удачного хода, например, в электронной игре или шахматах. Просто во время письма такие моменты возникают гораздо чаще, чем при любом другом занятии. Моя жизнь — это жизнь воображения, даже когда я просто иду по улице.

Огненные муравьи

До того как стать писателем, я работал программистом. Это было ненавистное дело и совершенно для меня бессмысленное. Не помню, чтобы я, возвращаясь домой, мечтал о работе, в которую уйду с головой, — как это происходит сейчас.

Однажды, сидя в пустом офисе в выходной день и совершенно одурев от работы — я делал большую программу для Mobil Oil, — я написал: «В жаркие липкие дни в южной Луизиане роятся огненные муравьи». Я никогда не был в Луизиане и никогда не видел огненных муравьев. Помню, я тогда подумал: «Звучит как первая строка романа. Может быть, мне сочинить что-нибудь?» Так я написал свою первую книгу.

Никто не хотел ее публиковать. Я даже не мог найти агента. В сюжете не было ни белых, ни черных женщин; речь шла о черных

мужчинах — и никто не хотел такое читать.

Я уже перестал надеяться, что кто-нибудь ее издаст. И решил просто продолжать писать, возможно, пойти на курс мастерства, чтобы поучиться этому; потом найти работу учителем. Так я писал книги около четырех лет и наконец дошел до «Дьявола в синем». Закончив этот роман, я дал его другу-писателю. Он передал рукопись своему агенту, и она сказала, что пристроит ее. Через шесть недель покупатель был найден. Издательства искали разные детективы. И черный детектив оказался уникальной находкой. По крайней мере, так решило издательство, взявшее мою книгу.

Продажа моей первой книги стала лучшим моментом за все годы работы романистом. Это было так неожиданно. Я позвонил отцу и сказал: «Я продал книгу. Они заплатили мне столько денег, сколько я зарабатываю за год». Он в это не поверил. Кстати, я тоже.

Вот как все начиналось. Книгу приняли нормально, люди начали обращать на меня внимание. И еще один потрясающий момент: теперь я мог не ходить на службу.

Стоило начать...

Я уже не мог остановиться. И не хотел останавливаться. Сейчас у меня в компьютере три-четыре романа, которые я еще не предлагал издательствам. Даже агенту не показывал, так как она мне все твердит: «Только не еще одна книга, Уолтер! У меня нет времени ее читать».

У меня был сборник из шести новелл, который я ей отослал. А она говорит: «Уолтер, я не могу это читать. У меня есть другие клиенты. У меня лежат четыре твои книги, когда мне их читать?» Я спокоен. Я так же был спокоен, когда выходили мои первые книги. Я знаю, что они хорошо сделаны. Не хочешь их публиковать, ладно. Рано или поздно кто-нибудь их издаст.

Отказ — это так эротично

Худший момент — это критика. Момент, который повторяется когда чаще, когда реже, но в жизни писателя он присутствует всегда.

Если продолжаешь писать то, что хочешь, — критикуют со всех сторон. «Мы не будем печатать твой роман; в нем слишком много

секса...» «Мы не издадим эту документалистику; ты не телеведущий. Что ты о себе возомнил?»

Критика воспринимается всегда болезненно, но тем не менее учишься получать от нее удовольствие. Ведь она тоже часть этого большого невероятного мира, и надо понимать, что в жизни не обходится без боли. В каком-то смысле эта боль даже эротична. Ты начинаешь ею наслаждаться. Тебе нравится встречаться с коллегами-писателями и, болтая с ними, пожаловаться на разгромную критическую статью или ужасный отказ, пришедший из издательства.

Однажды в Publishers Weekly вышла рецензия: парень написал, что мои герои чрезвычайно слабые. Я теперь люблю предупреждать об этом читающих меня людей. Довольно забавно. На самом деле читать такое о себе страшно. Ужасно, когда так говорят о любом авторе, даже самом молодом и неопытном. Мне-то что? Мои книги регулярно выходят, и у меня все в порядке.

Я решил именно так к этому относиться. Как боксер, который пытается уклониться от серии ударов, а если получает один, то всегда говорит: могло быть еще хуже. Я просто пытаюсь выжить.

Моя проблема

Звучит бредово, но моя самая большая проблема — капитализм. Он работает так: люди производят разную продукцию на сборочном конвейере и затем продают ее. Если твое дело — ставить переднее крыло на «Форд-Пинто», ты не имеешь никакого представления о тормозной системе. То есть у тебя не получится просто так взять и поменять вид деятельности.

То же самое с писателями. У меня есть научная фантастика, документальная проза, романы, сценарии для сериалов и фильмов — я пишу обо всем. Но многие не хотят, чтобы я писал все подряд.

С этой проблемой сталкиваются многие писатели. Чем ты успешнее, тем больше проблем в жизни. Предположим, ты заработал миллион долларов на какой-то книге, а следующая приносит лишь двести тысяч, и в этом случае не только твой издатель считает, что с этой книгой что-то не так — *ты* начинаешь так думать.

Книгоиздательское дело просто выкидывает авторов из системы. Недавно я разговаривал с одним, так он пожаловался, что не может добиться публикации и подумывает, не бросить ли ему все это. Я сказал: «Ты шутишь, да? Ты пишешь не ради публикации. Ты пишешь, чтобы писать». Для женитьбы, как известно, нужен второй человек. Для литературной работы никого и ничего не требуется — есть только ты и твои мысли.

Мои любимые писатели — Чарльз Диккенс, Марк Твен — жили во времена, когда издание книг не так зависело от продаж; когда капитализм так не влиял на судьбы. Я не продавец, я писатель.

Поэтому стараюсь не думать о практической стороне дела, но издатель не оставляет в покое: «Хочу, чтобы ты заработал много денег». Он хочет, не я.

Литературный стиль? Жанр? Это нелепо

В издательском мире среди писателей существует своя специализация. Есть так называемая популярная литература, или коммерческая, и есть литература художественная. Люди, которым нравятся коммерческие книги, говорят: «Уолтер Мосли? У него художественная литература. Нам не интересно, что он пишет». Любители художественной литературы говорят обратное: «У него популярные книжки, не наш писатель».

Эти термины нелепы. Мне все равно, каким писателем вы меня назовете. Вопрос в другом: хорошие или плохие книги я пишу? Вы вольны думать о моих книгах что угодно — я со всем соглашусь. Писать детективы, придумывать всякие хитросплетения — для этого нужен особый дар.

Из года в год меня приглашают на церемонии вручения различных литературных премий, но меня никогда не номинировали. Глупо пытаться получать деньги в сообществе, которое не в состоянии разобраться с собственной системой распознавания литературных стилей и жанров.

Есть целая когорта «художественных» писателей, думающих, что значительнее их никого нет, и ненавидящих «коммерческих» авторов. Но кого они презирают? В истории нет ни одного известного писателя,

который не был бы «популярным». Шекспир, Диккенс, Твен, Дюма, Гоголь, Достоевский — каждый крупный писатель, в каком бы жанре он ни работал, был популярным писателем. Мелвилл писал приключенческие романы, но это великие, очень глубокие книги. Вам, любящим его читать, разве не безразлично, к какому виду, стилю или жанру отнесут «Моби Дика»? Мелвилл писал романы, но он был гигантским писателем. В этом сила его прекрасных книг.

Документальная книга о нелегальных рабочих в центральной Калифорнии привлечет немногочисленное внимание тех, кого действительно волнует этот вопрос. Детектив, в котором мексиканец нелегально пересекает границу, да еще убивает своего проводника, будут читать все. Люди открывают книгу не из-за ее принадлежности к тому или иному жанру, а благодаря интересной истории, которую они собираются прочитать.

Однажды я разговаривал с одной писательницей, которая весьма гордо заявила: «Не каждый может понять мои произведения». Я сказал: «Нехорошо. Твои произведения должны быть доступны всем. Как можно больше читателей должны вынести все хорошее, заложенное в твоих текстах. Если лишь десять человек в мире способны читать твои книги, нужно ли их вообще писать?»

Нам всем нужны свои площадки, где мы могли доброжелательно и спокойно говорить о своих книгах, просто делиться мнением. Но никто этим не занимается. В конце концов, все, что мы можем сказать, например, о своем романе, мы уже в нем написали.

Загадочное сердце

Читателям больше не нужны романисты, рассказывающие, как пересечь мир на корабле или воевать на войне. В двадцать первом веке мы получаем эту информацию другими способами. Но до сих пор остается загадкой человеческая душа. Мы хотим разобраться в людях, понять их поступки, желания и чувства.

Уолтер Мосли делится профессиональным опытом с коллегами

- Терпящие неудачу в писательском труде — это люди, сдавшиеся под воздействием внешних обстоятельств или подавленные тем, что их длительное время не публикуют. В таких ситуациях нужно собрать всю силу воли и работать дальше.
 - Сочинительство — долгосрочное вложение. Если будешь продолжать усердно работать, достигнешь необходимого уровня успеха.
 - Не надейся, что первый вариант твоей первой книги приведет тебя в восторг. Когда читатель берет ее в уже изданном виде, он никогда не увидит череду черновиков, стоящую за ней.
 - Я не очень люблю Томаса Эдисона, но он сказал: «Гений — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота». Он был прав.
-

Глава 11

Рик Муди

Люди часто спрашивают меня, где я беру свои идеи. Или тогда, в 2024 году, меня спросили по одному случаю... Это было здесь, в городе, на чтениях в старомодном магазине под названием Arachnids, Inc. Аудитория состояла из пяти отважных и крепких парней; четверо из пятерых, несомненно, были погружены в свои системы управления.

«Четыре пальца смерти» (The Four Fingers of Death, 2010)

«Я усердно работал, чтобы противостоять категоризации, разрушить систематику, если она попадает на пути. Жанр — это проблема книжных продаж, но не литературы. Наличие жанра помогает людям понять, в какой секции искать, а мне как автору нет до этого дела. Я стараюсь в первую очередь уделять внимание языку, убедиться, что фразы поют, что это звучит для меня как музыка», — так говорил Рик Муди на интервью в 2002 году.

Все сказанное правда. Начиная с романа «Ледяной ветер», вышедшего в 1994 году, любая попытка систематизировать подход автора к литературе покажется непосильным трудом. Он пишет автобиографическую прозу, эссе, романы, музыкальную критику, рассказы, новеллы и комбинации всего вышеназванного. Но это не все: он певец, гитарист и клавишник в группе, которая, по его словам, исполняет «мрачную фольклорную музыку с налетом модернизма, очень древнего толка».

Уроженец Нью-Йорка, Муди вырос в пригороде Коннектикута, наложившем отпечаток на те места, в которых происходят действия многих его рассказов и романов. Он любит возвращаться к людям и местам, связанным с молодостью, и пересматривать свое отношение к ним; так, он раскритиковал программу магистрата изящных искусств Колумбийского университета, который закончил двадцать лет назад. В провокационном эссе 2005 года «Атлантический ежемесячник» он написал: «А если все, что вы делали в классе, — это задания? Что если вы весь семестр писали одно предложение? Что если у всех был шанс

быть педагогом и у всех был шанс быть студентом? Тогда, я думаю, мы чего-нибудь добились бы».

Биографические данные

Дата рождения: 18 октября 1961 года.

Родился и вырос: Нью-Йорк; вырос в пригороде Коннектикута.

Ныне живет: Бруклин; Фишер-Айленд.

Личная жизнь: Женат с 2002 года.

Семейная жизнь: дочь.

Образование: Брауновский университет; Колумбийский университет, магистратура изящных искусств.

Основная работа: Нью-Йоркский университет, курс литературного мастерства.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): стипендия фонда Гуггенхайма; премия Эдисона Меткалфа от Американской академии искусств и литературы; премия PEN/MartaAlbrand за автобиографическую прозу; премия Ага Хана от журнала Paris Review.

Интересные факты

- Дедушка Рика Муди был издателем газеты New York Daily News.
- Муди — музыкант, композитор и музыкальный критик. Он играет в группе Wingdale Community Singers и ведет музыкальную колонку для TheRumpus.net.
- Сенатор штата Аризона. В 2006 году, ссылаясь на жалобы, которые он получил на «Ледяной ветер», поддержал предложение позволить студентам отказываться от «оскорбляющих личность» заданий.

Сайт: www.rickmoodybooks.com

Избранные работы

Романы

«Страна садов», 1992

«Ледяной ветер», 1994

«Багровая Америка», 1997

«Прорицатели», 2005

«Четыре пальца смерти», 2010

Сборники рассказов и новелл

«Демонология», 2001

«Правильные средства к жизни», 2007

«Круг ярчайших ангелов вокруг небес», 1995

Мемуары

«Черная вуаль. Мемуары с отступлениями», 2002

Экранизация

«Ледяной ветер», 1997

Рик Муди

Почему я пишу

За моей спиной было уже два романа, когда учился в шестом классе, правда, я их не дописал. В каждом было страниц десять. В одном рассказывалось о ребенке, ставшем вице-президентом. У меня все еще есть маленькая тетрадь с чистыми страницами, которую я приобрел для будущих книг. Жажда писать уходит корнями в очень далекое детство.

Почему я пишу? При помощи языка я могу стать лучше, чем я бываю в реальном времени. Чтобы исправить то, на что не способен, восстановить уверенность. И — на данный момент — потому что я не знаю, что еще делать. Я пишу так же, как дышу и ем. Каждый день. По привычке.

Было бы легче, если бы я мог сказать, что, когда я пишу, случается одна или несколько предсказуемых вещей. Но правда в том, что случилось много всего за все годы, что я пишу, и все это непредсказуемо, изменчиво и неизмеряемо.

Думаю, я пишу уже тридцать три года, если считать началом моего писательского труда мой первый опыт, когда я *переработал* что-то чужое. Издаю книги около двадцати лет. Иногда писательство чем-то вдохновлено или вдохновляет; иногда оно лишено всего, кроме необходимости продолжать работать. Думаю, я имею в виду следующее: все со мной происходящее настолько разнообразно, что было бы как-то глупо пытаться дать этому одно название. Всякий раз, когда я пишу, или, точнее, когда *уже написал*, я чувствую себя просто по-человечески лучше и умиротвореннее. Это не означает, к несчастью, что литературный результат хоть сколько-нибудь хорош.

Мой ответ Оруэллу на «четыре основных мотива, заставляющих писать»^[34]

1. Чистый эгоизм. Жажда выглядеть умнее, желание, чтобы о тебе говорили, помнили после смерти, стремление превзойти тех взрослых, которые унижали тебя в детстве...

Писать из-за злобы, например, или из-за личной выгоды — это просто не сочетается с тем, что делает литературу полезной и глубокой. Моя причина преимущественно невротическая. Полагаю, я не чувствую себя комфортно, когда говорю, и писательство дает мне время и спокойствие, чтобы высказаться лучше, чего я не могу сделать устно. Страница — это такое тихое и уединенное место, где я не чувствую то давление, которое ощущаю в мире.

2. Эстетический экстаз. Восприятие красоты мира или, с другой стороны, красоты слов, их точной организации. Способность получить удовольствие от воздействия одного звука на другой, радость от крепости хорошей прозы, от ритма великолепного рассказа.

Да, это может стать причиной, чтобы писать. Я представляю себе, как стараюсь думать о прозе так же. Как думаю о музыке. Я стараюсь думать о прозе как о музыкальной форме, не просто как о коде, который мы договорились использовать, чтобы развивать сюжет. Эстетический восторг — это то, что преимущественно меня мотивирует, потому что у эстетического восторга нет особых требований к повествованию.

3. Исторический импульс. Желание видеть вещи и события такими, каковы они есть, искать правдивые факты и сохранять их для потомства.

Конечно, я надеюсь остаться интересным и для потомков, но думаю, к тому моменту буду уже мертв, а потомков с собой не возьмешь в последний путь.

4. Политическая цель. Ведь даже мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, уже является политической позицией.

Прекрасная сентенция, и я с ней согласен. Думаю, что все искусство связано с политикой, но некоторое искусство, молчащее о своей политике, немного зловеще поддерживает статус-кво. Я всегда

старался следить за политическими позициями в том, что я делаю, но не в эстетически скучной (смотри пункт 2) или слишком резкой манере. Я верю, что эти две категории — эстетическая и политическая — могут идти рука об руку. Даже если этот аргумент никогда не примут общественные реалисты или толпа тех, кто верит в искусство ради искусства.

Мой ответ Джоан Дидион^[35]

Во многом писательство — это способ выразить свое «я», заявить о себе людям, сказать им: «Слушайте меня, взгляните моими глазами, измените свою точку зрения».

Если бы это было вот так — от первого лица, вероятно, я захотел бы все бросить и сделать со своей жизнью что-то другое. Хотя «яканье» неизбежно и литературное творчество всегда начинается с личности, но в нем есть не только «я». Есть еще «ты», воплощенное в читателе. Я вижу реальный обмен с читателем, который волен приносить в работу то, что он хочет. В этом контексте писательство — не выражение себя, а *освобождение* от себя (кажется, Томас Элиот).

Мой ответ Терри Темпест Уильямс^[36]

Я пишу, чтобы взглянуть в лицо своим демонам.

Звучит интересно, но для меня — слишком метафорично и слишком преувеличенно.

Терминология

Мне никогда не нравилось слово *писатель*.

В молодости у меня был учитель, когда-то сказавший, что слово *писатель* для него не имеет никакого значения, а единственное, что ему важно, — это сама работа. И отчасти я с ним согласен. Думаю, в работе писателя есть нестабильность, недостаток уверенности — по крайней мере, для меня. Этот недостаток уверенности делает меня

более отзывчивым к миру, более открытым ему. И поэтому если я должен отказаться от слова *писатель*, чтобы достичь открытости и ранимости по отношению к миру, — то отлично. Я откажусь от этого слова. Иногда я использую его из соображений простоты, а также чтобы не сбивать с толку людей, но я никогда с ним не чувствовал себя уютно.

Первый прорыв

Моим большим прорывом была публикация первого романа — после того как мне не удавалось им никого заинтересовать в течение шестнадцати месяцев или около того. Тогда мне это показалось огромным шагом вперед.

Я всегда думал, что буду неудачником. Отчасти я продолжаю так думать. Да, возможно, я неудачник. Поэтому все просто: выход моей книги в свет делает меня очень счастливым. Вначале я особенно не задумывался, продам я или не продам много экземпляров. Такие вещи меня не волновали. И до сих пор не волнуют. Сомневаюсь, что наступит день и я захочу проверить, сколько экземпляров чего-то моего авторства было продано.

Через годы после своего *большого прорыва* я преимущественно зарабатывал на жизнь писательством, а еще преподаванием, мастер-классами и выступлениями среди студентов.

Вряд ли я смогу назвать лучший момент в своей писательской жизни, поскольку мне чрезвычайно сложно отделить творческую жизнь от простой жизни. Думаю, лучшее в моей жизни произошло в 1987 году, когда я стал отцом, хотя тогда я был на волосок от психиатрической клиники. Рождение дочери оказало благотворное влияние на дальнейший ход событий в моей жизни. Я стал лучше писать благодаря дочери. Я понял, что у меня не слишком много «своих демонов» и мне всегда любопытнее вглядываться в мир и заглядывать в глаза людям. Поэтому позволю себе не согласиться с теми, кто думает, будто для творчества необходима парочка внутренних демонов.

Тяжелые времена

Писать всегда тяжело. Как мы все знаем, с этим связано и критическое отношение к твоему творчеству.

Однако я считаю, что критика весьма плодотворно воздействует на нашу работу. Правда, сам я не могу жить в окружении критики; наверное, я для этого недостаточно сильная личность. Я стараюсь не завидовать другим писателям. Думаю, нет ничего хуже зависти — и для моего творчества, и для всего литературного сообщества. Поэтому даже не спрашивайте меня о критике.

Я не решаю собственных проблем за счет своих книг. Напротив, творческий процесс — это бегство от личного. Иногда я невольно сам создаю проблемы, если сначала пишу, а потом только думаю. Но все они решаются обычными способами: временем, разговором, желанием все уладить и так далее.

Считаю, мне полезно продолжать работать и стараться немножко верить в то, что я делаю.

Осторожно: чтение вызывает желание писать

Я люблю книги в их материальном воплощении — в качестве вещи. Мне нравится носить их с собой. Причем все равно, тяжелые они или нет. И я не люблю всякие прибамбасы на книгах.

До того как я начал писать, я с жадностью проглатывал все книги подряд. Мои родители принадлежат к породе всегда читающих людей. В моей семье книга — это культ, священный объект, и я впитал почтение к ней с младых ногтей. Я точно не знаю, сколько еще просуществует книга в ее бумажном варианте, но надеюсь, что я лично не расстанусь с ней до своей смерти.

Беспоощадность

У меня есть одна большая цель — не делать одно и то же дважды.

Процесс сочинения, неразбериха с абзацами и попытки создать действительно хорошую прозу — существенная часть моей личности, и я сужу себя очень и очень строго. Я беспощадный критик по отношению к себе и своей работе. Наверное, жить иначе — намного здоровее.

Рик Муди делится профессиональным опытом с коллегами

- Пытаться подогнать свою работу под условные коммерческие форматы в надежде на публикацию и продажу — это проигрышный план. Утратить возможность экспериментировать, поддаться давлению книгоиздателей стало бы величайшей потерей и для писателей, и для читателей.
 - Устройство романа — это всегда неожиданное открытие, это невозможно «рассчитать». Не сидите за клавиатурой и не будьте рабами плана.
 - Когда пишете роман, нужно держать все в голове. Поэтому хорошо работать в каком-нибудь тихом месте, и хорошо если сможете найти время, чтобы посвятить работе несколько дней без перерыва.
-

Глава 12

Сьюзан Орлин

Он верил, что собака бессмертна. «Рин Тин Тин будет всегда», — говорил время от времени Ли Дункан репортерам, модным журналистам, просто посетителям, соседям, домашним, друзьям. Сначала, наверное, это выглядело полным абсурдом — просто вслух высказанные желаемые мысли о существовании, скрашивавшем его одиночество и сделавшем его знаменитым на весь мир...

«Рин Тин Тин» (Rin Tin Tin, 2011)

Как быть? Куда двигаться дальше? Ведь сама Мерил Стрип сыграла тебя, журналистку Сьюзан Орлин, в «Адаптации» — фильме, снятом по твоему роману, — и даже была номинирована за эту роль на «Оскар». Сьюзан Орлин решила продолжать делать все и двигаться по жизни дальше.

Она исключительный журналист — всесторонний, пытливый и жадный до людей. Она работает штатным обозревателем и блогером в еженедельнике New Yorker с 1992 года. Пишет статьи практически обо всем на свете: цыплятах; диетах; собаках; девушках-серферах; модельерах Жане-Поле Готье и Билле Блассе; гарлемском школьнике, ставшем баскетбольной звездой; фигуристке Тоне Хардинг; таксидермии. Сотрудничает с Rolling Stone, Vogue, Esquire, Spy и множеством других изданий.

На ее сайте можно прочитать такие слова:

Я всегда мечтала быть писателем, но понятия не имела, как им стать. Как стать таким писателем, каким я хотела бы быть: кем-то, кто писал бы длинные истории об интересных вещах, а не новости о мимолетных событиях.

Истинное сокровище Америки, Орлин живет насыщенной жизнью автора, не боящегося никаких приключений. Она создала в журналистике свой собственный, совершенно неповторимый стиль, который, если она была бы существом другого пола, можно было бы отнести к гонзо-журналистике^[37], или, если жила бы в другое

время, — к «новой журналистике»^[38]. Назовем направление Сьюзан Орлин, которое она утверждает своим творчеством, «Сью-журналистика».

Биографические данные

Дата рождения: 31 октября 1955 года.

Родилась и выросла: Кливленд (Огайо).

Ныне живет: округ Колумбия; Нью-Йорк.

Личная жизнь: Джон Гиллспай, финансовый директор, в прошлом редактор Harvard Lampoon; вместе с 2001 года.

Семейная жизнь: сын Остин.

Образование: Мичиганский университет (Энн-Арбор).

Основная работа: New Yorker, штатный обозреватель с 1992 года.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): редактор лучших американских эссе (2005) и лучший американский писатель в области путешествий (2007); стипендия Фонда Нимана в Гарвардском университете (2003); степень почетного доктора гуманитарных наук в Мичиганском университете (2012).

Интересные факты

- Фильм «Адаптация» снят по сюжету книги Орлин «Похититель орхидей»; главную героиню, журналистку Сьюзан Орлин, играла Мерил Стрип.
- Дом Орлин стоит в Гудзонской долине, в нем — кроме нее самой, ее мужа и сына — живут девять цыплят, три утки, четыре гвинейские цесарки, четыре индюка и десять коров породы черный ангус.
- Статью о девушках-серферах Орлин написала для журнала Women's Outside в 1998 году, а в 2002 году по этому сюжету сняли фильм «Голубая волна» с Кейт Босуорт в главной роли.

Сайт: www.susanorlean.com

Facebook: www.facebook.com/susan.orlean

Twitter: [@susanorlean](https://twitter.com/susanorlean)

Избранные работы

Документальная проза

«Красные носки и синяя рыба», 1987

«Субботняя ночь», 1990

«Похититель орхидей», 1998

«Тореодор поправляет макияж», 2001

«Мое место», 2004

«Рин Тин Тин. Жизнь и легенда», 2011

Электронная книга (Kindle Single)

«Животноподобный», 2011

Экранизации

«Адаптация», 2002

«Голубая волна», 2002

Статьи

Их слишком много, чтобы перечислять, см.: www.susanorlean.com/articles

Сьюзан Орлин

Почему я пишу

Сочинительство — это единственное, чем я когда-либо занималась. Я не думаю об этом как о профессии. Это я.

Я пишу, потому что я люблю узнавать мир. Люблю рассказывать истории, мне нравится непосредственный опыт создания фраз. С пяти-шести лет — думаю, самый ранний возраст для человека, занимающегося какой-то работой, — я писала все, что могла придумать. Я влюбилась в саму идею историй — и с точки зрения их рассказывания, и с точки зрения их слушания. Я была зачарована. Единственная проблема возникла, когда пришло время заканчивать колледж, — я впервые задумалась, как сделать занятие, которое я люблю, своей работой.

Мои родители хотели, чтобы я пошла в юридическую школу. Я нехотя, но согласилась, выторговав себе условие: год перерыва после окончания колледжа. За тот год я совершенно неожиданно умудрилась устроиться на работу в редакцию маленького журнала в Портленде. На собеседование я шла без портфолио, без опыта, но охваченная огромной страстью. Фактически я им заявила: «Вы просто должны меня взять. Это единственное, чем я хочу заниматься. Только этим». И я стала пишущим редактором. Честно говоря, нанять меня было для них правильным решением, потому что само желание стать писателем является условием того, что делает тебя писателем. Нужно очень сильно этого хотеть, чувствовать, что именно этим должен заниматься. Так что это было для меня. С момента, как я получила работу, писательство настолько мне подошло — абсолютно и полностью, — как ничего ранее не подходило. У меня не было никакой подготовки. Училась в процессе работы и у профессиональных сильных

редакторов. Надеюсь, мое искреннее желание компенсировало полное отсутствие знаний и опыта.

Помня о своем обещании, год спустя я было собралась навесить на себя юридические вериги. Но все-таки решила оповестить родителей, что не хочу ни учиться на юридическом, ни в дальнейшем быть адвокатом. Мой отец очень злился на меня. Думаю, его беспокоила прежде всего мысль, что рискованно так зарабатывать себе на жизнь. Даже после выхода моей первой книги он все еще надеялся уговорить меня пойти в юридическую школу в качестве запасного плана. Я сказала: «Пап, мне не нужен запасной вариант». Если у меня был бы такой план Б, скорее всего, я не выдержала бы и не справилась бы.

Многие из моих друзей, мечтавших стать писателями, в результате пошли в юриспруденцию, рекламу или пиар. Они все еще лелеяли свою мечту, но не могли отказаться от хороших мест. К счастью, у меня никогда не было хорошей работы, чтобы бояться ее бросать.

Вся работа — театр

Когда дело касается нехудожественной литературы, важно замечать существенное различие между двумя этапами работы. Этап первый — сбор информации; второй — непосредственный процесс писания текста.

Условия сбора материала напоминают атмосферу первых недель в новой школе, когда ребенок пытается приспособиться к незнакомой обстановке. Ты ведешь себя как детектив, пытаешься понять окружающих людей и анализировать социальную среду, о которой пишешь. В эмоциональном плане ты оказываешься в таком месте, которого все боятся. Ты аутсайдер. Нельзя поддаваться естественному побуждению убежать от неудобных ситуаций и незнакомых людей. Обратного пути к привычному и родному уже нет.

Обстановка, когда ты пишешь текст, прямо противоположная. Это очень личное время. Энергия работы настолько сильная и сокровенная, что иногда чувствуешь какой-то внутренний спазм. Многие процессы протекают подспудно. Когда человек работает за своим столом, со стороны кажется, будто он просто сидит и ничего не делает.

Процесс писания приносит мне удовольствие. Когда создаешь фразу, звучащую именно так, как ты ее задумал, приходит изумительное чувство могущества. Это напоминает попытки создать песню, когда понемногу подгоняешь строчки, читая их вслух, меняешь какие-то нюансы, чтобы она звучала определенным образом. Очень физиологическое чувство. Обычно я становлюсь нервной. Раскачиваюсь в рабочем кресле, стучу пальцами по клавиатуре, проверяю электронную почту. Иногда это похоже на рытье земли, иногда на парение. Когда все идет хорошо и ритм уже найден — наступает настоящее волшебство.

Где я пишу

Мне не нужно идеально тихое место. Совсем не нужно множество вычурных специальных приспособлений. Но необходимо, чтобы материал, нужный для работы, лежал в пределах досягаемости, и еще нужна абсолютная уверенность, что меня не отвлекут ни на минуту.

Это значит, что мне тяжело писать, когда сын Остин находится дома. Я могу разговаривать в любой ситуации, но только не когда пишу. Раньше Остин спрашивал разрешения: может ли он просто посидеть в моей студии, обещая не шуметь. Меня это нервировало: «Ни за что на свете не смогу писать, пока это маленькое создание рядом. Никогда он не будет вести себя тихо».

После рождения Остина наличие своего рабочего пространства выросло в целую проблему, поэтому я построила маленькую студию. Она лишь в сорока шести метрах от дома, но там есть дверь, которую я могу закрыть. Мне настолько же нужно личное пространство, как и Вирджинии Вулф, — не мое старое пространство, которое ограничивалось обеденным столом. Мне не требуется, чтобы оно выглядело каким-то особым образом; мне просто нужно чувствовать, что оно *мое*. Хочу размещать предметы, как мне надо, без необходимости чьего-либо одобрения. Мне нужна возможность раскладывать записи определенным образом перед уходом ночью и знать, что они в таком же порядке будут лежать, когда я вернусь утром.

Мне повезло

Я не проходила путь многих авторов, у кого первой работой после колледжа была работа на писателя или редактора в качестве помощника и секретаря. В редакции журнала, куда я попала после учебы, я занялась настоящей писательской работой. Мой редактор сказала мне, что надо придумывать идеи, из которых получаются хорошие истории. Я придумывала и писала эти истории. Когда журнал закрылся, я недолго работала на радиостанции, занимаясь всякой всячиной, а потом нашла другую писательскую работу в газете Willamette Week.

Мой первый большой прорыв произошел в 1979-м или 1980 году, когда мне было двадцать с чем-то. Старший редактор Rolling Stone, выросший в Портленде, увидел мои статьи в Willamette Week. Он позвонил мне и сказал: «Ты должна писать для Rolling Stone». Я чуть не упала. Это открывало все двери. Я начала сотрудничать с Rolling Stone, потом — с Village Voice, а позже стала искать возможность работать как независимый репортер на другие национальные издания.

Поражаюсь, как в столь юном возрасте я смогла проявить взрослую прозорливость и проложить себе путь в писательский мир. Портленд не был заповедником писателей, но в этом городе случались разные интересные события. Поэтому я связалась с известными журналами и предложила себя в качестве местного репортера: «Я здесь живу, знаю многих людей и все, что с ними происходит. Позвольте мне присылать вам свои сюжеты». Например, Бхагван Шри Раджниш, духовный лидер, купил огромное ранчо в Орегоне и основал там общину своих последователей. Он был весьма противоречивой личностью, умудрявшейся одновременно владеть конюшней, где стояли сорок восемь «роллс-ройсов», и проповедовать антиматериализм. И все же многие умные и образованные люди пришли к нему в общину. Это была потрясающая ситуация, поэтому я связалась с Village Voice и буквально навязала им себя. Нью-йоркскому еженедельнику терять было нечего, так как им не пришлось оплачивать мою поездку в Орегон, поэтому они разрешили приступить. В результате моя работа стала статьей, иллюстрация к которой была размещена на обложке Village Voice. По счастливой случайности на той неделе они впервые

использовали цветную обложку; благодаря этому моя статья привлекла дополнительное внимание. Это был далеко не единственный случай, когда я поняла, что удача на моей стороне.

После статьи об общине духовного лидера на меня посыпались предложения от самых разных изданий, и я начала писать для *Mademoiselle*, *Vogue* и *GQ*. Я была новым молодым автором, не живущим в Нью-Йорке, поэтому многим редакторам я предлагала чудесное чувство открытия нового писателя. Я переехала из Портленда в Бостон. И страстно мечтала о Нью-Йорке; переехала я туда в 1986 году.

А потом мне повезло еще больше

Странно, но правда: лучшее время, которое у меня было как у писателя, — это когда я писала для *New Yorker*. Еще помню пару недель путешествия с черной группой, исполняющей церковную музыку. Я писала статью об их маленьком мире.

Был момент, когда я вдруг увидела себя со стороны. Мы с группой заехали в какой-то крошечный городок в Джорджии и ужинали в местном кафе. Я не могла перестать поражаться, думая: «Это мое дело. Я в Джорджии с черной церковной группой и разговариваю с людьми, которых никогда в жизни не встретила бы, если это не было бы моей работой».

Я чувствовала восторг от того, что оказалась в альтернативной вселенной. Пойди моя жизнь другим путем, я, может быть, ужинала бы в загородном клубе на окраине Среднего Запада, — но это не так. Я здесь и сейчас. У меня много раз бывало такое чувство, и оно всегда оказывалось очень мощным.

А потом стало тяжело

Самое тяжелое из всего, что мне пришлось пережить за свою карьеру, — затянувшаяся работа над «Рин Тин Тин»; рождение малыша; противостояние издателю, который спрашивал, где же книга; просто подавленность.

Честно говоря, я не уверена, что многие мужчины испытывали подобное: *я просто не могла делать все*. Я не знаю, как быть

писателем и иметь желание завести ребенка. Это стало тяжелейшим и худшим моментом в моей писательской жизни. Забавно, потому что я хотела бы сказать, что моим тяжелейшим временем была борьба с фразами. Но я думаю, эта ситуация извлекла из меня лучшее.

Я получила контракт на «Рин Тин Тин» в январе 2004 года и той весной забеременела. Это было смелым поступком, поскольку книга требовала от меня отдачи всех сил. Мне нравилась идея, но я не знала, как ее воплотить. Это была книга, которой пришлось силой придавать форму. Затем родился Остин, и я поняла, что невозможно с младенцем на руках заниматься подготовкой материала и сбором информации. Время остановилось. Но сроки шли.

Сначала я попросила на книгу два года — срок смешной. Я сказала, что смогу сделать ее быстро, потому что очень хотелось понравиться издателю. Издательство платило мне очень приличные деньги, и мне нужно было убедить их, что они не зря это делают и довольно быстро окупят свои. Они чуть их не потеряли. Я должна была сказать: «Дайте мне лет восемь, потому что я не имею ни малейшего представления, сколько у меня это займет».

Издательство — это твой дружелюбный враг. Вы притворяетесь, что вы в одной команде, но это не так во многих смыслах. Вы не хотите, чтобы они увидели даже малейшую тень слабости, потому что они не должны сомневаться в проекте и в своей вере в вас. Поэтому вместо того, чтобы сказать: «Понятия не имею, как сделать эту книгу, дайте мне больше времени», вы говорите: «Элементарно, я это во сне могу сделать». Я хотела, чтобы они думали, будто я самый бесппроблемный автор на земле и все для них будет легко, прибыльно и сказочно.

Я не могу винить издателей; это просто часть моей личности. Я хочу доставлять людям удовольствие. Такое чувство, что всегда должна быть хорошей девочкой. Я не развила в себе способность говорить: «Вы должны озолотить меня, а я за это буду такой стервой, что вам и не снилось».

Я неоднократно просила продлить сроки, потому что идея «Рин Тин Тина» оказалась намного сложнее и книгу было тяжело писать, поскольку я не могла ездить по разным местам, чтобы собрать нужную

информацию. И я не видела необходимости посвящать в свои проблемы издателя, чтобы не выглядеть уязвимой.

Мне дважды продлевали сроки, каждый раз на год, потому что я боялась просить больше, намного больше, что мне и было нужно. Поэтому я опоздала раз, а потом еще раз.

В каком-то смысле это было лучшее, что когда-либо случилось со мной. Когда я попросила еще раз продлить срок, издатель отказал, и стало понятно, что они больше не хотели вкладывать деньги в мою книгу. Я разорвала контракт и пошла к другому издателю, который принял книгу и понял, что мне нужно было больше времени. Я потеряла часть аванса, но отнеслась к этому философски. Авансы — это просто авансы. Это не выплаты. И не награды.

Писательство — это и труд, и искусство

Меня корбит называть себя деятелем искусства. Даже если это так.

В каком-то роде я создаю искусство. В то же время я очень практична. И не отношусь к себе как к нежному растению. Писательство — это *тяжелый труд*, но сей факт не умаляет того, что писательство еще и искусство.

Когда я была в начале писательского пути, я думала: «Мне по-настоящему важно писать очень много, пусть из последних сил. Если придется писать для журналов мод, я буду писать, пусть даже это не то, о чем я мечтала когда-то. Я все равно сделаю это хорошей работой. У меня были друзья, которые говорили: «Как ты можешь писать для женских журналов?» Я думала: «Как мило с твоей стороны быть таким избирательным. В любом случае я напишу отличную работу, вне зависимости от того, где ее опубликуют».

Я думаю, что содержание важнее контекста. И я поняла: оттого что я писала хорошо, я смогла выбирать, где публиковаться. Я могу написать действительно хорошую вещь для Vogue, или Mademoiselle, или любого другого журнала, и я уверенно говорю, что дело не в упаковке. Моя гордость — сама история. Это весьма практичный подход, и я рада, что продолжаю его придерживаться. Он мне сослужил добрую службу. Это мое отношение и к жизни.

Сьюзан Орлин делится профессиональным опытом с коллегами

- Нужно просто любить писать и напоминать себе почаще, что любишь это.
 - Следует как можно больше читать. Это лучший способ научиться писать.
 - Нужно ценить возможность делать такое удивительное дело, как создавать тексты. Нужно быть практичным и умным, следует найти хорошего агента и работать очень усердно. Но еще стоит быть наполненным трепетом и благодарностью к этому потрясающему способу существования в мире.
 - Не стесняйтесь пользоваться словарем. Я могу весь день провести за чтением «Тезауруса Роже»! Замечательный момент в жизни, когда спешишь писать и нужное слово необходимо найти немедленно.
-

Глава 13

Джоди Пиколт

Однажды в субботу, солнечным прохладным сентябрьским днем, когда мне было семь, я увидела, как мой папа свалился замертво. Я играла со своей любимой куклой на каменном заборчике вдоль подъездной дорожки к нашему дому, а папа стриг лужайку. Вот только он стриг лужайку — и в следующее мгновение уже лежит, уткнувшись лицом в землю, а газонокосилка продолжает неспешно спускаться по пригорку на нашем заднем дворе.

«Особые отношения»^[39] (*Sing You Home*, 2011)

За последние двадцать лет Джоди Пиколт опубликовала двадцать романов, последние шесть имели бешеный успех. По четырем книгам компанией Lifetime были сняты телевизионные фильмы, по одной сняли художественный фильм. Джоди Пиколт — завсегдатай списка бестселлеров *New York Times*, по всему миру продано более четырнадцати миллионов экземпляров ее книг.

Романы Пиколт сразу нашли своего читателя — о таком мечтает каждый издатель и каждый автор. Ее книги связали самые актуальные социальные проблемы нашего времени — от стрельбы в школе до донорства органов и аутизма — с глубочайшими, наиболее универсальными эмоциональными дилеммами.

С публикацией «Особых отношений» в 2011 году Джоди Пиколт приподняла писательскую завесу и стала страстным защитником прав сексуальных меньшинств — проблемы, лежащей в основе романа и в основе ее семьи, в которую входит ее сын-гей. Пиколт активно пользуется «Твиттером», в профиле помещена ее фотография, где она изображена с серебряной липкой лентой на рту, надписью «Нет ненависти» на щеке и пальцами, сложенными сердечком.

Биографические данные

Дата рождения: 19 мая 1966 года.

Родилась и выросла: Лонг-Айленд, Нью-Йорк; Нью-Гэмпшир.

Ныне живет: Гановер (Нью-Гэмпшир).

Личная жизнь: Тим Ван Лир.

Семейная жизнь: трое детей (Саманта, Кайл и Джейк).

Образование: Принстонский университет (1987); Гарвардский университет, степень магистра по педагогике; Университет Нью-Хейвена, степень почетного доктора; Дартмутский университет, степень почетного доктора.

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): New England Book Award в области художественной литературы; Alex Award; Бриллиантовая награда BookBrowse; премия за жизненные достижения от Ассоциации писателей-романистов Америки; Fun Fearless Fiction Award журнала Cosmo; Green Mountain Book Award; премия «Выбор читателей Вирджинии».

Интересные факты

- Первый рассказ Пиколт «Лобстер, который все понял неправильно» был написан ею в пятилетнем возрасте; естественно, не опубликован.
- Хотя Джоди Пиколт известна как один из самых продаваемых авторов Америки, только десятая ее книга впервые попала в список бестселлеров.
- Пиколт писала с 28 марта до 27 июня 2007 года серию комиксов про женщину для DC Comics.

Сайт: www.jodipicoult.com

Facebook: www.facebook.com/jodipicoult

Twitter: [@jodipicoult](https://twitter.com/jodipicoult)

Избранные работы

Романы^[40]

«Дорога перемен», 1992

«Забрать любовь», 1994

«Идеальная жизнь», 1995

«Милосердие», 1996

«Обещание», 1998

«Фейт значит Вера», 1999

«Святая правда», 2000

«Жестокие игры», 2001

«Роковое совпадение», 2002

«Взглянуть второй раз», 2003

«Ангел для сестры», 2004

«Похищение», 2005

«Десятый круг», 2006

«Девятнадцать минут», 2007

«Чужое сердце», 2008

«Хрупкая душа», 2009

«Последнее правило», 2010

«Особые отношения», 2011

Экранизации

«Клятва», 2002 (ТВ)

«Чистая правда», 2004 (ТВ)

«Десятый круг», 2008 (ТВ)
«Мой ангел-хранитель», 2009 (ТВ)
«Жестокие игры», 2011

Джоди Пиколт

Почему я пишу

Я пишу, потому что не могу *не писать*. Спросите моего мужа. Если у меня в голове вертится идея и я не могу сразу сесть за стол, чтобы начать писать, она отравляет мое существование до такой степени, что даже не могу поддерживать простую беседу в дружеской компании.

Когда я активно пишу и нахожусь в гуще событий, которые описываю в своей книге, я забываю обо всем на свете, сидя в своем кабинете в мансарде. Я не могу спуститься к ужину, пока не закончу начатый эпизод; очень часто одна сцена растягивается на две или три.

Помимо страстного желания писать, которое только усиливается, если у меня нет возможности этим заниматься, я пишу, потому что это способ найти ответы на ситуации, которые я не понимаю.

Процесс написания книги дает мне тот же опыт, что и чтение — читателям, по крайней мере я надеюсь на это. Он заставляет меня, разобравшись во многих мнениях, приходиться к однозначному выводу. Иногда я могу пересмотреть свою точку зрения, но чаще всего моя работа дает мне четкое понимание собственной правоты.

На велосипеде вниз с холма

Ощущения, которые я испытываю во время работы, меняются ежедневно и даже ежечасно.

Иногда это похоже на езду на велосипеде вниз с холма, с развевающимися волосами ветром и поднятыми вверх руками. Но бывают моменты, когда процесс сочинения воспринимается как медленное передвижение по вязкой сплошной грязи, покрывавшей дороги после урагана «Айрин».

Я всегда рассматривала сочинительство как работу, которую я очень люблю делать; это чувство заставляет меня садиться в рабочее кресло даже тогда, когда у меня нет особой причины.

Иногда это волшебно. Кажется, что герои дышат и живут самостоятельною. Я отчетливо слышу их голоса в голове. Вот почему я всегда называю писательство «успешной шизофренией»: мне платят за то, чтобы я слышала эти голоса. Но в определенный момент в любой книге происходит *что-то*, чего я не планировала, и это как раз тот кусок головоломки, которого не хватает в истории, — элемент, который связывает воедино все нити сюжета.

Кажется, мои герои сами выбирают свой путь. У них есть намерения, о которых я не могу знать до тех пор, пока разговор или сюжет не начнет прокладывать тропинку на печатной странице. И хотя я знаю конец своих книг еще до того, как напишу первое слово, я часто обнаруживаю на середине пути, пока добираюсь из пункта А в пункт Я, множество приятных сюрпризов.

Меня часто спрашивают, плачу ли я, когда пишу. Конечно, плачу! Есть сцены, особенно между матерями и детьми, когда я рыдаю на клавиатуре. Я знаю персонажей лучше, чем любого реального человека в своей жизни, и все потому, что я вкладываю в них огромную часть своей души.

Когда я пишу, то физически ощущаю свои годы. Я пишу уже на протяжении двадцати лет, и, как у каждого писателя, у меня воспаление тканей сухожилий. День хорошей работы означает очень тяжелый день для моей руки или плеча. Я напоминаю себе, что это очень болезненная проблема.

Помните меня?

Я окончила Принстон со степенью по литературному творчеству и английскому языку. Многие из моих одноклассников, как и я сама, получили пробные письма от литературных агентов из больших агентств: William Morris, CAA. Я послала всем свою дипломную работу — роман, о котором я точно знаю, что ни одна живая душа его не прочитает, — и никого не заинтересовала.

Поскольку я никогда в жизни не встречала человека, который на самом деле стал бы хорошим писателем, у меня был запасной план. Когда я окончила Принстон, у меня была работа на Уолл-стрит, я писала проспекты с предложениями о покупке облигаций для S&P и

Moody's. Я ее *ненавидела*. Ненавидела! Я работала девяносто часов в неделю, и в один прекрасный момент поняла, что написала более тысячи страниц о компании, изготавливающей автомобили Fiat.

Когда в октябре 1987 года рухнула фондовая биржа, я была счастлива, поскольку знала, что меня уволят, и меня уволили. На выходное пособие я купила машину и переехала в Массачусетс, где жил мой парень; там я нашла работу редактора учебников.

Каждый день я приходила на работу к десяти утра, плотно закрывала дверь в своем кабинете, изображая бурную деятельность. Однако я писала свой второй роман. На протяжении следующих двух лет я работала редактором учебников, учителем художественного творчества в частной школе и рекламным копирайтером. Я получила степень магистра по педагогике в Гарварде. Преподавала английский язык в восьмом классе средней школы, потом вышла замуж и забеременела.

В течение этого времени я продолжала предлагать свой роман агентам, выбирая их имена в списках Literary Marketplace. Все отвечали отказом, некоторые делали это весьма красноречиво. Наконец, одна женщина согласилась. Она только открыла свое собственное агентство и никогда никого не представляла, но решила, что может представлять меня. Я согласилась, и она продала мою первую книгу за три месяца. Это было двадцать лет назад, и она до сих пор мой агент.

После того как мои книги стали попадать в список New York Times, мне позвонил очень важный литературный агент из Нью-Йорка. Она хотела поговорить со мной о дальнейшем сотрудничестве, для этого я должна была прилететь в Нью-Йорк. Я вежливо отказалась, сказав, что не намерена уходить от своего агента. Эта большая шишка, конечно, не помнила, что была первым агентом, ответившим мне отказом.

Хотя к двадцати трем годам мои работы публиковали, я и близко не зарабатывала хороших денег, чтобы обеспечивать себя, не говоря уже о моей семье. Число моих читателей росло, но делало это очень медленно. Я не за ночь стала знаменитым писателем — совсем нет. Я стала кормильцем в семье только в 2004 году, когда версия «Ангела для сестры» в обложке была продана тиражом, достаточным, чтобы люди начали узнавать мое имя.

Время Home Depot^[41]

Я пережила тяжелое время, когда осознала, что почти достигла своей цели. Я опубликовала несколько книг, но все еще не добилась окончательного успеха.

Многие писатели считают, что контракт с издательством сродни святому Граалю, но это не так. Наивно думать, что издательство, когда книга выйдет из печати, возьмет на себя рекламную кампанию. Если вы новый автор, наиболее вероятно, что оно не будет этого делать. Придется самому прикладывать усилия: искать книжные клубы, с которыми можно договориться; ходить на книжные ярмарки; устраивать встречи с читателями и раздачей автографов в книжных магазинах и библиотеках — делать все, чтобы о вас говорили. Более вероятно, что издательство обратит внимание на вашу книгу лишь в том случае, если она словно по волшебству начнет продаваться. Может быть, тогда они вложат в рекламу деньги. Это порочный круг.

Вот почему я была в унынии. У меня уже было трое маленьких детей и несколько изданных книг, но я все еще думала над тем, чтобы получить работу в Home Depot, чтобы содержать семью.

Контракт на фильм не всегда соответствует обещанному

Другим временем, полным нервного напряжения, стал период съемок фильма, основанного на моей книге «Ангел для сестры».

Я объяснила кинокомпанию, насколько важным был конец книги. Я получала письма от читателей, в которых они говорили, что из-за концовки они настойчиво рекомендовали эту книгу друзьям со словами: «Просто прочитай, чтобы мы могли обсудить». Кинокомпания попросила меня поговорить с режиссером, которого они планировали нанять, до того, как он подпишет контракт. Я объяснила ему причину своего беспокойства. Он сказал: «Да, это подходящий конец истории. Я не буду его менять, но, если по какой-либо причине мне придется это сделать, я вам объясню, почему, и скажу это сам».

В течение двух лет я помогала ему написать очень близкий к книге сценарий. Затем однажды я получила электронное письмо от моей

поклонницы, которая работала в агентстве по подбору актеров. Она сказала, что листала сценарий и обнаружила, будто концовку изменили, и поинтересовалась, знала ли я об этом.

Вплоть до сегодняшнего дня режиссер так и не объяснил, почему он изменил конец истории, но из-за того, что он это сделал, фильм не так силен, как книга. Несомненно, те, кто его посмотрели, согласились со мной; фильм не добился кассового успеха.

Положительная сторона заключается в том, что я теперь требую в договоре с киношниками отдельной строчки, в которой было бы прописано, что мне предоставлен творческий контроль над сценарием. Этот негативный опыт убедил меня и доказал всем задействованным в кинопроцессе, что я знаю, о чем говорю.

Первый номер не обойдешь

Еще один замечательный момент в писательской работе, когда ты видишь своими глазами, что твоя книга возглавляет список бестселлеров *New York Times*. Со мной это происходило несколько раз, и это чувство никогда не устаревает. Каждый раз мне хочется ущипнуть себя со словами: «Ты только посмотри, чего я добилась». Когда я занимаю первое место, то знаю, что не только мама с друзьями покупают книгу. Я помню ту минуту, когда мой редактор позвонила и сообщила хорошие новости. Я писала бы книги и без этого, даже если никто никогда не покупал бы их, но так приятно знать, что люди меня читают.

Другой потрясающий момент — когда я организовывала вечер в доме Маргарет Митчелл в Атланте. «Унесенные ветром» — книга, благодаря которой я захотела стать писателем. Сидя столом, за которым она была написана, я испытывала настоящий трепет.

Сюрприз!

Я знаю, что многие писатели слушают музыку, когда пишут, но я не могу. Музыка — криптонит^[42] для моей работы.

Возможно, вы также удивитесь, что я лично отвечаю на каждое письмо. У меня нет секретаря, а я получаю более двухсот писем в день.

Джоди Пиколт делится профессиональным опытом с коллегами

- Ходите на курсы для писателей. Там вы поймете, что такое взаимодействие, и научитесь писать на заказ.
 - Нет волшебного приспособления, которое принесет вам успех. Если вы пишете потому, что хотите быть богатым, вы не туда попали. Пишите потому, что не можете не писать, или не пишите вообще.
 - Пишите даже тогда, когда вам не хочется. Муза тут ни при чем, ее вообще не существует. Это усердная работа. Всегда можно отредактировать плохую страницу, но нельзя отредактировать пустой лист.
 - Читайте. Это даст вам вдохновение писать так же хорошо, как авторам, работавшим до вас.
-

Глава 14

Энн Пэтчетт

Новость о смерти Андерса Экмана пришла радиогаммой, на кусочке ярко-голубой авиапочтовой бумаги, которая служила одновременно и почтовой бумагой, и, сложенная и заклеенная по краям, конвертом. Кто бы знал, что они все еще такое делали? Эта бумага — такая тонкая, что, кажется, только печать удерживает ее в этом мире, — прибыла из Бразилии в Миннесоту, чтобы отметить уход человека...

«Переживание чуда» (*State of Wonder*, 2011)

Пропускает ли она серебряные нити между оперной звездой, бизнесменом, группировкой террористов; достает ли волшебника из глубочайшего чулана или проливает свет на расу, класс и семью, — Энн Пэтчетт всегда остается великолепным мастером страницы. В ее романах и обжигающе искренних мемуарах всегда присутствует чистота поэзии и кипение страсти. Пэтчетт умудрилась привнести это даже в свою речь, произнесенную в день вручения дипломов в альма-матер, колледже имени Сары Лоуренс, — речь, привлекающую к себе много внимания; речь, из которой выросла книга «Что теперь?»

«“Что теперь?” отражает саму энергию жизни — наше волнение и наше будущее», — написала она в книге, чье название отражает саму суть Энн Пэтчетт, человека и автора бестселлеров.

Биографические данные

Дата рождения: 2 декабря 1963 года.

Родилась и выросла: Лос-Анджелес; выросла в Нэшвилле (Теннесси).

Ныне живет: Нэшвилл.

Личная жизнь: Карл Вандевендер, доктор.

Образование: колледж имени Сары Лоуренс; Мастерская писателей Айовы.

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): премия имени Джанет Хайдингера Кафки; премия PEN/Faulkner; Orangeprize; премия Book Sense Book of the Year; финалист премии Национального объединения литературных критиков.

Интересные факты

- В ноябре 2011 года, вслед за закрытием двух книжных магазинов Нэшвилла, Энн Пэтчетт и ее деловой партнер Карен Хейс открыли магазин Parnassus Books.
- Родители Пэтчетт развелись, когда ей было шесть лет, мать переехала с ней и сестрой из Лос-Анджелеса в Нэшвилл. Пэтчетт приписывает начало писательской карьеры необходимости писать письма обожаемому отцу.
- Пэтчетт, будучи закоренелым домоседом, однажды написала: «Дом — это прочное окно, которое открывается в воображение».
- Лучшая подруга Пэтчетт — Элизабет Гилберт. Автор книги «Есть, молиться, любить».

Сайт: www.annpatchett.com

Избранные работы

Романы^[43]

- «Тафт», 1994
- «Святой покровитель лжецов», 1992
- «Заложники», 2001
- «Ассистент волшебника», 1997
- «Беги», 2007
- «Переживание чуда», 2011

Автобиографическая проза

- «Правда и красота», 2004
- «Что теперь?», 2008

Энн Пэтчетт

Почему я пишу

Я пишу, потому что, клянусь, я больше ничего не умею делать.

С момента, как осознала себя, будучи еще совсем маленькой, я знала, что писательство станет моей жизнью. Я никогда не сомневалась. Благодаря тому что я приняла это решение в очень юном возрасте, моя жизнь была налажена. Я сложила все яйца в одну корзинку, и получилось очень много яиц.

Я не люблю оглядываться. Эта черта — значительная составляющая моей психологии. Не потому, что я скрываю душевную травму. Я и вперед особенно не заглядываю. Я сконцентрирована на настоящей минуте. Но сочинительство придает моей жизни повествовательную структуру: «О боже, я сделала это, и потом я сделала это... Не стоило мне этого делать, но потом я сделала это».

Знаете, есть избитая фраза: «Ненавижу писать, но люблю, когда работа написана»? Она весьма хорошо все обобщает. То, как я отношусь к писательству, целиком зависит от того, над чем я работаю. Сейчас я пишу эссе о браке. Это мучительно. Я чувствую себя так, будто сижу на асфальте, на черной как смоль дороге между штатами, печатаю, как сумасшедшая, а на меня в это время летят огромные грузовики. Каждую минуту меня вот-вот раздавят.

Художественная литература отличается от этого, поскольку в художественных произведениях просто пытаешься понять, что произошло. Я всегда чувствую, что прищуриваюсь, изо всех сил стараюсь рассмотреть что-то в метель.

Что если бы я не писала? Что стало бы со мной? Я читала бы все книги, что лежат по всему моему кабинету, — вот что стало бы! Вчера вечером я сказала мужу: «Я правда просто хочу месяц отдыха и читать».

Я люблю писать. Я считаю это даром и удовольствием. Но если что-то случится и я никогда не смогу писать, все будет в порядке. Это будет менее интересная жизнь — с меньшим количеством измерений, — но она не будет несчастливой. Я одарена очень хорошей нейрохимией. У меня в жизни были тяжелые времена, но у меня никогда не было депрессии.

По-луддитски

Можете в это поверить? Я все еще использую текстовый редактор WordPerfect. Почему? Точно не потому, что суеверна. Я страстно возражаю против суеверий, талисманов, ритуалов, шаблонов. Писателям так легко стать фриками.

Тексты, какие у меня есть, сделаны в WordPerfect, и я даже подумать не могу, чтобы все перевести в другой редактор. Это надо было делать пятнадцать остановок назад. Я только обзавелась iPad. Я еще не научилась им пользоваться, но первое, что я сделала, — это скачала приложение WordPerfect.

Не отчаянная домохозяйка

Думаю, моих читателей удивит, что я домохозяйка из Нэшвилла и у меня на самом деле очень скучная жизнь. Люди представляют, будто я веду бурную светскую жизнь. Но я люблю быть дома столько, сколько могу. И когда я дома, я стираю и навожу порядок. Это мечта любого мужчины иметь такую жену: самостоятельно зарабатывает деньги, каждый вечер готовит вкусный ужин, в доме чисто. Я глажу все носовые платки. Мне невероятно повезло, что у меня счастливый брак.

Меня спрашивают: «Если бы ты могла отправиться в любое место, куда бы захотела поехать?» И я говорю: «Домой». Сейчас, когда я стала старше, я не езжу в колонии художников, чтобы писать. Я хочу работать только дома. Даже думать не хочу, что где-то работается лучше. Больше всего люблю работать дома.

Художественная и нехудожественная литература

Год я была редактором в Bridal Guide, а потом, когда мне исполнилось двадцать два, стала независимым обозревателем. С тех пор у меня была очень хорошо налаженная работа журнального писателя и эссеиста. Я знаю, что такое писать за деньги и писать для аудитории. Я очень люблю писать эссе, но сейчас делаю это намного реже, поскольку сейчас меньше журналов. Я наслаждаюсь этим, но никогда не сяду и не напишу эссе до тех пор, пока меня кто-нибудь не попросит.

Я рано поняла, что могу зарабатывать столько же денег, если буду писать для журналов, сколько я могла заработать преподаванием, но писать для журналов намного легче. Я автор художественных произведений. Хочу ли я тратить три месяца на статью про глобальное потепление для журнала Nation за семьсот долларов или предпочту писать про туфли для Vogue — и на эту работу уйдет три часа, а заплатят мне три тысячи долларов? Спрашивать дважды не придется. Едва ли когда-нибудь я отказывалась от задания для журнала. Я романист, поэтому весело делать что-то, с чем я справлюсь за одну ночь. Когда я сижу дома годами над своими романами, мои друзья могут увидеть мое имя в журнале и знать, что я жива.

Только на последней неделе я написала работу для каталога, который продает «инструменты для писателей». Они делают книжечку о писателях и их талисманах, чтобы продавать ее через каталог. И попросили меня написать восемьсот слов, за что мне дали подарочную карту на двести долларов. Я подумала, что больше энергии потрачу на то, чтобы отказать им, чем сделать. Поэтому я написала о том, как мне нравится, когда моя собака рядом, когда я пишу.

Нехудожественная литература в корне отличается от художественной. Если пишешь книгу на восемьсот страниц о чихуахуа, нужно быть уверенной, что никто не сдаст свою книгу про чихуахуа раньше тебя. С романом нет никаких проблем.

Когда я дошла до середины «Правды и красоты», нависла угроза, что кто-то еще пишет книгу о моей подруге Люси Грили. Поэтому я продала незаконченную вещь, дабы быть уверенной, что у меня есть на нее издатель. Но я все равно собиралась написать эту книгу, независимо от того, купил бы ее издатель или нет.

Что касается художественной литературы, я никогда не продавала незаконченную книгу и никогда не буду. Я пишу художественные произведения только для себя. Пишу книгу, которую сама хочу прочесть. Это история в моей голове, которую я не могу найти в существующих книгах. Возможный коммерческий успех книги на меня не влияет.

Только надо помнить: написание книги не излечивает рак. Это литературная выдумка. Если я напишу что-нибудь ужасное или странное, отлично. Если я сдам книгу, а мой издатель скажет: «Энн, это не для нас», если я не соглашусь с их критикой, то скорее пойду к другому издателю, нежели внесу изменения.

Когда я закончила «Заложников», редактор, читавший книгу, сказал: «Мне нравится, но я кое-что убрал бы. Этот русский персонаж ужасный». Я ответила: «Я уважаю ваше мнение. Удачи вам в жизни». К счастью, что у меня не было контракта с его издательством, поэтому мне не пришлось убирать русского. Никогда не хотела чувствовать себя окольцованным человеком.

Удача

Я постоянно говорю: у меня была исключительная, великолепная писательская судьба, поскольку мне было дозволено ей обладать. Я чувствую, что мне очень повезло.

Я опубликовала первую книгу, когда мне было двадцать семь, в годы, когда издательства хотели быть лояльными по отношению к своим писателям, даже если их книги не продавались миллионными тиражами. В начале своей карьеры я была среднестатистическим автором. Загляните в любой словарь и почитайте определение среднего писателя — вы найдете мой портрет. Я получила сорок пять тысяч долларов за «Святого покровителя», пятьдесят тысяч за «Гафт», пятьдесят пять тысяч за «Ассистента волшебника». Писательство было моей работой, и мои авансы медленно, но стабильно росли, как зарплата в офисе.

Я не знаю больше никого, кто получил бы за первый роман сорок пять тысяч долларов.

Все думают, что Лиз Гилберт стала невероятно успешной с первой книги, но «Есть, молиться, любить» была ее четвертой! До этого она опубликовала прекрасный сборник рассказов, роман и биографию. Никто не понимает, что она не мгновенно добилась успеха.

В наши дни издатели смотрят лишь на объемы продаж, и, если книга не приносит желаемых сумм, ты пролетаешь. Мне повезло, что именно моя четвертая книга стала большим хитом. Успех не запудрил мне мозги, но мог бы, если вдруг моя первая книга стала бы популярной.

Счастье — получать премию

Лучшим моментом в моей писательской жизни было получение премии Orange, отчасти потому, что я не получила ее за «Ассистента волшебника». Когда я ее не получила, я думала, что все в порядке: во-первых, я уже все равно была номинирована; во-вторых, выиграла Кэрол Шилдс, а она это заслужила. Но при получении премии я думала: «Боже, это правда лучше. Это гораздо веселее проигрыша».

Мой отец, мачеха, муж, родственники, жившие в Англии, — все собрались на церемонии в Лондонском оперном театре. Это был такой

блестящий вечер, великолепиие било через край.

Особенность моей психики состоит в том, что мне тяжело осознавать момент, когда я выигрываю. Но я чувствовала его, и это было прекрасно.

Счастье — хороший отель

Когда мои книги начали продаваться большими тиражами, кое-что изменилось в моей писательской жизни: я получала лучшие номера в отелях.

В бытность мою начинающим писателем я ездила в туры по стране, чтобы поддержать распространение своих книг. На это мне выделяли определенный бюджет. Мне нужно было посетить двадцать три города на три тысячи долларов.

Теперь все изменилось. У меня самый потрясающий рекламный агент. Говорите, что хотите, про редактора и агента, но именно рекламный агент сделает вас либо звездой, либо сломает. Мой рекламный агент был со мной с «Заложников». Стала ли моя карьера успешнее, потому что рекламный агент стал лучше? Скорее всего.

Когда мой последний редактор получила работу в другом издательстве, она хотела, чтобы я ушла с ней. Я сказала: «Знаешь, я ни за что в мире не уйду от рекламного агента. Тебе придется заставить ее тоже перейти». Мой рекламный агент — архитектор моей жизни. Она звонит и говорит: «Они хотят, чтобы ты сделала вот это в Висконсине». Я отвечаю: «Если ты так хочешь, я это сделаю». Для меня нет ничего важнее моего времени, а она за него отвечает.

У моей подруги скоро выходит книга. Она первый раз работает с новым издательством, и у нее отвратительный рекламный агент. Я стараюсь не говорить ей: «Все плохо. Если у тебя настолько плохой агент, значит, все кончено».

Правда и книги

Я очень правдолюбивый человек. Я знаю, что, когда пишу, буду продолжать говорить себе правду обо всем. В то же самое время я слишком хорошая девочка, поэтому не хочу писать то, что причинит другим боль или расстроит их. Я не написала бы «Правду и красоту», если Люси не умерла бы.

Сейчас я приближаюсь к отметке в пятьдесят лет. Самое время уметь писать обо всем, о чем хочу. Я не хочу себя ограничивать, пытаюсь сберечь чувства того или другого человека.

Как бы то ни было, правда — слишком субъективная вещь. Пока я писала о Люси, ее подруга позвонила мне и спросила, как продвигается книга. Я сказала, что подошла к той части ее жизни, когда Люси поставила имплантаты в грудь. Подруга воскликнула: «Это огромный секрет! Она не хотела, чтобы кто-нибудь знал». Я сказала: «Что? Люси так гордилась этой грудью. Она ее всем показывала».

Поэтому я позвонила другой подруге и спросила ее, что делать. Она сказала: «Когда я впервые встретила Люси, она была без футболки. Она делала изображения своей груди на копировальном аппарате в офисе Рэдклиффа». Вот так вот: разные люди, разные правды.

Энн Пэтчетт делится профессиональным опытом с коллегами

- Не бойтесь зарабатывать на жизнь написанием того, что вы никогда не написали бы ради удовольствия. Нет ничего постыдного, чтобы зарабатывать на жизнь, и, что бы вы ни писали, даже будь то материал для каталога или противные журнальные статьи, это делает вас как писателя лучше.
 - Писать о моем счастливом браке намного сложнее, чем о несчастьях, ведь брак — очень личное дело. Но это моя история, которую я должна рассказать, и, если я думаю, что могу научиться чему-нибудь важному или поделиться чем-нибудь важным, я расскажу ее.
 - Первоочередная задача писателя — сохранять концентрацию на работе. Всегда найдутся дела, на которые можно отвлечься. Не делайте этого! Помните: потраченное время равняется сделанной работе.
-

Глава 15

Джейн Смайли

Он обнял ее одной рукой, сильно прижав к себе. Конечно, он знал, как она обожает его, а может быть, и восхищается им... Какая разница? Он относился к той породе мужчин, от которых женщинам правильнее было бы держаться подальше, — мужчин, проявляющих определенный интерес к женщинам, наблюдающих за ними и изучающих их.

Любимая, мне бы быть другим человеком. Но я такой, какой есть.

«Личная жизнь» (Private Life, 2010)

С тех пор как в 1980 году была опубликована первая книга Джейн Смайли, она написала одиннадцать романов, пять книг документальной прозы и три молодежных романа.

Мы говорим о книгах, которые были удостоены Пулитцеровской премии, премии за жизненные достижения в области художественной и документальной прозы, книгах, в которых рассказывается и о жизни фермеров девятнадцатого века, и безызвестном изобретателе компьютера, и увеличении спроса на городскую недвижимость в 1980-е годы. Плавному началу писательской карьеры Смайли способствовали многие обстоятельства: четыре года учебы в колледже Вассар; последующая стипендия Фулбрайта, по которой она поехала в Исландию изучать средневековую литературу, известную как исландские саги; учеба в Мастерской писателей Айовы.

Джейн Смайли — ученый, писатель и большой любитель романа. Она вернулась в Айову, чтобы преподавать в магистратуре изящных искусств, которую она сама закончила; она состояла в жюри многих литературных конкурсов, включая премию Man Booker International (2009). В отличие от многих интеллектуалов Джейн Смайли любит делиться, о чем свидетельствует ее блестящая научная работа 2005 года «Тринадцать взглядов на роман». Она написала:

Если жить — значит эволюционировать от глупости к мудрости, если вам повезло, тогда написание романов — это способ распространить разные стадии своей глупости.

Биографические данные

Дата рождения: 26 сентября 1949 года.

Родилась и выросла: Лос-Анджелес; выросла в Вебстер-Грувз (Миссури).

Ныне живет: сельская местность в Северной Калифорнии.

Личная жизнь: Джек Каннинг; не известно, женаты ли они официально.

Семейная жизнь: дочери Фиби, Люси и сын Аксель.

Образование: Колледж Вассар, бакалавр гуманитарных наук; Айовский университет, магистр изящных искусств, доктор философии.

Основная работа: преподавание; творческие мастер-классы для выпускников школ, штат Айова (1981–1996); постоянной работы нет.

Награды (неполный список): Пулитцеровская премия (1992); член Американской академии искусств и литературы (2001); премия за жизненные достижения в области литературы PEN-центра США (2006); судья в жюри премии Man Booker International (2009).

Интересные факты

- Пулитцеровскую премию Джейн Смайли получила в 1992 году за пятый роман «Тысяча акров».
- Смайли держит лошадей на ранчо рядом с домом и почти каждый день ездит верхом.
- Смайли пишет и ведет блоги для большого количества журналов, включая New Yorker, Elle, Harper's, Playboy и Practical Horseman.

Сайт:

Facebook:

Twitter:

Информации нет

Избранные работы

Романы

«Ослепленная лошадьми», 1980

«У райских врат», 1981

«Парные ключи», 1984

«Гренландцы», 1988

«Тысяча акров», 1991

«Му-у», 1995

«Правдивые путешествия и приключения Лидии Ньютон», 1998

«Лошадиный рай», 2000

«Добрая вера», 2003

«Десять дней среди холмов», 2007

«Личная жизнь», 2010

Молодежные романы

«Джордж и драгоценности», 2009

«Хорошая лошадь», 2010

«Истинно синий», 2011

Научные произведения и документальная проза

«Катскильские ремесла: мастера Катскильских гор», 1988

«Чарльз Диккенс», 2003

«Год на скачках: влияние на лошадей, людей, любовь, деньги и удачу», 2004

«Тринадцать взглядов на роман», 2005

«Человек, который изобрел компьютер: биография Джона Атанасова, цифрового первопроходца», 2010

Сборники новелл и рассказов

«Время скорби», 1987

«Обыкновенная любовь и доброжелательность», 1989

Экранизация

«Тысяча акров», 2003

Джейн Смайли

Почему я пишу

Я пишу, чтобы исследовать то, что мне интересно.

Работа романиста заключается в том, чтобы переплести факты с чувствами и историями персонажей, потому что роман — это чередование внутреннего и внешнего мира, того, что происходит, и того, что чувствуют персонажи. Нет причины писать роман, если не собираешься говорить о внутренней жизни своих героев. Без этого материал становится сухим. Но без событий и фактов роман кажется субъективным и бессмысленным.

В ранних романах, по мере их исторического формирования, присутствует мотив поиска. Дон Кихот думает, что отправляется что-то спасти, но на самом деле познает реальный мир, ничего общего не имеющий с той вымышленной моделью, сложившейся в его воображении после чтения рыцарских романов. А Сервантес следует за ним по пятам. Идея «Дона Кихота» заключается в том, чтобы показать конфликт между тем, что герой считает правдой и что он узнает, отправившись в большой мир. Это не только плодотворная работа, это плодотворный мотив написать роман.

Когда я проводила исследование для научной работы, которую я писала о романе, то обнаружила, что детство многих романистов было похоже на мое. Почти все романисты выросли, жадно читая книги, многие из них были родом из семей, в которых принято рассказывать

детям об их бабушках, дедушках, тетях и дядях, то есть посвящать в семейную историю. Такие дети и любопытны, и наблюдательны. Я была именно таким ребенком, меня надо было постоянно одергивать, чтобы я перестала задавать вопросы. Что делают романисты? Мы собираем фактический материал и придаем ему форму истории.

Я любила читать и прочитала множество книг, знала все серии Эдварда Стратемейера типа «Нэнси Дрю» и «Близнецы Бобси». Я считала романистов своими друзьями. Они меня не пугали — они оказывали мне любезность, рассказывая эти истории. Когда я повзрослела, в старшей школе я обнаружила, что для мальчиков образцом американского писателя был Хемингуэй, а для девочек — Фицджеральд. Но среди этих образцов не было ни одной женщины.

Представьте себе девочку, которая сидит за партой в девятом классе, чешет голову и говорит: «Я не могу написать “И восходит солнце” Хемингуэя, я девочка. Единственная альтернатива — “Великий Гэтсби” Фицджеральда». Но вспомните, что произошло с Фицджеральдом: он опубликовал четыре книги и умер от алкоголизма, только первая его книга была хорошей. Кто хочет *такой судьбы*?

В колледже я нашла другие варианты для себя: Вирджиния Вулф, Бронте, Остин. Но они не были американками. Поэтому я привыкла смотреть на английское как на образец для подражания.

Камешек становится зерном

Когда я пишу, я испытываю волнение сильнее, чем любую другую эмоцию.

Не могу сказать, что никогда не расстраиваюсь, но пишу я уже довольно долгое время, поэтому умею справляться с нервами. Я знаю, что у любого писателя есть дни подъема. Раньше ли, позже ли, но ты приходишь до того состояния, когда энергия *сама* движется и мне не приходится выжимать из себя силы.

Есть одна составляющая творческого процесса, которую я очень люблю, — это ощущение разворачивающейся истории. Кидаешь в историю камешек, просто потому, что не можешь придумать ничего

лучше, чтобы продолжить. Но маленький камушек превращается в зерно, внезапно дающее побеги. И начинает расти.

Сейчас я пишу книгу, которая — я уверена — увидит свет, но одному Создателю известно, когда. Я применила принцип «а что если?» к рассказу о своей лошади: а что если она участвовала бы в скачках на ипподроме Отей в Париже? А что если она учится на курсах для скакунов под Парижем? А что если она выберется из стойла и отправится в Париж? Это забавная идея, но в ней много правдоподобных проблем.

Однажды, во время работы над книгой, я встала в тупик. Я не знала, что делать дальше. Поэтому я ввела ворона. Сначала он был камушком.

Потом я поискала информацию о воронах, и эти птицы оказались весьма интересными. Я почувствовала, что ворон начинает «давать побеги». Он вдруг обрел свой голос, стал немного важничать, и внезапно в его интонациях появилась энергия повествования. Он стал потомком древней знатной семьи воронов, очень гордым собой, очень болтливым. Каким-то образом в следующие несколько недель он должен помочь моей лошади.

Вот что мне нравится в написании истории: *что-то* бросается, как камушек, и расцветает, как растение.

Как знала...

В Колледже Вассар на последнем курсе я написала роман для дипломной работы. Это был типичный подростковый роман о болезненных отношениях между двумя студентами колледжа. Он сейчас где-то в библиотеке Вассара.

Понимание того, что мне понравилось писать роман, привело к осознанию, что я собираюсь стать писателем. Роман вырос из любопытства — вообще все мои работы (и литературные работы многих других авторов) вырастают из сплетен. Со мной учились девочка и мальчик, между которыми ничего не было, я свела их на своих страницах, потому что они были двумя самыми странными людьми из всех, что я знала. Едва ли я вспомню сейчас сюжет, но

хорошо помню, с каким удовольствием писала тот роман. Работа шла очень радостно, и *это было по мне*.

Моя личная Айова

Через год после окончания Вассара, в 1975 году, я подала заявление в Мастерскую писателей Айовы. Мне отказали, но моего мужа приняли на историческое отделение, поэтому мы переехали в Айову. Я работала на заводе по изготовлению плюшевых мишек. Работницы их набивали, а я делала шов на спинах. На следующий год я снова подала заявку в Мастерскую. На этот раз меня взяли. Со мной учились очень талантливые студенты: Аллан Гурганус, Джейн Энн Филлипс, Том Бойл, Джон Гивенс, Ричард Бауш. Все были очень профессиональными, добрыми и преданными своему делу. Тогда я получила стипендию Фулбрайта и отправилась на год в Исландию. Большую часть выпускного года я провела, изучая литературу Древней Исландии, и собиралась писать о ней докторскую. Мой научный руководитель сказал: «Нам больше не нужны диссертации по древнеисландской литературе. У нас их полно». И я с легким сердцем, взяв за основу собранный материал, начала сочинять собственные сюжеты, а после окончания учебы написала первую часть своего настоящего романа.

Лучшие из времен

Когда я работала над третьим романом, это было лучшее время за всю мою писательскую судьбу. Слово моей рукой кто-то водил извне. Казалось, будто персонажи использовали меня как секретаря, записывающего за ними их истории. Я наслаждалась этим. Каждый день я садилась за печатную машинку и оказывалась в Гренландии четырнадцатого века, где присоединялась к своим героям, населявшим мощный торговый форпост Европы; я надевала воображаемую шубу из медвежьей шкуры, и история писалась сама собой.

Спустя двенадцать лет у меня был похожий опыт с другим романом. Тогда я тоже чувствовала, будто мне нашептывают историю — на этот раз о лошади в конюшне, Мистере Т.

О других книгах слова плохого не скажу. Просто они были другими и создавались иначе.

Становится лучше...

Я знаю одно: любишь либо работу, либо вознаграждение. Жизнь намного проще, когда любишь работу.

Мне повезло. Мне все больше нравится работа. Я даже сейчас стала еще любопытнее. У меня больше идей. Больше энтузиазма. Я больше верю в то, что камушек обернется зерном. Мой самый большой страх связан не с тем, что закончатся темы, а что закончится время.

Любопытным всегда есть о чем писать. Меня всю жизнь интересовал внешний мир. Я, конечно, вставляю кое-что из своей внутренней жизни, если возникнет «техническая» необходимость, но у меня нет цели писать о себе.

Некоторые мои книги были спланированы более тщательно, нежели другие. Когда я писала «Тысячу акров», где все основано на «Короле Лире», я придерживалась правила: ни при каком случае не отклоняться от сюжета Шекспира. Это было сложно. Например, мне трудно было заставить своих героев развязать войну, подобно семейке Макбетов, — ведь они у меня простые фермеры из Айовы. Поэтому я вместо войны дала им судебные разбирательства.

Когда было написано две трети романа, я осознала, что *отошла* от сюжета. Мне пришлось возвращаться и все исправлять. Если у книги есть план, ее намного сложнее писать, чем ту, у которой есть лишь форма.

У романа *Ten Days in the Hills* («Десять дней среди холмов») была скорее форма, а не план. Я знала, что должно было быть десять дней. Знала, что все дни должны быть примерно равной длины. Я очень хотела, чтобы в книге было четыреста сорок четыре страницы. Я не знаю почему. Это пришло в голову как головоломка. Я решила, что структура головоломки компенсирует расслабленность так называемого сюжета.

Когда я увидела, как увеличивается количество слов, то задумчиво хмыкнула: «Это должны быть реальные цифры». Должна сказать, мой

редактор не симпатизировала магии чисел. Ее немного раздражало мое желание написать «Десять дней» ровно на четыреста сорок четыре страницы.

...за исключением моментов, когда становится хуже

Один из моих романов я написала от первого лица, и в результате он стал мертвым. Полагаю, потому что мой главный герой оказался человеком, не знающим, что ему сказать, и говорившим то, что было не нужно.

Я переключилась на третье лицо и переписала роман. Новый вариант был перегружен фактами. Куда-то исчез внутренний голос главного героя. Персонажи лежали ни живы, ни мертвы. Я боялась и нервничала, но не могла перестать возвращаться к тексту. Я считала, что эту историю стоило рассказать.

Переломным моментом стал четвертый или пятый вариант. Я попросила моего бухгалтера, чтобы он отнес роман в свой книжный клуб и прочитал его там. Текст членам клуба очень понравился, и они даже внесли уместные предложения. Это был момент, когда я осознала, что книга не была провальным делом, раз понравилась своей аудитории — зрелым женщинам.

Ни один роман я не бросала. Хотя много сомневалась насчет «Тысячи акров». Я писала его зимой в этом маленьком кабинете в нашем новом доме в Эймсе. Я постоянно засыпала, пока писала. Даже на время отложила рукопись, думая, что она, видимо, ужасно скучная. Потом наступила весна, я перечитала текст, и он показался мне весьма хорошим.

Оказалось, печная труба в доме пропускала угарный газ. Когда отпала необходимость топить печь, роман перестал меня усыплять. Урок в том, что не всегда все так плохо, как думаешь.

Слухи о смерти романа сильно преувеличены...

Роман — невероятно емкая форма. Вечно говорят, что роман умирает, но он все еще существует. Конечно, я беспокоюсь о его будущем. Но я не беспокоюсь о романе. Роман незаменим.

...или нет

Издательские компании в 1980-е годы вдруг начали объединяться. Они становились все больше и больше. У каждого в 1990-е уже было выгодное предприятие. А потом все развалилось.

У писателей всегда были непростые отношения между деньгами и славой. Если ты на стороне денег, это твои выплаты. Можно сделать то, что предложила Джоди Пиколт, когда говорила о противостоянии «женской литературы» и «художественной литературы», — рыдать в чек. Если ты на стороне успеха, но пишешь книги слишком сложные, чтобы они стали бестселлерами, — это твое дело.

Сейчас и авансы становятся меньше. Исчезают книжные магазины. Кто знает, что произойдет? Самый важный вопрос на сегодняшний день: насколько аудитория готова выдержать этот удар? Дети продолжают читать книги — единственно хороший знак. Это не значит, что все удастся, но хоть что-то.

Если продолжить тему смерти романа, то следует обратить внимание на уход читателей-мужчин. Шумиха вокруг Апдайка и Мейлера и других парней была напрямую связана с мужской «инфраструктурой» литературы: редакторов; рецензентов; гордецов, выбирающих доминирующего мужчину; писателей, спорящих между собой, кто был доминирующим мужчиной. Культура мужского доминирования исчезла. Ее пытаются реанимировать при помощи Джонатана Франзена, но до тех пор, пока мужчины не вернуться к чтению, она не возродится.

Впрочем, давайте поговорим о Франзене после его десятой книги. Посмотрим, есть ли последовательность в его работе.

Мальчики и девочки вместе?

Если вы спросите группу мужчин, сколько книг, написанных женщинами, они прочитали за прошлый год, руки никто не поднимет. Если спросите группу женщин, сколько книг, написанных мужчинами и женщинами, они прочитали, будет примерно равное количество. Я одна из них. Я читаю и тех и других.

New York Times Book Review попросил меня в 2005 году написать об исследовании, которое они провели у себя в редакции. Они

попросили двести редакторов, авторов и критиков — сто мужчин и сто женщин — назвать лучшие книги последних сорока лет. «Возлюбленная» Тони Моррисон^[44] стала первой. Следующие десять книг были написаны мужчинами. Затем шла Мэрилин Робинсон^[45].

Мужчины сдали шестьдесят два процента всех опросников. За исключением «Возлюбленной», они все голосовали за писателей-мужчин. Женщины голосовали за тех и других. Многие женщины не стали голосовать. Я написала, что женщины, возможно, не верили в иерархический взгляд на литературу. Они думали, что это был глупый вопрос, в то время как мужчины сочли его важным.

Любопытнее и любопытнее

Поверьте, я не жалею. Мне очень повезло. Я все еще прихожу к издателю и говорю: «У меня есть идея», а они спрашивают: «Какая?» Когда пришла к агенту с «Тысячей акров», она сказала: «Ты шутишь? Никто не хочет читать о *зерновых*». Потом я сдала книгу, и все было отлично.

Я получила несколько наград. Награды — это фантазии. Нельзя хотеть награду. Нельзя сказать: «Моя жизнь будет стоящей, если я получу Нобелевскую премию». Это неправильный образ мыслей.

Если карьера не была стоящей, пока ты писал эти книги, ты прожил грустную жизнь. Для меня все сводится к любопытности. Я полагаю, мой творческий путь закончится, когда я оглянусь и скажу: «Все скучно; больше ничего не интересно».

Хочется, чтобы интересы опережали реальные дни на земле.

Джейн Смайли делится профессиональным опытом с коллегами

- Не пишите книгу, которую, как вы думаете, издатель захочет опубликовать. Пишите книгу, ради которой хотите провести исследования, и книгу, которую сами хотите прочитать.
 - Романист — это сплетник, использующий воображение. Можете соединить двух людей, которые не знакомы в реальной жизни, и сделать их влюбленной парой. Весело наблюдать за тем, что произойдет.
 - Поймите, кто является вашим читателем, и проверьте свою книгу на группе этих людей; пойдите в любой книжный клуб, его члены с радостью вам помогут.
-

Глава 16

Мэг Уолитцер

Людам нравится предупреждать других, что к тому времени, когда достигнешь середины жизни, страсть начнет восприниматься, как давно съеденный ужин, который вспоминаешь с огромной нежностью. Блеск столового серебра. Масло на продолговатом блюде. Труп шоколадного торта. Под конец будто пыльным мешком по голове ударили, остается лишь откинуться на спинку кресла и лишиться последних сил...

«Разъединение» (*The Uncoupling*, 2011)

О нем писал в *Believer* британский писатель Ник Хорнби:

Мэг Уолитцер — тот писатель, который заставляет сожалеть, почему авторы не пишут как можно больше таких пронизательных, занимательных, непритязательных романов о том, почему и как простые люди принимают решения в своих жизнях.

Похвала Хорнби занижена и граничит с неуважением. Пронизательные и занимательные — да, но непритязательные? Нет, не сказала бы. Остроумие и популярность Мэг Уолитцер нельзя принимать за литературную упрощенность. Уолитцер действует по принципу «от простого к сложному», и ее миссия амбициозна: показать, кто есть мы, обычные американцы, на самом деле, когда никто нас не видит.

Уолитцер заняла определенно *высокомерную позицию* по вопросу, обсуждаемому на страницах *New York Times Book Review* 30 марта 2012 года; в своем эссе она изложила, какие требования она предъявляет каждым своим романом:

Многие первоклассные книги, написанные женщинами и о жизни женщин, так и не могут покинуть нижней полки, проходящей по категории «женская литература», и перескочить на верхнюю, где расположились определенные

книги, большая часть которых написана мужчинами... ими восторгаются и их явно выставляют на видное место...

Биографические данные

Дата рождения: 28 мая 1959 года.

Родилась и выросла: Бруклин (Нью-Йорк); выросла на Лонг-Айленде.

Ныне живет: Манхэттен (Нью-Йорк).

Личная жизнь: Ричард Пэнек, обозреватель научной литературы.

Семейная жизнь: дочь Габриэль, сын Чарли.

Образование: Смитский колледж, курс мастерства художественной литературы; Университет Брауна (1981).

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): стипендия Национального фонда поддержки искусств (1994); премия «Лучшие рассказы Америки» (1998); премия Пушкарт (1998).

Интересные факты

- Мэг Уолитцер, по ее собственному признанию, очень любит Scrabble^[46], предпочитает играть по интернету в режиме онлайн. Поэтому главный герой ее недавнего молодежного романа — мальчик, который обладает волшебной силой, позволяющей ему выигрывать в Scrabble.
- Последний роман Уолитцер, «Разъединение», так понравился Сьюзи Роше из группы «Роше», что она написала на его основе песню Back in the sack («Назад в мешок»).
- Мать Мэг Уолитцер — романист Хилма Уолитцер.

Сайт: www.megwolitzer.com

Facebook: www.facebook.com/megwolitzerauthor

Twitter: [@MegWolitzer](https://twitter.com/MegWolitzer)

Избранные работы

Романы^[47]

«Лунатизм», 1982

«Спрятанные картины», 1986

«Это твоя жизнь», 1988

«Друзья на всю жизнь», 1994

«Сдавайся, Дороти», 1998

«Жена», 2003

«Позиция», 2005

«Десятилетний сон», 2008

«Разъединение», 2011

Экранизации

«Это моя жизнь» (постановка по роману «Это твоя жизнь»), 1992

«Сдавайся, Дороти», 2006

Мэг Уолитцер

Почему я пишу

Мне как писателю приятно думать, что кто-то проводит большую часть жизни в поисках той единственной работы, которая всецело поглотит его. Большая часть моей жизни, как иногда я думаю, потрачена на неудержимое стремление избавиться от страхов. Занятие литературным трудом, особенно когда пишется легко, дает мне возможность не подпускать их к себе близко. Работа писателя, по всей вероятности, единственное дело в мире, способное сдерживать все твои тревоги. Работа становится для тебя надежным сейфом, спасающим от любых напастей, даже ядовитых газов. Наконец-то я чувствую себя большой и сильной!

Вы получаете абсолютную власть — где еще вы найдете такую возможность? В реальной жизни вы не вольны управлять чужими судьбами, не можете отвечать за личные отношения, вы даже не в состоянии наладить контакт с собственными детьми. Но вы начинаете писать — и на долгое время становитесь тем, кто полностью берет ответственность на себя.

По словам английской писательницы Зэди Смит, человек пишет, чтобы открыть свой порядок пребывания в мире, чтобы познать границы своей восприимчивости. Я человек пишущий. Что я такое, кроме собственной впечатлительности? Я сама, мой жизненный опыт? Что принесла я в этот мир? Что совершила? Что видела?

Кто-то пишет ради того, чтобы разобраться со своими призраками. Я не столь храбрая. В определенном смысле, мне лишь нужно чувствовать себя свободной, когда я пишу. Я никогда не пишу своих книг и не читаю чужих, чтобы убежать от самой себя. От себя нет спасения; я не знаю, что это даже такое. Когда я работаю, то прежде всего хочу определить свой угол зрения, создать интересный, но совершенно перекошенный мир.

Мне нравится то физиологическое состояние, что возникает во время работы над книгой. Будто я выполняю сложнейшее упражнение и впереди маячит золотая медаль. Это подстегивает меня. Мне доставляет огромное удовлетворение создавать в романе разные головоломки, а потом самой же их решать. Мой муж по роду занятия тесно связан с научными открытиями, и я мечтаю о загадках космоса и том времени, когда смогу с его помощью до них добраться, — вряд ли приблизишься к миру ближе.

Я страстный игрок в Scrabble и раньше сама создавала головоломки. Давным-давно в Нью-Йорке вместе с соавтором Джесси Грин я писала еженедельный кроссворд для журнала 7 Days. Иногда я думаю, что акт творчества сродни решению загадки — таинственное, наполненное подсказками, необъяснимое, элегантное занятие. А что делать, когда не можешь найти выхода? Когда сюжет зашел в тупик? Как выбраться из замкнутого пространства, ставшего для тебя настоящим адом? Но когда удается придумать решения для всех проблем и вывести роман на ровную дорогу, я начинаю тихонько подпрыгивать. Я же говорю: сочинять роман — все равно что выполнять упражнение, только ты сам его придумываешь и сам выполняешь, потому что посторонний здесь не справится. Писать текст — очень индивидуализированный вид домашнего занятия.

Я пишу, чтобы оттачивать замечательные идеи, которые роятся в голове, но без помощи текста их оттуда не вытянешь, потом я нахожу для них формулировки и сочиняю нечто конкретное. Это естественное продолжение внутреннего бормотания. Когда во мне звучит эта болтовня и есть внутренний императив, то получается книга.

Писать для мамы

Я росла в весьма необычной обстановке: моя мать была писательницей, хотя, в отличие от меня, она поздно к этому пришла. Мне исполнилось шесть или семь лет, когда она продала первый рассказ старейшему журналу Saturday Evening Post. Я видела, с каким душевным волнением она работала и как болезненно все воспринимала. Когда я начала писать, я писала для нее.

В первом классе у меня была учительница, которая подзывала меня к своему столу, и я диктовала ей истории, потому что она могла записать их быстрее меня. Мать сохранила все эти рассказы, и сейчас, когда я на них гляжу, то понимаю, что начала писать, чтобы понять мир. Когда я стала старше, я любила бежать со всех ног домой и показывать матери написанное, зная, что она меня подбодрит.

Однажды, когда я вела публичные чтения, встала пожилая женщина и сказала, что дочь пытается писать пьесы, а ее это беспокоит: сможет ли она сочинительством зарабатывать себе на жизнь. Я посоветовала ей поощрять талант девушки, поскольку и окружающие, и мир сделают все, чтобы его уничтожить, но мать не должна так поступать.

В Университете Брауна я училась с великим писателем Джоном Хоуксом, которого мы еще звали Джеком. Однажды я наткнулась на него в кампусе, и так как хотела ему понравиться, то зачем-то выпалила: «А я только что закончила рассказ». Конечно, это была ложь. Мне пришлось мчаться домой и на самом деле его писать.

Когда ты уже опытный и известный писатель, с регулярно появляющимися книгами, тебе не надо до одержимости пытаться кому-то понравиться. Уже нет того волнующего момента, как у Хелен Келлер с ее «водой»^[48], но есть целая серия минут: волнение от знания, что пишешь не в пустоту, и для твоей работы есть надежный сосуд. Это наставничество — путь к писательству, и потом в конечном счете в этом не будет необходимости.

Стыд

В годы учебы в Брауне я продала первый роман издательству Random House за пять тысяч долларов. Он появился на свет через восемнадцать месяцев.

Я намеревалась поехать в Стэнфорд, чтобы получить степень магистра, но решила переехать в Нью-Йорк и посмотреть, получится ли у меня вместо этого стать писателем. Я жила в богемном районе Нью-Йорка и ела тонны индийской еды. Меня совершенно не волновали деньги. Я знала одно: роман пристроен, и я хотела жить как писатель.

Сразу как я переехала в Нью-Йорк, я пошла в колонию MacDowell. Как давно это было! У меня была еще с собой фолк-гитара с наклейкой No-nukes^[49], я сидела под деревом и наигрывала «Воды широкие»^[50]. Смогу ли забыть ту девочку? Конечно, нет. Писателям приходится жить с собственными странностями.

Несколько следующих лет я продавала романы за слегка растущие авансы. Была другая эпоха, мне и в голову не приходили мысли о проданных тиражах. Я считала себя везучей — ведь меня публиковали. Я была очень благодарна и счастлива. Я и ведать не ведала, что эта радость может быть под угрозой. Разумеется, она всегда под угрозой. Некоторые писатели, с которыми я сравнивалась в тиражах и популярности, внезапно исчезли. Было ли это связано с тем, что их больше не публиковали? С тем, что они просто перестали писать? В некоторых случаях я правда не знаю.

У меня никогда не было денег. Первые хорошие деньги появились в 1992 году, когда по одной из моих книг сняли фильм. Идеальное совпадение во времени. У меня был ребенок, а я совсем не знала, как умудриться растить его и одновременно писать книги. Контракт на фильм дал мне время. Он освободил меня из круговорота вечного писания и преподавания — я себя чувствовала как белка в колесе.

Сейчас я вернулась в свое беличье колесо, потому что один мой ребенок учится в колледже, а второй стремительно к этому приближается. Я уже упоминала мужа, так вот, он тоже писатель, поэтому мы оба живем этой хрупкой жизнью, стоя одной ногой на банановой шкурке. Мы вносим поправки, когда необходимо. Я считаю, что нет ничего постыдного в том, чтобы делать то, что нужно, чтобы зарабатывать, будучи писателем. Это утомительно, но интересно.

Однажды я была в машине, полной писателей, нас везли на какое-то мероприятие, и все на заднем сиденье говорили о провалах и разочарованиях. Водитель обернулся и рявкнул: «Вы все такие талантливые! Почему вы должны испытывать такой стыд?» Мы посмеялись над собой. Мы знали, что описывали чувство, которое испытывают многие писатели.

Иногда Зевс. Иногда нет

У меня бывают разные писательские дни. Работая над некоторыми книгами, я получаю немислимый, продуктивный опыт, будто выпрыгиваю прямо изо лба Зевса. Может быть день после помолвки, когда весь мир уменьшается, а содержимое мозга перерабатывается в миниатюру на странице. Когда я писала роман «Позиция», у меня было чувство, будто я секретарша для самой себя. Вся работа над романом свелась к тому, чтобы просто успевать за своими мыслями. И быстро записывать. Ту книгу я сделала молниеносно.

Во время работы над другими книгами бывали дни и ночи усталости, апатии. Обращаясь к собственному опыту, сейчас точно могу сказать, что так всегда заканчивается, поскольку в основе любой книги лежит неправильный или недостаточно реализованный посыл.

Посыл — внутренний императив

Когда я пишу, то задаю себе вопрос, который обычно задает читатель автору: «Зачем ты мне это все рассказываешь?» Книга должна вызывать эротическое желание; смысл книги должен заглатываться как горячая булочка; идея должна быть неразрывно связана с содержанием; и конечно, сведения, в которых всегда была нужда.

Если ответ на вопрос «Зачем ты мне это рассказываешь?» не приходит в голову быстро, если я пишу без спешки, это первый знак того, что что-то не так. Когда кажется, что романы или рассказы идут в никуда, они теряют свой посыл, причину своего существования.

Посыл — это то, что у нас ассоциируется со срочными, внешними моментами — например, с политическими вопросами. У меня он также ассоциируется с искусством. Знаешь, что что-то можно исправить, вне зависимости от того, общественное ли это заблуждение или неполная информация. Вот что дает искусство — более полный взгляд, ты видишь такие закоулки, которые иначе никогда бы не заметил.

Много лет назад я продала роман, в котором рассказывалось о знаменитой пациентке Фрейда, Доре, написанный с ее точки зрения. По существу, это была попытка забрать ее историю у Фрейда и вернуть

ей. Я наслаждалась написанием этих пятидесяти пяти страниц, ездила в Вену, чтобы все расследовать. А потом, спустя немного времени, осознала, что совсем не хотела писать эту книгу. Я чувствовала, что язык, на котором должна была быть написана эта книга, крайне убог, поскольку действие происходило давным-давно, а повествование велось от первого лица. В теории хорошо было мечтать, что «заберу» историю и верну ее обладательнице. В реальной жизни все обернулось иначе. Как только я это поняла, то потеряла свой внутренний императив.

Одни романы похожи на большие карманные книги; в них есть целый мир, и писатель, и читатель вынуждены копать, чтобы найти то, что они ищут. Другие — больше похожи на тонкие контейнеры. Роман про Дору должен был быть именно таким. Меня удивило то количество проблем, с которыми мне пришлось столкнуться. Меня очень интересует все, что связано с психоанализом, и я думала, что такая книга будет писаться яростно и мощно. Но вдруг откуда-то стали вылезать лирические нотки — и это обернулось для меня ловушкой.

Лиризм может разбить предложения на сияющие отдельные обособленные элементы, и это может либо усилить мощь работы, либо сделать прозу притягательной, восхитительно личной, но лишенной силы. Все мои труды в Вене по сбору материала остались втуне и закончились лишь одним параграфом в моем следующем романе. А Дору и ее мир я забросила окончательно. В итоге из всего можно получить хороший суп, пусть даже и в неузнаваемом виде.

Самое тяжелое время для меня как писателя — это поиск центральной мысли книги. Как только она появляется, я чувствую себя уверенно. Это как ингалятор в кармане, когда у тебя астма.

До и после

У меня водораздел проходит через роман «Жена» — всю свою писательскую жизнь я делю на *до* и *после*. Мне не очень нравится то, что я писала до «Жены». Я все еще жила в мире слов и фраз, что иногда мне нравились, но я не была ими абсолютно довольна. Я как писатель сознательно придерживалась лиризма, была сдержанной и немного скрытной. Я переживала, что результаты были недостаточно сильными.

Книги, которые мне в то время нравилось читать, были намного сильнее тех, что писала я. Хотя у меня есть замечания к работе Филлипа Рота, мне нравится мускулистость его прозы. Что мешало мне писать с той же страстью, что я чувствовала, когда писала? Мне это удалось, когда я написала «Жену».

Камень, ножницы, бумага

Я задумывала «Разъединение» как современную «Лисистрату»^[51]. Я начала книгу в годы президентства Буша, когда я, как и все, устала от бесконечных войн США с Афганистаном и Ираком. Изначально я думала, что у «Разъединения» будет важное содержание на военную тему.

Но когда я писала, произошли изменения. Я всегда понимаю, когда покорно возвращаюсь к упрямой сцене, на которой застряла, что она не понравится читателям и ее, возможно, не должно быть в книге. Я начала видеть такие сцены в «Разъединенных». И затем поняла, что то, о чем на самом деле я хотела писать, просто расцвело и перебороло все остальное. В голове у меня было что-то вроде игры в камень-ножницы-бумагу. В «Лисистрате» меня как писателя интересовало не то, что женщины использовали сексуальную силу, чтобы остановить войну, а то, как пьеса позволила мне взглянуть на сексуальное желание и сексуальную усталость в браке. Это могло позволить мне рассмотреть женскую сексуальность в ходе истории. Поэтому я изменила идею всей книги.

Благодарность

На дворе отнюдь не эпоха созерцания, а писательский труд — это опыт наблюдения. Идея задумчивого, медленного, чему нужно время, чтобы вылупиться и появиться на свет, не соответствует сегодняшней скорости.

Я завидую людям с большими финансовыми возможностями — их жизненные условия более стабильны. Постоянная необходимость зарабатывать на жизнь ложится на плечи и очень давит. Я знаю, как мне повезло, что я смогла остаться писателем. Но я никогда не принимала это на веру.

Мэг Уолитцер делится профессиональным опытом с коллегами

- Результативный писательский труд похож на концентрированный бульонный кубик. Не просто выбираешь произвольный день и пишешь о нем. Выбираешь обычные моменты и усиливаешь их — будто они заморожены и высушены, чтобы читатель мог просто добавить воды.
 - Чтобы найти центральную идею книги, можно свободно написать пару глав. Затем посмотри на все, что сделал, и начнешь понимать структуру сюжета. Затем продолжай и пиши, скажем, страниц восемьдесят, но не сто; если напишешь сто, а в итоге отложишь в сторону, — можешь почувствовать, что потерял много времени. Иногда я рекомендую писать около восьмидесяти страниц, что уже является довольно большим количеством. Таким результатом можно гордиться. Затем снова посмотри на работу, начни составлять план, как будет развиваться книга.
 - Я всегда прошу советов у коллег, которым доверяю, и всегда внимательно выслушаю, что они говорят. Надежный «целевой читатель» стоит того, чтобы его выбрать, поскольку он придает чувство уверенности в том, что делаешь.
 - Никто не отберет твой дар сочинять книги, но никто и не преподнесет его на блюдечке.
-

Глава 17

Джеймс Фрэй

Когда я впервые его увидел, он шел по коридору. Напротив апартаментов, в которых я жил, были комнаты, пустующие уже год. Обычно апартаменты в нашем доме быстро занимают. Правительство их поддерживает, поэтому они дешевые, как раз для людей, у которых в этом мире нет ни гроша, и, даже если они всегда говорят нам обратное, они знают, что у них ни черта никогда не будет.

«Последний Завет» (The Final Testament of the Holy Bible, 2011)

В январе 2006 года мир, по крайней мере мир Опри Уинфри, наблюдал, как Опра жестко критиковала Джеймса Фрэя, автора *A Million Little Pieces* («Миллион осколков») — книги, ставшей последним выбором ее знаменитого «Книжного клуба». Опра обвиняла Фрэя в том, что он представил себя и некоторые события в ложном свете.

— Вы придерживались этого образа, потому что хотели видеть себя таким? Или вы придерживались этого образа, чтобы улучшить книгу?

— Возможно, и то и другое.

— Я действительно чувствую себя одураченной, я чувствую, что вы предали миллионы читателей, — подвела итог Опра.

Фиаско Фрэя на какое-то время поставило крест на автобиографическом жанре, оставив без работы многих авторов. Те счастливики, кому удалось найти издательства, взяли на себя обязательство подписать бумагу, которая известна как «заявление Фрэя», — с ее помощью издатели надеются избежать судебных тяжб, порожденных книгой этого автора. Издательству, выпустившему «Миллион осколков» в свет, пришлось объявить, что оно вернет деньги читателям, купившим это произведение.

Расследование продолжилось; всплыли новые факты. Оказалось, Фрэй продавал книгу как художественное произведение. Его издатель, желавший получить большую прибыль, позиционировал ее как реальную историю. Фрэй предложил опубликовать заявление,

объясняющее разницу; на его просьбу ответили отказом. Вспомним, что 2006 год был тяжелым периодом в истории Америки, полным обмана и возмущения. Вспомним войну в Ираке. Вспомним «оружие массового уничтожения». Вспомним новое слово, придуманное сатириком Стивеном Кольбером, — *правдость*^[52]. Корреспондент New York Times Морин Дауд написала после появления Фрэя в «Шоу Опры»:

После того как вся нация без каких-либо последствий погрязла в обмане, в агрессивных политических противостояниях, откровенной лжи Джорджа Буша-младшего, было огромным облегчением увидеть, как Опра — эта королева сострадания — холодно заставила хоть кого-то понести ответственность за свой обман.

Пять лет спустя, во время последнего сезона своего шоу, Опра во второй раз пригласила Джеймса Фрэя к себе в студию.

— Большинство авторов мемуаров делают то же, что сделал я, — сказал Фрэй.

— Я приношу извинения за то, что у меня не хватило сострадания, — ответила Опра.

Они обнялись и помирились.

Познакомьтесь с Джеймсом Фрэем. Судите сами. А лучше вынесите свой урок из его опыта и не судите его вообще.

Биографические данные

Дата рождения: 12 сентября 1969 года.

Родился и вырос: Кливленд.

Ныне живет: Нью-Йорк.

Личная жизнь: есть жена.

Семейная жизнь: трое детей.

Образование: Университет Денисон; Чикагский институт искусств.

Основная работа: основатель компании FullFantomFive, 2010.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): нет.

Интересные факты

- По словам самого Джеймса Фрэй, он работал Санта Клаусом и пасхальным кроликом в универмаге, складским рабочим, портье, уборщиком, сценаристом, режиссером и продюсером.
- От «Миллиона осколков» отказались семнадцать издателей, прежде чем Doubleday согласилось ее опубликовать. С тех пор продано семь миллионов копий по всему миру, книга переведена на 35 языков.
- Роман «Мой друг Леонард», продолжение его первой книги, также стал бестселлером по версии New York Times.
- Книга, оказавшая на Фрэй наибольшее влияние, — «Тропик Рака» Генри Миллера.

Сайт: www.bigjimindustries.com

Facebook: www.facebook.com/profile.php?id=547390762

Избранные работы

Автобиографическая проза

«Миллион осколков», 2003

«Мой друг Леонард», 2005

Романы

«Яркое солнечное утро», 2008

«Последний Завет», 2011

Эссе и иллюстрированные книги

«Американский питбуль», 2008

«Жены, колеса, оружие» (с фотоиллюстрациями Терри Ричардсона), 2008

Сценарии

«Поцелуй понарошку», 1998

«Сладкая», 1998

«Я — четвертый», 2011

Джеймс Фрэй

Почему я пишу

Просто ни для чего другого я не гожусь. На сегодняшний день сочинительство настолько стало частью моей жизни, что я не могу не писать. Если я не буду работать, то сойду с ума. Кроме того, у меня все-таки есть семья, и ее нужно кормить.

Когда я был маленьким, я любил зарываться в книгах. Но никогда не думал стать писателем — до тех пор, пока в двадцать один год не прочитал «Тропик Рака». Мало что в моей жизни потрясло меня так,

как эта книга. Никогда больше ни одна вещь не производила на меня такое впечатление — чистое, непосредственное и глубокое. Эта ярость вперемежку с удовольствием — именно так я воспринимал мир.

Единственное, где еще есть красивое и яростное сочленение всего со всем, — это картины Джексона Поллока. Они произвели на меня столь же сильное впечатление, потому что их создал человек, однажды сказавший: «Мне все равно. Это то, чем я занимаюсь, это то, как я намерен делать, это то, чем оно и является. Можете любить это или ненавидеть. Это не о вас».

И я подумал: «Вот! Это и я буду делать». Шесть месяцев спустя я переехал в Париж, потому что в «Тропике Рака» Генри Миллер рассказывал об этом городе, где он жил. После переезда я искал, смотрел, жил и пытался стать писателем. Пытался разобраться, что означает «быть писателем», если это вообще возможно понять. Дерзкая, безрассудная, глупая и прекрасная жизнь.

«Исторический импульс»

Я стараюсь делать такие книги, которые всегда хотел прочитать сам, но, к сожалению, другие их не написали. Когда я честно признаюсь в этом, люди, как правило, обвиняют меня в чрезмерной гордыне. Я так не думаю. Просто я один из немногих, кто честен по отношению к самому себе, вещам и событиям, то есть к тому, что Оруэлл назвал «историческим импульсом»^[53]. Надеюсь писать исторически важные, значимые книги — книги, которые изменят мир, повлияют на писательское ремесло и издательское дело.

Я смотрю на ход литературной истории и думаю, что вполне могу найти место и для себя. У меня есть нужный потенциал, чтобы встать в один ряд с писателями, которых я люблю, писателями, вошедшими в историю. Я не принимаю никаких канонов, поэтому спокойно отвожу себе собственное место в истории.

Разумеется, многое продиктовано моим самолюбием. Говорить, что это не так, — чушь собачья. В проявлении своего эго я не знаю себе равных. Я сейчас сижу за столом, и единственная картинка на стене, кроме рисунков моих детей, — обложка Sports Illustrated с Марвином Хаглером, боксером, чемпионом в средней весовой категории в 1980-е

годы. Его называли Марвин Великолепный. Заголовок звучит: «Лучший и худший». Это мне близко. Я хочу быть лучшим и худшим.

Раньше я добивался признания. Сейчас я хочу закрепить и усилить его. Я говорил об этом много лет назад, в своем первом интервью. Да, хочу быть самым читаемым, самым сомнительным и самым влиятельным автором своего времени.

Не потеряться...

Что мне больше всего нравится в процессе работы над книгой? Моя уверенность в себе. Я не застываю в бессилии, пытаюсь подобрать нужное слово, и не блуждаю в растерянности по тексту, выстраивая сюжет.

Я все держу под контролем. В книге ничто не происходит без моего ведома. Будет только так, как я напишу. Останется только то, что я захочу сохранить, остальное безжалостно выбрасываю. Когда сидишь за компьютером, создаешь свой мир, живешь в нем, управляешь им. И он такой, каким ты его хочешь видеть. В жизни нет лучшего времени, чем то, когда находишься один на один со своим текстом хотя бы в течение восьми часов, — именно в такие моменты я испытываю наивысшее удовлетворение и свободу.

Мне потребовались годы, чтобы дойти до такого состояния: теперь я сажусь за книгу и знаю, что буду писать, как хочу, и получится хорошо. Я не пишу исходя из принятых норм. Не пользуюсь стандартной грамматикой и пунктуацией. Я ничего не делаю правильно. Это обдуманый и выстраданный шаг, но мне потребовалось много времени, чтобы обрести уверенность и научиться нарушать каждое существующее правило.

Многие писатели, особенно молодые авторы, любят играть с самими с собой, проверяя себя на смелость: «Смогу ли я это сделать? О, как сложно! Получается не так, как хотелось бы». Многие из них теряются, пытаюсь найти свой путь. А кто-то, и таких немало, его вообще не находит.

Когда я сажусь за компьютер, у меня нет ни тени сомнения. Я испытываю страх, только когда обдумываю книгу вне рабочего пространства. Но когда я сижу перед экраном, я всегда уверен в себе и

могу делать все, что пожелаю. На это может потребоваться много времени. Возможно, будет тяжело, даже одиноко. Но я неизменно верю, что начатая книга будет такой, какой я хочу ее видеть. Почему? Потому что я чертовски хорошо управляю процессом. Как только в вашей жизни появится уверенность в себе, вы уже не сможете без нее писать книги. Никогда.

Я много работаю в кино и на телевидении — и это сплошное расстройство. Там требуется совершенно другой образ мыслей, поскольку в студии ты уже не хозяин положения и не держишь все под контролем.

...и обязательно найти себя

После того как я прочитал «Тропик Рака», я все время пытался найти способ писать то, что имело бы для меня смысл. И не мог. Продолжал писать всевозможный вздор. Всякую дрянь.

Потом сел и написал первые тридцать страниц «Миллиона осколков» за один присест. Ушло на это около четырех часов. Никогда раньше и никогда позже я так быстро не писал. После этой пулеметной очереди я взглянул на написанное, откинулся на спинку стула и только и смог выговорить: «Черт возьми».

В самом начале «Тропика Рака» есть такая фраза: «Год назад, даже полгода, я думал, что я писатель. Сейчас я об этом уже не думаю, просто я писатель»^[54]. И я, уставившись на свои тридцать страниц текста, подумал: «Вот оно, дружище, вот оно».

Богатство против бедности

Я был бедным. Это полный отстой. Мне совсем не хотелось устраиваться на какую-нибудь дрянную работенку в баре или магазине одежды. Поэтому в двадцать пять лет я начал писать сценарии к фильмам. О том, чтобы писать книги, я даже подумать не мог, но сценарии... почему бы не попробовать? Куча полуграмотных парней писали плохие сценарии. Чем я хуже?

Откровенно корысти ради я написал вполне слезливую комедию — самую коммерческую и самую «романтическую» из всех, что только мог написать. Переехал из Чикаго в Лос-Анджелес и продал ее. Итак, я

проработал наемным сценаристом с двадцати пяти лет до тридцати одного года. Я писал по долгу службы, но это не то же самое, что быть писателем.

После той пулеметной очереди, в результате которой появились первые страницы «Миллиона осколков», я понял, что могу делать то, что хочу. Просто нужно найти для этого время. Взяв второй кредит под залог дома, я запасся деньгами на восемнадцать месяцев. Мне потребовался год, чтобы дописать роман до конца, затем я его продал. С тех пор я занимаюсь только этим.

Правда, все еще пишу сценарии. На студии DreamWorks в 2011 году вышел фильм — большой, слезливый боевик для подростков — под названием «Я — четвертый»; над его сценарием я работал под псевдонимом.

Интересная личность

Использовать псевдонимы забавно. Писатель — не только то, что он пишет. Писатель обязательно окружает себя мифологией, создает о себе легенды, формирует в публичном пространстве свою творческую личность.

Есть Джеймс Фрэй, возвращающийся домой к семье, есть публичный Джеймс Фрэй. Взгляните на Хемингуэя, Керуака, Буковски, Нормана Мейлера или Хантера Томпсона. Я готов поспорить, что любой из этих парней дома с семьей был совсем другим человеком — совсем не тем, каким его знала публика. Все они были большими личностями, но вынужденными прятаться за публичными образами, и эти личины практически уничтожили их. Они потерялись. Забыли, что есть грань между тобой домашним и тобой публичным.

На данный момент в литературном пространстве существует публичный Джеймс Фрэй — плохой, пользующийся дурной славной, эгоистичный, высокомерный Джеймс Фрэй. Среди домашних я другой. Мне не нужно с важным видом открывать дверь и заявлять, что я лучший или я худший. Когда я иду домой, я просто отец для своих детей и муж своей жены.

В моей личной жизни встречается множество обстоятельств, когда я совсем не чувствую себя уверенным человеком. Я, например, боюсь,

что в один не очень прекрасный день у меня не хватит денег, чтобы заплатить по счетам. Я нервничаю на вечеринках, поскольку не люблю толпу. Довольно-таки стандартная человеческая чушь.

В моей писательской работе случались паршивые моменты: когда меня «потрошила» Опра на национальном телеканале, а также шестнадцать коллективных исков против меня, когда мой адвокат сказал: «Тебе предстоит вечный финансовый Армагеддон. Тебе следует подумать о переезде во Флориду, или Швейцарию, или Монако».

Но больше всего я боюсь за детей, чтобы с ними ничего не случилось. Мы с женой пережили потерю второго ребенка. Сына. Это самое жестокое испытание в жизни.

По сравнению с утратой ребенка, потеря друга или разбитое сердце — все эти ужасные писательские переживания — просто плохие дни на работе. Поэтому 2006 год был для меня плохим годом на работе — и все.

Когда я сижу за компьютером, когда я писатель Джеймс Фрэй — все исчезает. Я не сомневаюсь. Я не боюсь. Никто не может причинить мне боль, сказать гадость и вообще сделать что-то такое, чтобы это было для меня важно. Когда я занимаюсь своей книгой, то эгоизм, самомнение и все прочее уходят — остается работа, просто борьба и вызов. Я довольно четко это разграничиваю. Если у людей эти границы размыты, тогда обязательно возникнут проблемы.

Моя литературная работа, я сам, все, что меня окружает, — это большое, продолжительное представление. Жребий брошен. Мифология в действии. Долго ли она продержится, зависит от того, насколько хороши книги, которые я пишу. Вот в чем прелесть моей работы. Вся чушь, собранная в мире, и все самое важное, что есть у меня в жизни, сконцентрировано в одном вопросе: «Достаточно ли хороши мои книги?» Я хочу сделать для людей то, что для меня сделал Генри Миллер.

Радикально

Когда я учился писать так, как я хотел, я много обращался к истории литературы. Я пытался понять, что общего было у разных писателей, которыми я восхищался. Я изучал их всех: Бодлер, Фицджеральд, Генри Миллер, Дос Пассос, Хемингуэй, Керуак, Мейлер, Томпсон, Гинзберг, Брет Истон Эллис. Когда появлялись их книги — никто прежде ничего подобного не видел и не читал. Например, «В дороге»^[55]. Сколько книг существовало до нее? Миллиарды. «Дон Кихот» — тоже своеобразный дорожный справочник, книга о путешествии двоих парней. Приходится радикально менять не только стиль и подачу повествования, но и то, каким образом можно рассматривать основную тему произведения. Тебя просто вынуждают создавать великолепные, уникальные, неповторимые вещи, и почти такие же революционные и немедленно узнаваемые, как книги этих великих писателей.

Сейчас мы, думая о Хемингуэе, понимаем, что он — Хемингуэй! Но когда вышла его первая книга с короткими предложениями, скупым повествованием, сжатым, легко читаемым и сконцентрированным на сюжете стилем — это было радикально. Если вы подумаете о Керуаке — радикально. Генри Миллер — радикально. Гинзберг — радикально.

Лучший из лучших

В моей жизни писателя были захватывающие, потрясающие моменты. Впервые увидеть свою книгу в книжном магазине. Впервые услышать: «Черт возьми, чувак, мне нравятся твои книги». Я люблю начинать книгу и заканчивать ее. В ощущении, которое охватывает тебя, когда ты написал точную фразу, идеально подходящую для того, что ты хотел выразить, есть чистое удовольствие. У меня были чтения, на которых присутствовали тысячи людей, я продал десять или пятнадцать миллионов экземпляров своих книг, я собираюсь отправиться в книжный тур по всему миру. Какое-то время моя книга занимала первую строчку в списке бестселлеров по версии New York Times.

Вы думаете, *это* были лучшие моменты? Отнюдь.

Лучший момент — говоря о нем, я могу даже пустить слезу — это когда я напечатал последнее слово в «Миллионе осколков». Я посмотрел на него и расплакался. Не знаю, испытаю ли в своей писательской жизни момент лучше этого.

У меня соглашение с самим собой. Если когда-либо я буду озабочен мнением окружающих, или продажами тиражей, или количеством публики, приходящей на мои чтения, больше, чем желанием написать бомбу, которая взорвет человеческий мир, я брошу все и займусь другим делом. Я не собираюсь быть семидесятипятилетним стариком, пишущим всякую фигню только затем, чтобы потешить свое самолюбие.

Марвин Хаглер однажды просто взял и ушел из бокса. Все вокруг только и говорили: «Когда же он вернется?» Он не вернется. Я очень уважаю его за этот поступок.

Наступит момент, и я просто уйду. Никто никогда обо мне больше не услышит.

Джеймс Фрэй делится профессиональным опытом с коллегами

- В настоящем искусстве нет правил. Не стоит задумываться на тем, представителем какого направления ты являешься, в каком жанре работаешь, написал ли ты художественный роман или автобиографическую повесть. Чтобы быть писателем, необязательно заканчивать учебное заведение или иметь степень магистра словесных искусств. Ты либо можешь писать, либо нет.
 - Трудись.
 - Благодаря электронным книгам, в издательствах больше нет необходимости. Хочешь опубликовать книгу — сделай это сам.
 - Верь в себя. Если могу я, справишься и ты.
-

Глава 18

Кэтрин Харрисон

Уэри: в начале было все, так же как и сейчас. Сильнейший удар грома, и — бам, идет дождь из говорящих змей.

Большой свет — чтобы править днем, меньший свет — чтобы править ночью, вечно движущейся водой и неугомным воздухом. Мужчина опускается на колени, женщина открывает бедра, и оба задерживают дыхание, чтобы слушать. Воображение поможет услышать шаги Бога в прохладе дня...

«Колдовство» (*Enchantments*, 2012)

«Откровенно говоря, моя мать не была красивой женщиной...» — я прочитала первую строку первого романа Кэтрин Харрисон в 1992 году и сразу поняла, что нашла автора, которого ждала всю читательскую жизнь. Мне стало интересно: *кто* заявил, что мать рассказчика *была* красивой женщиной? *Кто* был тем категоричным рассказчиком, который решил оспорить это?

Критик из Booklist назвал произведения Кэтрин Харрисон «дьявольски захватывающими и убедительными». Харрисон, к сожалению, лучше всего известна своим «Поцелуем», но в этом нет ничего удивительного, поскольку книга посвящена исследованию ее четырехлетних сексуальных отношений с отцом, начавшихся, когда ей было двадцать лет. Прикрепить к Харрисон ярлык «Писательница, Которая Спала со Своим Отцом» — то же самое, что повесить бирку на Сильвию Плат «Писательница, Которая Убила Себя». Но огромные продажи тиражей и полемика, бушующая вокруг «Поцелуя», сделали свое дело. Кэтрин Харрисон заняла место, достойное ее: теперь ее имя в списке допущенных и избранных — списке бесстрашных, блестящих современных американских писателей, за которыми наблюдает вся страна; писателей, превращающих читателей в фанатичных поклонников, а своих коллег-литераторов — во вдохновенных последователей.

Биографические данные

Дата рождения: 20 марта 1961 года.

Родилась и выросла: Лос-Анджелес.

Ныне живет: Бруклин (Нью-Йорк).

Личная жизнь: муж — Колин Харрисон, писатель, редактор; вместе с 1988 года.

Семейная жизнь: трое детей: Сара, Уокер, Джулия.

Образование: Стэнфордский университет, бакалавр гуманитарных наук в области английского языка и истории искусств (1982); Мастерская писателей Айовы, магистр изящных искусств (1987).

Основная работа: преподает в Хантерском колледже мастерство мемуарной литературы.

Интересные факты

- Родители Кэтрин Харрисон поженились, девушка обнаружила, что беременна; обоим было по семнадцать лет; расстались, когда Кэтрин не исполнилось года. Ее воспитали бабушка и дедушка по материнской линии, и она не видела отца, пока ей не исполнилось двадцать лет.
- Бабушка Харрисон выросла и жила в Шанхае; этот факт вдохновил Харрисон написать роман «Плетеный стул». Ее британский дедушка был охотником на пушных зверей на Аляске, что стало толчком к роману «Жена тюленя».
- Литературный критик New York Times Митико Какутани назвала «Плетеный стул» «гипнотической прозой».

Сайт: www.kathrynharrison.com

Facebook: www.facebook.com/profile.php?id=646167544

Избранные работы

Романы

«Гуще воды», 1992

«Экспозиция», 1993

«Яд», 1995

«Плетеный стул», 2000

«Жена тюленя», 2002

«Зависть», 2005

«Колдовство», 2012

Автобиографическая и документальная проза

«Поцелуй», 1997

«Дорога в Сантьяго», 2003

«Святая Тереза из Лизьё», 2003

«В поисках исступления», 2003

«Материнский узел», 2004

«Пока они спали», 2008

Кэтрин Харрисон

Почему я пишу

Я пишу, потому что только это занятие из всего, что я знаю, дает мне надежду доказать себе, что я достойна любви. Это все связано с матерью, с нашими отношениями. Я провела детство в попытке переделать себя в ту девочку, которую она могла бы полюбить, и я привнесла этот нюанс в процесс сочинительства. Не намеренно. Но я на все смотрю сквозь призму желания привлечь к себе внимание матери — теперь к той, какой я стала, к моему нынешнему воплощению. Душа моя всегда тянется к книге, еще не вышедшей, — может быть, в ней, новой книге, мать увидит меня и поймет, что я достойна ее любви.

Я была нервозной школьницей. Получала твердые пятерки с седьмого по двенадцатый класс. Мне доверили произнести прощальную речь от нашего класса. Мой дедушка предложил давать по десять долларов за каждый высокий балл. Я сказала: «Оценки не продаю». Моя учеба в школе была единственным делом, которое я ощущала своим. В этом мирке я все могла держать под контролем; в большой жизни так не получалось. Это научило меня быть прилежной, приходить домой и делать домашнюю работу. Я до сих пор еще школьница. Я люблю исследования, «домашнюю работу» при написании книги.

Я планировала поступать в университет на медицинский факультет. У меня были бесчисленные фантазии на тему моей блестящей докторской карьеры, но однажды я пошла на лекцию в колледж, так как изучала в школе историю искусств, и обнаружила, что можно сидеть в темноте, смотреть на прекрасное, а потом писать об увиденном. Я поняла, что это мой путь, мой безвозвратно.

Когда все отлично, литературный процесс рождает чувство экстаза. Но даже когда работа продвигается тяжело, она все равно притягивает. От работы над текстом я получаю очень много, но самое ценное — это возвышенные моменты, дающие мне силы не утратить веры в себя — даже если речь идет об одном предложении в тексте. Я делаю это предложение абсолютно правильным, и чувство восхищения, которое

охватывает все мое существо, рождает еще большее желание быть достойным любви. Конечно, я жажду одобрения, ведь похвала — сестра любви. Но для меня могло бы быть значимым даже небольшое подтверждение от читателя — пусть даже по мелочам, — что он понял и увидел то, что я надеялась показать.

Еще я пишу потому, что проза — это инструмент, которым я владею, и с его помощью я могу объяснять окружающий мир. Видимо, для меня это единственный действенный метод. В старших классах я открыла восхитительный процесс набора текста — это такая возможность излагать мысли, показывать разные вещи, исправлять их. Набор текста приносил не только утешение, — этот процесс стал для меня местом, где я могла жить. До появления флешек я всегда носила с собой распечатку текста, над которым работала. Без текста я не могла выйти из дома. Причем доходило до таких фантазий: начинается пожар, в доме все сгорело, но мой текст со мной. Я живу только сочинением прозы.

Литературный труд — дело одиночек. Ведь нужно суметь, но самое главное — захотеть работать долгие и долгие месяцы, и никто тебе не скажет: «Ты справляешься, продолжай». Нужно хотеть жить в постоянном состоянии неопределенности. Немногие к этому приспособлены. К счастью, я одна из них.

Когда я погружена в книгу, вот вся я: личность, работающая над «Колдовством». Когда я теряю связь с текстом, то на какое-то время снимаюсь с якоря. Мне тяжело отпускать одну книгу, прежде чем стать преданной другой. У меня есть некоторое количество незаконченных рукописей, которые, как я понимаю сейчас, оглядываясь в прошлое, были промежуточными масками, за которыми я могла спрятаться, прежде чем приступить к следующей книге. До тех пор пока я не добьюсь сцепления с новой прозой, я не могу не писать.

В сочинительстве я люблю свободу, и в такие творческие моменты я наиболее полно становлюсь самой собой и в то же время совершенно освобождаюсь от себя. Мне не нравится быть наедине с самой собой, когда я не пишу. Я не очень люблю одиночество. Но в момент творчества, когда я погружаюсь в это странное парадоксальное бытие одновременного приятия и отрицания самой себя, я становлюсь трансцендентально счастливой и даже восторженной. Правда, такие

моменты происходят редко — думаю, они составляют не более двух процентов от общего времени, — но они запоминаются. Минуты такого восторга сравнимы с наркотическим кайфом, к которому ты вынужденно возвращаешься и возвращаешься.

Когда пишешь, перед тобой возникают бесконечные возможности. Ненаписанное предложение... Возможно, оно будет тем самым, единственным и неповторимым, которое сделает жизнь понятной, раскроет красоту мира, покажет его порядок — порядок, который иногда кажется таким хаотичным и жестоким. Когда меня спрашивают, какая из моих книг лучшая, я всегда отвечаю, что, надеюсь, та, над которой работаю сейчас. Если моя проза не будет соответствовать обещанному мною, у меня не останется ни одного стимула писать. Я уже не говорю о внутреннем давящем состоянии, которое заставляет меня биться над каким-нибудь куском до тех пор, пока он не покажется мне приемлемым, достаточно хорошим на данный момент — таким хорошим, что я смогу перечитать его через день и даже через месяц. Я очень зависима от этих внутренних процессов, причем неважно, что придется испытать позже: ощущение провала или успеха.

Для меня творчество неотделимо от мыслительной работы. Я точно могу сказать, что литературный труд превращается в громадное мысленное сооружение, которое спасает меня от собственных демонов. Это то, что я люблю и что дает мне ощущение моей неповторимости.

Где я пишу

Мой рабочий кабинет похож на гробницу. У меня больше нет биологических родственников; все, что осталось от той, родной, семьи, хранится в моем кабинете, заполняет полки и стоит возле стен. Какие-то особенные вещи, любимые книги, орхидеи, которые выращивала мать на окне при особом освещении. Каждый дюйм стены покрыт портретами моей семьи и портретами, которые написала моя старшая дочь, художница. Эта комната делает меня счастливой. Я прихожу сюда за утешением, даже когда утешение недоступно.

Как я пишу

Я начинаю с карточек. Банально до слез, но это правда. Для меня нет ничего более приятного, чем стопка карточек, а рядом лежит ручка. Прямо сейчас на моем столе — стопка нарезанной бумаги и куча карточек, на которых я уже что-то набросала. Они ожидают, когда я их отсортирую, систематизирую и аккуратно расставлю в приготовленную заранее симпатичную коробку. Для текста, над которым я сейчас работаю, я сделала разграничители с надписями «Предсказания», «Изложение», «Завершение», «Предательство», «Мучение».

Литературный труд — на редкость странное занятие. От тебя не требуется практически никакой мышечной нагрузки, но при этом ты чудовищно устаешь. Видимо, от огромной затраты умственной и психической энергии. К концу дня я чувствую себя совершенно выжатой, но счастливой.

Я могу испытывать напряжение, когда пишу. Чем больше устаю, тем напряженнее становится тело. Я так сжимаю челюсти во время письма, что однажды сломала зуб. Десятилетия спустя я, наконец, поняла, как можно ослабить это мышечное напряжение. Мое тело довольно послушно откликается на мое эмоциональное и умственное состояние. Если я довольна своей дневной работой и выхожу из кабинета вполне удовлетворенной, то напряжение отпускает.

Хвала потной футбольной форме

Никому не ведомо, что было бы со мной, живи я одна, без людей, нуждающихся в моей заботе. Скорее всего, стала бы монстром. Необходимость обихаживать семью, готовить еду и время от времени стирать футбольную форму замечательно предотвращает процесс обратного превращения человека в обезьяну — причем в обезьяну, балующуюся кокаином. Есть от чего мозгам взорваться.

Мы с мужем познакомились во время последипломного обучения, в Мастерской писателей Айовы. Он мгновенно понял, что мне противопоказано жить одной. Мой холодильник всегда был пуст. У меня нет инстинкта самосохранения. Я обязана своей стабильной жизнью людям, о которых забочусь. Невозможно сбиться с пути, когда

есть дети. Я могу работать без сна и отдыха огромное количество часов, но мои близкие не допустят этого. Они всегда на страже.

Муж, когда женился на мне, хорошо знал, что за сокровище ему досталось, да еще в придачу с приданым... в виде множества скелетов в семейных шкафах. У него великолепная интуиция. Он понял, что я могу держаться на плаву лишь благодаря определенным сдерживающим механизмам. И сочинительство, конечно, из их числа.

Писать книги — это работа. Если собираешься делать дело, то надо трудиться каждый день. Следует спать положенное количество часов. Не приобретать вредных привычек или избавляться от них. Я никогда не романтизировала труд писателя. На курсах наши коллеги пили по ночам, потом сломя голову неслись домой, чтобы успеть хоть что-то написать в три утра. Все они считали, что их произведения будут исключительными, поскольку создатели творили их в незаурядной богемной атмосфере. Нельзя писать, сидя на чердаке, создавать особые условия и надеяться на приход музы.

Прыжок через пропасть

В конце 1980-х годов я работала книжным редактором в Viking Penguin. Мне нравилась моя работа. Она была интересной, но главное, помогла мне преодолеть железобетонную стену, обычно стоящую между издателями и писателями. Я стала разбираться в книгоиздательском процессе, что, безусловно, было полезным делом. Но после шести месяцев моего увлеченного труда муж заявил: «Это глупо. Ты работаешь над произведениями других людей, вместо того чтобы создавать свои». Мне не хотелось огорчать мужа, поэтому я начала вставать в пять утра и писать до семи, потом отправлялась на работу. Так я написала свою первую вещь.

Когда я закончила роман, то показала его коллеге-редактору — мы работали вместе в Viking. Она сказала мне послать его Аманде Урбан, или, как ее все звали, Бинки, — одному из самых влиятельных агентов в Нью-Йорке. Я ужасно боялась, но роман послала. Через два дня мне позвонил ее секретарь и сказал, что она хочет меня видеть. Меньше всего я надеялась, что Бинки примет меня как клиента. Честно говоря, думала я о другом: она специально пригласила в свой офис, чтобы с

глазу на глаз отчитать меня за наглость и вежливо попросить никогда к ней больше не обращаться. К тому времени я проработала в Viking уже пару лет и была на девятом месяце беременности. Такой я и предстала перед ней.

Бинки, поздоровавшись со мной, сразу перечислила издательства, которым собиралась послать рукопись, и заявила, что проведет между ними конкурс. Я сидела со своим девятимесячным животом и на все тупо кивала. Выйдя из офиса, бросилась звонить мужу. Он спросил, что случилось, я ответила, что сама ничего не понимаю. Он спросил: «Бинки Урбан — твой агент?» Я сказала, что, наверное, так и есть, но я настолько убедила себя в ее отказе, что сейчас просто не могла поверить своему счастью. Я вернулась в Viking. Была пятница. В следующий понедельник Бинки позвонила и сказала, что лучшее предложение сделало издательство Random House. А ведь я была готова провести в ожидании годы и честно складывать стопкой письма с отказами, а мне вручают золотую карточку и говорят: «Прыгай!»

Ко времени, как книга была запущена в производство, у меня на руках уже был малыш. Мне требовалось тридцать шесть часов в сутки. Муж работал редактором и между делом тоже писал роман, но мы оба знали, что, в отличие от меня, он не страдает тяжелой формой зависимости от литературного труда. Поэтому он остался на службе, а я со своей ушла. Было страшно оставлять хорошее издательство и регулярный доход. Мы пошли на риск, и он окупился. Все это происходило в далеком 1990 году.

Опыт безрассудства

Лучшим и худшим, самым волнующим и самым ужасным писательским опытом стала работа над «Поцелуем». Я написала его после курса психоанализа, длившегося несколько лет. Пошла я к специалисту с одной целью: вместе с ним разобраться в своих отношениях с матерью, отцом и с тем, что произошло между нами троими. Я хотела — мне так казалось, что хотела, — иметь перед глазами что-то вроде диаграммы, обнажающей каждый сантиметр нашей вины.

В конце концов, осознав, что сама себя загнала в тупик и установление вины не поможет мне составить четкого представления, я пережила восхитительный момент прозрения. Я увидела нас со стороны: мать, отца, себя, — и меня осенило, что в моей власти описать все, что случилось с нами. По крайней мере, стоило попытаться вскрыть неприглядное прошлое и превратить его в понятную историю. Хотя я и тогда допускала, что найдется мало желающих ее выслушать.

Как только я начала работу, то сразу выяснилась очевидная вещь: уже долгие годы мысленно я писала свой «Поцелуй». Появлялись какие-то фразы, которые я повторяла по нескольку раз, но не записывала. Находясь в состоянии сильного морального напряжения, я создавала — не без внутренней борьбы — текст из того, что переполняло меня целое десятилетие. Просыпалась каждое утро в три, отводила детей в школу в семь, снова садилась за стол и работала до тех пор, пока они не возвращались домой в половине четвертого; вечером, уложив их спать, снова садилась за работу и писала до полуночи. Потом ложилась рядом с мужем на несколько часов, вставала в три — и все по новому кругу. Очень боялась, что если остановлюсь, то вряд ли заставлю себя продолжить.

Когда книга вышла из печати, она спровоцировала бурные дебаты, сводившиеся к одному вопросу: нормально ли писать о таком. Я считаю, что писать можно о чем угодно. Ни одну тему нельзя исключать из мира слов; книги для того и существуют, чтобы мы могли свободно излагать свои мысли. Вышла масса критических статей, и все они заканчивались одинаковым призывом ко мне: «Заткнись!»

Эти критики буквально распинали меня. Должна сказать, что стоять у позорного столба на глазах у целого мира было довольно тяжело. Я читала все статьи о «Поцелуе» только затем, чтобы найти в них хоть крупицу конструктивного анализа, но авторы лишь смаковали пикантные детали, по ходу уничтожали мою репутацию, не гнушаясь никакой клеветой, — выглядело все это крайне уродливо.

Я считаю себя автором, который будоражит и провоцирует читателя, и я знаю, что мои книги никого не оставят равнодушными: кто-то действительно их любит, а кого-то возмущают темы, которые я выбираю (или они выбирают меня?), кто-то находит мои книги

оскорбительными. Пусть. Мне нравится быть таким писателем, по крайней мере мои произведения избегают самой грустной участи: прочитали их и тут же забыли.

Мне нравится задевать за больное. Мне приятно узнать от человека, что моя книга спасла ему жизнь, и интересно выслушать прямо противоположное, с рекомендацией запереть себя в психушке, чтобы обезопасить общество. А вот прохладные, равнодушные отзывы меня настораживают — для меня это сигнал, что где-то что-то я сделала не так. Я не изображаю себя тем, кем хочу быть. Я изображаю себя такой, какая я есть на самом деле.

Если бы такую книгу написал мужчина — скажем, мой отец, — возможно, на него не нападали бы столь яростно за то, что он осмелился откровенно говорить о постыдном. Я вышла из этой истории с «Поцелуем» не то что травмированной, а просто разорванной на части, но в конечном итоге это пошло мне на пользу. Я вдруг поняла, что после всего сказанного и написанного обо мне уже не могу совершить ничего страшнее того, чего бы я о себе уже не услышала. Честное слово, это развязывает руки.

Кэтрин Харрисон делится профессиональным опытом с коллегами

- В конце рабочего дня оставьте на столе записку — своего рода инструкцию, напоминающую, с какого места или с какой проблемы начать работу завтра. Так вы быстрее ориентируетесь, когда сядете за стол.
 - Мы все знаем талантливых людей, растративших свои жизни; мы знаем и упертых, которые продолжают навязывать себя читателю даже в том случае, когда их покинуло вдохновение, даже тогда, когда они потеряли веру в свою работу. Хорошо обладать *и* талантом, *и* дисциплиной, но нет замены самодисциплине.
 - Не изображайте себя тем, кем хотите быть. Изображайте себя таким, какой вы есть.
-

Глава 19

Гиш Чжень

Ты заметил бы тысячелетние кипарисы — бай шу — некоторые из них стоят прямо, некоторые склоняются к земле. И их кора — ты увидел бы, если посетил бы, — вертикально скрученная, с глубокими бороздками на прямых стволах, что поднимаются ввысь. Они выглядят так, словно кто-то расцарапал их граблями, а потом скрутил, неизвестно зачем.

«*Мир и город*» (*World and Town*, 2010)

«**Ч**жень знает, как создавать вдумчивых персонажей, которые могут говорить и думать о сложных вопросах и не заставлять нас записывать за ними», — написал рецензент *Washington Post* Рон Чарльз о «Мире и городе». Критик *New York Times* Митико Какутани в рецензии на «Любимую жену» написала:

Госпожа Чжень берет большие социальные вопросы вроде расовой принадлежности и расовых предрассудков, пропускает их сквозь призму... личностей, являющихся невольниками собственных причудливых эмоциональных историй; они ни на мгновение не воспринимаются как среднестатистические представители определенной этнической группы.

Китайская американка во втором поколении, чьи родители иммигрировали в США в 1940-х годах, романист Гиш Чжень построила свою литературную судьбу на мастерстве и противоречии. Чистая сила ее прозы заслужила ей преданных поклонников и множество восторженных отзывов и наград, включая *Strauss Living* от Американской академии искусств и литературы. Пока она бросает вызов укоренившемуся мифу об американском «плавильном котле» — так поступает тот, кто знает страну и извне, и изнутри, — она может противостоять ярлыку «романист-иммигрант».

Биографические данные

Дата рождения: 12 августа 1955 года.

Родилась и выросла: Лонг-Айленд (Куинс); росла в Скарсдейле (Нью-Йорк).

Ныне живет: Бостон.

Личная жизнь: замужем.

Семейная жизнь: двое детей.

Образование: Гарвардский университет, бакалавр гуманитарных наук (1977);
Мастерская писателей Айовы, магистр изящных искусств (1983).

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): стипендии Фонда Гуггенхайма, Института перспективных исследований Рэдклиффа, Национального фонда поддержки искусств и комиссии Фулбрайта; Strauss Living от Американской академии искусств и литературы; Литературная премия Lannan; член Американской академии искусств и наук.

Интересные факты

- Лиллиан Чжень — имя, данное Гиш Чжень при рождении; под ним она опубликовала свой первый рассказ. Одноклассники — любители кино в старшей школе прозвали ее Гиш в честь актрисы Лиллиан Гиш.
- Чжень готовилась к поступлению на медицинский факультет в Гарварде, потом думала изучать право, в итоге поняла, что хочет заниматься литературным трудом, но поступила в школу бизнеса Стэнфорда.
- У Чжень не было доступа в библиотеку до пятого класса, когда ее семья переехала из Куинса в Скарсдейл.

Сайт: www.gishjen.com

Facebook: www.facebook.com/pages/gish-jen/112020422148586

Избранные работы

Романы

«Мона в земле обетованной», 1996

«Любимая жена», 2004

«Типичный американец», 2007

«Мир и город», 2010

Сборник рассказов

«Кто ирландец?», 1999

Периодические издания

The New Yorker

The Atlantic Monthly

The New York Times

The Los Angeles Times

The New Republic

Гиш Чжень

Почему я пишу

Писательство — это часть моей сущности в мире. Еда, сон, писательство — все едино. Я не думаю о том, почему я пишу, — мне же не приходит в голову думать, почему я дышу. Плохо, когда не можешь писать, — так же, наверное, будет плохо, когда я не смогу дышать.

Когда я пишу, то забываю о себе. Я переселяюсь в своих героев, в истории. Я знаю, что работа идет хорошо, когда смотрю на часы и вижу, что уже десять вечера, а в последний раз я на них смотрела, когда был полдень.

Моя литературная работа всегда была очень интуитивна. Я начинаю произведение без плана, никогда не заглядываю вперед. Я смотрю только на то, что делаю, а потом поднимаю глаза и осознаю, что уже нахожусь на другом берегу озера; из этого я делаю вывод, что плыла.

Почему я не должна была писать

Довольно большое количество азиатских американцев чувствуют себя неловко, когда говорят о себе или привлекают к себе внимание. С рождения мы приучены думать о себе с точки зрения наших социальных ролей, поэтому, когда мы говорим о детстве, некоторые из нас рассказывают о собственном детстве, но некоторые — больше о других, нежели о себе.

Вопрос повествования для меня всегда был сопряжен с вопросом расовой принадлежности. Это одна из причин, почему я так долго шла к идее заниматься литературным трудом.

Для меня, маленькой девочки, книги представляли огромную ценность, поскольку у нас их было немного. Мои родители мне не читали, я ходила в католическую школу, где была библиотека лишь с пожертвованными книгами. Тем не менее моя бабушка присылала мне книги на Рождество: «Хайди» Иоханны Спири, «Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт. Каждую я читала по тысяче раз.

Стихосложение

В первые годы обучения в колледже я по случайности ходила на курсы литературного мастерства. Это были занятия по стихосложению, которые вел переводчик Роберт Фицджеральд. Я записалась к нему, поскольку чувствовала, что не понимаю поэзии. Почему у стихов такие короткие строки? Почему бы поэтам не выражать, что они имеют в виду, более просто? Из описания курса я не поняла, что мне самой придется писать стихи, но, когда все прояснилось, я подумала: «Ну и что, попробую; я всегда могу бросить занятия, если ничего не выйдет». Так я написала свое первое стихотворение и тотчас же полюбила его. Я сказала соседке по комнате: «Если я могла бы делать это каждый день всю оставшуюся жизнь, я писала бы стихи».

Но люди с моим происхождением не становились писателями, и возможно, я не писала бы сегодня книги, если бы Фицджеральд не сказал мне: «Почему ты на медицинских курсах? Ты должна работать со словом. Если не собираешься стать писателем, тебе следует заняться хотя бы редактурой». Затем он позвонил своему редактору в Doubleday и сказал: «У меня есть студентка. Ты должен дать ей работу».

Сейчас я осознаю, что такое случается не с каждым, но в 1977 году я недостаточно знала об окружающем мире, чтобы удивиться. Я скорее восприняла поступок учителя как услугу, ну, если он мне сказал бы: «Я знаю дешевую квартиру, которую ты можешь снять», — что-то полезное и только.

У Doubleday тогда была образовательная программа для сотрудников, по которой организация платила за любые внешние курсы, которые хочешь пройти. Поэтому я пошла на курсы документальной и научно-популярной литературы в Новой школе, а когда я сдала свое задание, учитель сказал: «Это лучшая работа из всех, что я видел за последние годы. Ты должна серьезно подумать. Тебе надо быть писателем». Я подумала тогда: «Как странно. Еще один человек считает, что я должна писать». Я начала покупать литературные журналы и общаться с людьми, интересующимися литературой. Одним из них был Джонатан Уэйнер, позже написавший

«Клюв зяблика»; в те годы он отошел от поэзии и переключился на научно-популярную литературу, которая его очень воодушевляла.

Через некоторое время стало ясно, что, работая в издательстве, я не делала то, что действительно хотела (писать книги), да и платили не очень много. Родители, конечно, желали, чтобы я занималась чем-нибудь более практичным. Мой отец постоянно говорил: «У тебя должен быть талон на обед», — это был образ, наиболее близкий его пониманию, поскольку в душе он остался иммигрантом. Поэтому я подала заявление в школу бизнеса; к этому времени я уже прошла подготовительные медицинские и юридические курсы, а вот вопросы управления я еще ни разу не рассматривала как возможный вариант.

К моему удивлению, я поступила и в Гарвард, и в Стэнфорд, остановилась на Стэнфорде, потому что там была хорошая программа писательского мастерства. Я, честно говоря, была совсем сбита с толку, но все-таки посещала занятия по художественной литературе, пока училась в школе бизнеса, и они были чудесны. Сначала я прошла продвинутый курс с Майклом Куком. Потом поняла, что не знаю основ, поэтому вернулась и прошла курсы для начинающих со Стефани Вон. Все это несколько отдавало сумасбродством, но Майкл и Стефани были по-настоящему талантливыми учителями, и они многому меня научили.

После первого семестра я забыла об управлении и школе бизнеса. Вместо этого постоянно читала; за тот год, думаю, я прочитала сотню романов.

Наконец, я взяла отпуск и записалась в Мастерскую писателей Айовы.

Айова

Я была в Айове в начале 1980-х годов, в гораздо более простое время. Сейчас там всюду агенты программ магистрата изящных искусств, но тогда агенты были еще в далеком будущем. Я не помню, чтобы кто-то обсуждал агентов или думал, как их заполучить; об издательствах тоже не особенно говорили. Все думали только о работе.

В Айове я училась вместе с Бэрри Ханна, который однажды проводил конкурс работ, написанных в стиле Раймонда Карвера.

Конкурс был анонимным: мы все подписывали свои работы именем «Раймонд Карвер». Поэтому на следующий день, когда Барри объявлял победителя, он поднял работу и спросил, кто ее написал. Я онемела, когда поняла, что это моя работа, и я должна был поднять руку. Я до сих пор помню этот момент — и счастливый, и ужасный одновременно. Недавно кто-то сказал мне: «Ты замечательный оратор, но почему все твои рассказы о смущении?» Я поняла, что в этом есть доля правды. В общем, так все складывалось. Я опубликовала под своим настоящим именем Лиллиан Чжень первый рассказ, когда еще участвовала в программе издательства. Как только я увидела «Лиллиан», я подумала, что та личность, которая написала рассказ, была не Лиллиан; и после я всегда издавалась под именем «Гиш». Гиш — прозвище, которое я получила в школе.

Я не знаю, что из этого было курицей, а что — яйцом, но мое становление как писателя во многом связано с принятием этой второй личности, созданием человека, который писал. Лиллиан была милой китайской девочкой. Гиш уже не так мила и послушна. Гиш стала той, кто открывает мне дверь, когда я возвращаюсь ночью в общежитие колледжа, той, кто попадает во всевозможные неприятности. Все то, что не было доступно для Лиллиан, было доступно для Гиш. Я все еще думаю, что Лиллиан весьма исполнительная. Я ответственный человек. Я мать двоих детей и член общества, более или менее стабильно стоящий на ногах, но, будучи Гиш, я обрела свободу, которой Лиллиан не знала. Свобода пришла, когда я начала писать.

Девяносто слов в минуту

После того как я окончила в 1983 году Мастерскую писателей Айовы, я вышла замуж и переехала на восток, потому что и моя семья, и мой муж были там. Мне была нужна работа, и я подумала: может быть, стоит попытаться и вернуться в издательское дело. Я могла, например, устроиться на работу в университетскую типографию. Я прошла тест на набор текста, и женщина, принимавшая экзамен, сказала: «Вы напечатали девяносто слов в минуту без ошибок. Я уверена, что мы сможем найти вам работу». Я ликовала. Но на самом деле она ничего не могла и ничего не нашла. Шли месяцы; пока я ждала вакансии, мне пришла мысль подать заявку на стипендию Бантингского института, хотя, честно говоря, я не думала, что у меня был хоть малейший шанс ее получить. Я была в этом так убеждена, что, когда они связались со мной и сказали, что в моих бумагах не хватает одной рекомендации, я ничего не стала делать.

В это время мне случилось обедать с поэтессой Мартой Коллинз. Пока мы разговаривали, как-то всплыла тема моей заявки и отсутствующей рекомендации, на что она ответила: «Я дам рекомендацию». Я сказала: «Все равно я не получу Бантинг», но она отправилась прямо в дирекцию университета и сказала, что она мой второй рекомендатель. И той осенью я стала членом Бантингского института в Рэдклиффе.

Первым моим днем был понедельник. Я помню, как все сидели в кругу, представлялись, и, когда очередь дошла до меня, я представилась как «будущий писатель», на что одна женщина стала возражать и делала это до тех пор, пока я, наконец, не признала себя настоящим писателем. Там царил такая благожелательная атмосфера ожидания, что к пятнице я решила написать роман. Помню, как писала первую строку романа, который потом стал «Типичным американцем». Вижу, как печатают пальцы: «Это американская история».

Мной начали интересоваться агенты, в основном узнававшие обо мне по опубликованным рассказам; я писала им всем, что свяжусь с ними, когда у меня будет роман, и завела специальный файл с их именами. Завершив роман, я открыла этот файл и разослала агентам свой текст. К моему удивлению, он всем понравился. Я выбрала

агента, который затем нашел несколько заинтересованных издательств, и мы продали книгу Сеймуру Лоуренсу из Houghton Mifflin. Все казалось невероятным. Если честно, я до сих пор не могу в это поверить.

У меня уже был ребенок, и я знала, что для работы придется искать какое-то помещение вне дома, — кстати, именно это я рекомендую сделать молодым матерям, пытающимся писать. Поскольку я получила довольно большой аванс, мне удалось приобрести маленький офис. Какое это удовольствие! Когда я зашла в него впервые, то подумала: вот и я стала постоянным обитателем литературного мира.

Маленькое заколдованное пространство

Мой путь к успеху совершенно необыкновенный. Я невероятно благодарна за все, что со мной произошло, что мне помогли найти мое место в литературном процессе. Теперь я имею возможность писать и ужасно боюсь за других писателей.

У меня такое чувство, будто в самый последний момент я успела запрыгнуть в лодку, уже отчалившую от пристани. Конечно, в мультикультурном пространстве огромное множество проблем, но мой пример свидетельствует, что даже те, кто никогда не мог стать писателем в силу своего происхождения и воспитания, теперь пишут книги. Это может здорово поменять мир.

Я продолжила жить в своем маленьком заколдованном пространстве, куда входили замечательное издательство Knopf и мой потрясающий редактор Энн Клоуз. Я пошла на огромный риск, занявшись сочинительством книг и превратив это в дело своей жизни, но мой дом, мои близкие всегда находились рядом и поддерживали меня на каждом шагу.

Я даже не представляла, что издательский процесс настолько сложен. В этом вопросе я, конечно, была полной невеждой, пока мои собственные интересы не пересеклись с книгоиздательским бизнесом, с распространением и продажей книг. Я не знала, каким тиражом продавались мои книги — это никак не входило в круг моих жизненных интересов. Честно говоря, для меня это до сих пор большая загадка, хотя в общем в ситуации я уже разбираюсь лучше,

чем раньше. Могут ли молодые люди позволить себе подобную невинность? Я знаю, что литературный процесс — то дело, в котором мы все участвуем, — слишком уязвим и хрупок на фоне господствующей ситуации. Поэтому каждый, кому небезразличен писательский труд, должен стать большим реалистом, чем был в прошлом.

Есть одно обстоятельство, которое неизбежно отсекает многих хороших писателей в самом начале их творчества, — это невозможность получить предварительный гонорар или грант, на который можно было бы жить. Не хочу сказать, что писатели переведутся, но намечается определенная тенденция: вперед выбьются одаренные авторы, имеющие хорошие средства к существованию. Сегодня одного таланта мало. Кому-то, может быть, удастся создать одну или несколько книг, но не больше. Мы легко можем наблюдать подобные процессы на примере формирования правящих кругов и других элитарных сообществ; это можно назвать социальной штангой, когда люди с большим материальным достатком без труда добиваются успеха, выходцам из непредставительных групп может лишь неожиданно повезти, а в середине — пустота, которую никто не может заполнить. Мне — как человеку, который никогда без посторонней помощи *не смог бы* стать писателем, — невыносимо видеть эту социальную несправедливость.

Я приветствую и поддерживаю любое усилие, направленное на то, чтобы литературное творчество оставалось *живым делом* всех талантливых людей. Мы не должны допустить, чтобы этот процесс угас. Нам, писателям, надо разъяснять всем читателям, что книги обогащают их жизнь; надо поддерживать авторов, чтобы они продолжали создавать книги, потому что они помогают людям жить. Кризис чтения в современном обществе должен мобилизовать писателей, им следует направить весь свой талант на то, чтобы говорить правду. Конечно, это не решит наши проблемы, но все лучше, чем ничего.

Гиш Чжень делится профессиональным опытом с коллегами

- Литературное творчество — нелепый способ заработать. Если вы пишете, то и пишите — делайте это не из-за денег, а ради иного, более глубокого удовлетворения.
 - Читателям интересно, что происходит в других уголках мира, потому что сквозь призму мировых событий мы сможем понять происходящее у нас. Писательский труд интернационален по сути, а сами писатели представляют собой международное сообщество. И важно об этом помнить.
-

Глава 20

Себастьян Юнгер

Афганистан, долина Коренгал.

Весна 2007 года

О'Бирн и группа солдат из боевой роты прибыли на последней неделе мая — реки были еще полными, а на верхушках гор лежал снег. Покружив вокруг большой темной горы Абас Гар, «Чинуки» в сопровождении «Апачей»^[56] тяжело опустились над долиной и в клубах пыли приземлились на маленькой посадочной площадке.

«Война» (*War*, 2010)

Его книги пользуются невероятным успехом — на сегодняшний день у него четыре бестселлера; его документальный фильм потрясает до глубины души — фильм «Рестрепо» стал номинантом «Оскара» и получил Большой приз на кинофестивале «Сандэнс»^[57] в 2010 году. Однако не имеет никакого значения, сколько еще книг он напишет и сколько фильмов снимет, — Себастьян Юнгер навсегда останется в памяти читателя и зрителя благодаря своей первой книге и ее воплощению на экране. Кто из нас не употреблял выражения *идеальный шторм*? Кто, услышав его, сразу не вспомнит замечательный кадр: Джордж Клуни, стоящий за рулем рыболовного судна — такого крошечного, почти игрушечного, на фоне гигантских волн?

Еще одно выражение, которое навсегда будет связано с Себастьяном Юнгером, — *типичный военный репортер*. Юнгер вел репортажи из самых страшных горячих точек мира, в том числе из Нигерии и Афганистана, откуда посылал свои заметки даже в *Vanity Fair*. На основе афганского материала он вместе с близким другом и коллегой Тимом Хетерингтоном сделал документальный фильм «Рестрепо»^[58]. Хетерингтон погиб в Ливии в 2011 году — убит выстрелом из миномета, когда вел репортаж с первой линии обстрела во время гражданской войны. Говоря со мной о смерти ближайшего друга, Юнгер произнес: «Кабы не милость Божия, так шел бы и я»^[59].

Биографические данные

Дата рождения: 17 января 1962 года.

Родился и вырос: Белмонт (Массачусетс).

Ныне живет: Нью-Йорк; полуостров Кейп-Код («Мыс трески»).

Личная жизнь: жена — Даниэла Петрова, писательница; вместе с 2005 года.

Семейная жизнь: детей нет.

Образование: Уэслианский университет, бакалавр гуманитарных наук в области антропологии культуры (1984).

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): премия National Magazine (2000); SAIS-Novartis Prize за достижения в области журналистики; награда PEN/Winship; награда DuPont-Columbia за достижения в области журналистики; Большой приз на кинофестивале «Сандэнс» (2010); номинация на Оскар (2010).

Интересные факты

- Все книги Юнгера становились бестселлерами по версии New York Times. «Идеальный шторм» держался в списках бестселлеров более трех лет.
- Фонд «Идеальный шторм» (Perfect Storm Foundation, 1998) создан для детей гражданских и военных моряков, чтобы дети могли «получать достойное образование».
- Себастьян Юнгер — совладелец нью-йоркского ресторана Half King (с приятелем Скоттом Андерсоном и кинорежиссером Нанетт Бурстейн), где подают, как в «настоящих пабах», «правильную еду»; ресторан также обслуживает художественные выставки и авторские чтения.

Сайт: www.sebastianjunger.com

Facebook: www.facebook.com/sebastianjunger

Twitter: [@sebastianjunger](https://twitter.com/sebastianjunger)

Избранные работы

Документальная проза

«Идеальный шторм», 1997

«Огонь», 2001

«Смерть в Белмонте», 2006

«Война», 2010

Экранизация

«Идеальный шторм», 2000

Документальный фильм

«Рестрепо», 2010

Работа в журналах

Vanity Fair, редактор

Harper's

The New York Times

Magazine

Себастьян Юнгер

Почему я пишу

Во время работы над текстом у меня возникает измененное состояние сознания.

Я за рабочим столом. Обычно звучит какая-нибудь музыка, стоит чашка кофе. Раньше, когда я курил, рядом находились пепельница и сигареты; когда я старался воздерживаться от курения, во рту всегда была жвачка «Никоретте».

Поскольку я не пишу беллетристики, я обычно не напрягаю мозг в поисках блестящих идей. Мои «блестящие идеи» приходят из мира. Я их собираю, но необходимости их продумывать у меня не возникает. Все, что мне нужно сделать, — это воспринять увиденное и услышанное, то есть рассказы очевидцев, обнаруженные мною свидетельства человеческой деятельности, и перевести весь материал в формат последовательного текста, который люди захотят прочитать. Это странная алхимия, разновидность магии. Если все сделаешь правильно, то читать будут.

Когда я напишу хорошую фразу, параграф или главу — я всегда осознаю, что они удачны, и знаю, что люди это прочитают. Это знание очень воодушевляет, как будто ты говоришь себе: «Боже, я делаю это. Я снова сделал то, что сработает». У меня было полно неудач, поэтому я всегда знаю, когда делаю что-то плохо, — такой текст я удаляю безжалостно.

Но когда текст хорош... это как отличное свидание. Создание удачного текста — немислимо захватывающий процесс: тебя будто пробивает электрическим током, и это ни с чем не сравнимое ощущение.

Вверх по дереву без весла

Первый роман я написал в седьмом классе, писал от руки в зеленой с белым тетради для сочинений. Мой учитель прочитал его вслух всему классу, главу за главой. Неудивительно, что у меня не было друзей.

Я не думал о писательстве как профессии до того, как окончил колледж. Я сделал хорошую выпускную работу и, пока писал ее, испытывал эмоциональный подъем. Потом переехал в Бостон и время от времени работал фрилансером для изданий вроде Boston Phoenix. Опубликовал несколько коротких рассказов. Потом нашел агента, но в следующие десять лет он не заработал на мне ни цента. Я не достиг никакой критической массы ни в творческом, ни в финансовом плане. Я прорубался сквозь густой подлесок с тупым ножом. За десятилетие, что я писал и писал, я заработал пять тысяч долларов. А трудился я очень много и хорошо узнал, что значит что-то делать без гарантированного результата. Или вообще без результата!

Я брался за любую работу, пытаюсь понять, чем мне заняться. Работал в баре. На стройке. Потом смог получить несколько заданий от редактора City Paper, и мои статьи привлекли какое-то внимание. Затем, ближе к тридцати годам, я получил работу альпиниста в компании, специализирующейся на посадке, лечении и вырубке деревьев. Она мне очень нравилась. Это потрясающая и очень опасная работа. Нужно было быть крайне аккуратным и, как обезьяна, ловким. Там, кстати, я заработал хорошие деньги. В некоторые дни доходило до тысячи долларов. В другие дни приносил домой сотню. Однажды я наткнулся на свою бензопилу, когда был на дереве, и поранил ногу. Мне было тридцать лет. Пока я поправлялся, в голову пришла идея написать книгу об опасных профессиях. Люди постоянно гибнут на низкооплачиваемых, часто неуважаемых, производственных работах. Мы редко думаем о тех, кто выполняет такую работу, хотя вся страна от них зависит.

Я написал план будущей книги, назвав ее «Идеальный шторм». Книга о рыбацком судне, затонувшем во время сильного шторма у Глостера — города, в котором я жил. Я вручил план своему агенту и уехал в Боснию. Для себя я решил так: если мой агент продаст идею

книги, то я сочту, что успел прибежать к базе и стал лучшим игроком в бейсбол; если не продаст — я стану военным корреспондентом. Поэтому я спокойно полетел в Вену и сел там на поезд, идущий в Загреб. Причем никакого задания у меня не было. Я просто присоединился к группе независимых журналистов. Идея была очень простая: прыгнешь с обрыва — научишься летать.

Я очутился сразу в центре невероятных мировых событий. У меня было немного сэкономленных денег, жил я скромно, в компании с другими независимыми репортерами; мы все делали сообща, а расходы делили. В Загребе хорошая еда, великолепная местность, очень красивые женщины, и в войне все было ясно: кто прав, а кто нет. Лучше и быть не может, когда тебе тридцать.

Я начал записывать радиорепортажи — тридцатисекундные голосовые отрывки для различных радиосетей. Мне ничего не платили, но это были настоящие доклады с места событий. Писал множество статей, большая часть которых так и осталась неопубликованной. Одну напечатали в *Christian Science Monitor*.

Однажды, это был уже 1994 год, один из парней, с которыми я вместе жил, побежал за мной с криком: «Эй, послушай, тебе факс пришел». Факс оказался от моего агента. Жаль, я его не сохранил. Там было написано: «Продай твою книгу, надо вернуться домой». Я даже расстроился — совсем не хотел уезжать. Но агент выторговал мне аванс в тридцать пять тысяч долларов, поэтому, конечно, я вернулся. На самом деле ту книгу я написал бы и за десять баксов.

На работу над ней ушло три года. Я жил в неотопливаемом летнем домике родителей на Кейп-Код. Продолжал заниматься деревьями, потому что понимал необходимость запасного плана.

Идеальный шторм

В журналистике есть четкая грань между фактами и вымыслом. К соблюдению ее я отношусь очень серьезно. Журналист не имеет права на вымысел, он *не изобретает* сюжета и *не придумывает* диалогов — он точно описывает все как есть.

На середине работы над «Идеальным штормом» я столкнулся с ужасающей дилеммой. Я писал книгу о пропавшем судне. Но как

только рыбацкое судно отошло от берега, я потерял нить. Что писать о судне, которое неизвестно где? В чем действие? О чем люди говорят друг с другом? Каково умирать на корабле в шторм? Посреди повествования образовалась огромная дыра, и я не мог заполнить ее вымыслом.

Все, что я знал о работе писателя, пришло от чтения хороших работ других авторов — Тобиаса Вулфа, Питера Маттисена, Джона Макфи, Ричарда Престона. Кстати, Престон столкнулся с такой же проблемой в «Горячей зоне». Его главный герой умирает, отсюда возникают дыры в повествовании. Престон заполняет их, используя конструкции с вводными словами, указывающими на невысокую степень достоверности: «Мы не знаем, но возможно, он и сказал это... пожалуй, он так и поступил... У нас есть определенные сведения, что у него была температура выше сорока градусов, вот почему он мог и чувствовать это...»

Для меня это был выход: предложить читателям возможные варианты сценария и не врать. Оставаясь честным по отношению к фактологическому материалу, я просто рассмотрю вероятные ситуации, что безусловно соответствовало всем правилам журналистики. Поэтому я разыскал суда, пережившие шторм, и начал изучать их переговоры по радиосвязи. Теперь я мог написать: «Мы не ведаем, что случилось с моими ребятами на том судне, но знаем, что происходило на этом корабле». Я взял интервью у парня, пережившего подобную ситуацию на тонущем судне. Он рассказал мне, что, по его мнению, могло происходить с экипажем «Андреа Гейл», а я с его слов пересказал это читателю. Я заполнил пустоту, не нарушая правил и не прибегая к фантазии. Решение возникшей проблемы стало для меня очень значимым делом.

Успех приносит радость и страдания

«Идеальный шторм» вышел весной 1997 года. Издатель возлагал на нее определенные надежды, но никто не представлял, что будет такой большой успех. Книга держалась в списках бестселлеров в течение трех или четырех лет, какое-то время она занимала первую строчку. Студия Warner Bros. купила за приличные деньги сценарий, сделанный на ее основе. Создалось ощущение, будто передо мной были распахнуты все двери. На самом деле — не более чем фантазия писателя.

Я очень гордился своей книгой, но переход от частного лица к личности, находящейся в центре всеобщего внимания, был весьма мучительным. Я боялся публичных выступлений, но мне пришлось участвовать в туре по поддержке книги, говорить каждый день, иногда перед тысячами людей. Кажется, я был тогда совершенно окаменевшим.

У средств массовой информации есть эта странная черта. Если они решают, что ты им нравишься, они рисуют нереалистичный портрет, которому никто не может соответствовать. Мой рост — полтора метра, и люди, которых я встречал, постоянно говорили: «Я думал, ты под два метра». Что в моей книге есть такого, что делало меня высоким? Развернувшаяся суэта вокруг меня лишь увеличила во мне чувство неуверенности. Из-за этого я много занимался болезненным самоанализом. Я чувствовал, что внутренне съеживаюсь. Каждый день я чувствовал себя жалким. Лучше так и не стало.

Все ожидали от меня второй книги, но я не совершил этой ошибки и не стал писать сразу. Я вернулся к репортажам для журналов, ездил в Косово, Либерию, Кашмир, Афганистан, Нигерию, Чад и другие места. Писал о реальных событиях порой с безнадежным исходом. Мы, журналисты, делали свое дело, привлекая тем самым внимание всего мира, что потенциально могло спасти многие жизни. Мне посчастливилось работать рядом с очень опытными репортерами, но если я писал о Сьерре-Леоне в гламурный журнал Vanity Fair, то моя статья чаще привлекала внимание из-за моей популярности как автора известной книги.

Наркотик

Я приехал в Сараево в 1993 году с группой независимых журналистов, чтобы освещать происходящие там страшные события. За три недели я прошел путь от официанта до военного корреспондента. Ничто не сравнится с чувством, которое испытываешь, когда впервые видишь напечатанным свое имя.

К тому времени, как достигаешь уровня автора, чье имя красуется в списках Times, литературная работа становится просто частью бизнеса. Есть превосходные, умнейшие книги, никогда не попадающие в никакие списки, и есть полнейший мусор, всегда в них присутствующий. Это знает любой писатель. Ни для кого не секрет, что ни твое присутствие в списках, ни время, которое ты там продержался, не являются полным отражением качества твоей работы.

Бывают моменты — и во время военных действий, и сидя за рабочим столом, — когда трудно поверить, что все пропущенное через тебя может превратиться в страницу текста. Это проделки Всевышнего, или как там его назвать, не знаю, но вы точно пишете так, словно кто-то водит вашей рукой.

То, о чем я говорю, хорошо известно музыкантам-исполнителям: они часто удивляются после выступления, что понятия не имеют, почему так сыграли и откуда взялась эта мощь. Спортсмены, устанавливающие мировые рекорды, тоже признаются: «Я выступил далеко за пределами своих возможностей, совершенно не знаю, что это было». Такое случается и с писателями. Мы все жаждем обрести подобное состояние. Это и есть наш наркотик. Увидеть свое имя в списке Times? Ну что вы! Это слишком никчемно. Пустой опыт. Даже нельзя сравнивать.

Писатели против читателей

Я всегда отделяю себя от читателей, когда работаю. Я отлично знаю, что пишу для них, и много делаю ради учета их интересов — стараюсь, чтобы текст был и доступным, и востребованным.

Но в то же время я пытаюсь отстраниться от мысли, что меня может волновать их мнение. Я пишу для себя. Я изучаю мир, и литературный труд — мой способ его исследовать. Нельзя знать вкусы

людей, невозможно угодить каждому. Никто не мог предсказать, что «Идеальный шторм» будет хитом. Попавшее в шторм рыболовное судно? Издатели не знают. Читатели не знают. Никто не знает.

В каждой моей книге есть эпизоды, над которыми я думаю: «Не могу это оставить, ведь потеряю половину читателей». В «Идеальном шторме» таким местом стало доскональное описание, как движется волна. Кто захочет такое читать? Но я сказал себе: «История этого требует». Гигантские волны утопили судно; ты должен объяснить, почему и как это произошло».

В конце концов, если никто не будет читать скучные подробные описания, так тому и быть. Я всегда могу вернуться к своим деревьям, если моя затея с писанием книг провалится. Точно не конец жизни. Я еще только собираюсь написать свою лучшую книгу. И я буду включать темы и описания, которым читатели обычно противятся, — просто нужно быть более внимательным к языку изложения и более тщательно прорабатывать все фразы. Я заставлю их съесть этот шпинат. Сам я не люблю шпинат, но если добавить немного чеснока, то съем.

Почему я стараюсь писать хорошо

Сейчас я знаю: у меня есть своя аудитория, поэтому на мне огромная ответственность писать хорошо.

Я почувствовал потребность в этом, когда начал работать над «Войной». О последних двух войнах написана сотня книг; кто я такой, чтобы добавлять свой голос в этот хор? Поэтому возникла необходимость написать что-то сильное и полезное. Что-то нужное людям. Мне захотелось создать невероятно глубокую вещь.

«Война» написана за шесть месяцев. Работа над ней сдвинула во мне какие-то очень мощные эмоциональные пласты. Я был слишком переполнен тем, о чем писал. Отсюда чувство огромной внутренней ответственности. Никогда — ни до, ни после — мне не приходилось испытывать ничего подобного. Каждую ночь мне снился Афганистан, я снова был с тем взводом. Подобное состояние ответственности я испытал и при работе над фильмом «Рестрепо».

Я пытался понять, как делается безупречный текст. Я знаю, что такое хороший текст, когда читаю произведения других авторов и даже когда перечитываю собственные. Самое лучшее, до чего я додумался, заключалось в представлении о ритме. Проза должна быть ритмичной. Нужно искать верный ритм для отдельного словосочетания, отдельного предложения, отдельного абзаца.

Когда ритм сбивается, читатель с трудом воспринимает содержание. В этом смысле проза близка к музыке. Следует придерживаться внутреннего ритма, тогда текст будет «сам читаться». Это одна из тех особенностей нашей работы, которой практически невозможно научить других. Как научить человека *слышать* музыку, если у него нет слуха? Внутренний ритм слова — это ДНК прозы. Вот что такое хорошая литературная работа.

Я уделяю огромное внимание языку. Он действительно для меня важен. С таким отношением пишешь намного дольше, но это того стоит.

Себастьян Юнгер делится профессиональным опытом с коллегами

- Не обременяйте читателей неповоротливыми фразами и вялыми, невыразительными словами. Если вы будете так писать, они отложат книгу и включат телевизор. Завоевывая расположение читателей, вы таким образом зарабатываете деньги за свою работу.
 - Пишите не для «рынка», а для себя. Никто не предскажет, какая из ваших книг достучится до каждого человека и соберет огромное количество читателей. Мои лучшие произведения продавались хуже.
 - Любите пользоваться метафорами? Тогда советую относиться к ним крайне осторожно. Если ваша душа успокаивается на фразе: «Дождь стучал так, будто кто-то забивал молотком гвозди» (возможно, я тоже грешен в такого рода изысках), — у вас получится мертвая проза. Заставляйте себя серьезно относиться к образной речи и тщательно продумывать то, о чем вы пишете: как это выглядит? как звучит? что напоминает? Находите сильные и оригинальные способы описывать вещи, события, людей. Заставляйте себя это делать.
 - Если вы научитесь так работать над текстом, как я только что посоветовал, если сможете найти верный ритм для своей прозы — люди будут читать все, что выходит из-под вашего пера, и молить, чтобы вы писали, писали и писали.
-

Благодарности

Бекки Коул — лучшему... редактору... на все времена.

Линде Лёвенталь — лучшему... агенту... на все времена.

Творческим сообществам: MacDowell, Ragdale, Mesa Refuge, Yaddo и Центру искусств в Вирджинии — благодаря их поддержке мы смогли воплотить свои мечты в жизнь.

«Двадцатке» — писателям, принявшим участие в создании этой книги и сделавшим несчетные часы ее прочтения не только возможными, но и восхитительными.

Автор жертвует часть вознаграждения за книгу «Зачем мы пишем» обществу 826 National.

826 National — это некоммерческая организация, гарантирующая успех восьми писательских и обучающих центров, ежегодно помогающая около тридцати тысячам молодых людей. Ее миссия основана на понимании, что большие шаги в обучении можно сделать благодаря индивидуальному вниманию и что в основе будущего успеха лежат навыки письма.

Центры 826 предлагают разнообразные творческие семинары и издательские программы, дающие детям в возрасте от шести до восемнадцати лет, находящимся в затруднительном материальном положении, возможность раскрыть свое творческое начало и улучшить навыки письма. Они также нацелены на то, чтобы помочь школьным учителям заинтересовать учащихся в чтении и письме.

Для получения более подробной информации или для того, чтобы сделать пожертвование, посетите сайт www.826national.org.

Об авторе

Мерedit Маран — автор десяти документальных книг и одного вышедшего в 2012 году и имевшего шумный успех романа *A Theory of Small Earthquakes* («Теория маленьких землетрясений»). Будучи членом Национального объединения литературных критиков, Маран пишет статьи, эссе и рецензии для самых разных изданий: *People*, *Salon*, *Ladies's Home Journal*, *Real Simple*, *Boston Globe*, *Chicago Tribune*, *San Francisco Chronicle* и лондонской *Guardian*. Как писатель Мерedit Маран преподает литературу в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и историко-культурном центре «Дом Мэйбл Додж Лухан» (штат Нью-Мексико). Она входит во многие творческие объединения, такие как *MacDowell* (художественное сообщество писателей, поэтов, драматургов, художников и композиторов), *Mesa Refuge* («приют» писателей-документалистов), *Ragdale* (некоммерческая культурная организация) и *Yaddo* (художественное сообщество артистов, музыкантов, хореографов, живописцев, скульпторов, фотографов). Мерedit живет в солнечной Калифорнии, деля время между литературным творчеством в Окленде и работой в Лос-Анджелесе.

Примечания

- [1] Оруэлл Дж. Почему я пишу? / пер. с англ. В. Мисюченко // Оруэлл Дж. Сочинения в двух томах. Т. 2. Эссе, статьи, рецензии. Пермь : Капик, 1992. С. 7. *Здесь и далее примечания переводчика и редактора.*
- [2] Оруэлл Дж. Почему я пишу? / пер. с англ. В. Мисюченко // Оруэлл Дж. Сочинения в двух томах. Т. 2. Эссе, статьи, рецензии. Пермь : Капик, 1992. С. 7.
- [3] Джоан Дидион (1934) — американская писательница, журналист.
- [4] Дуайт Эйзенхауэр — 34-й президент США (1953–1961); Ричард Никсон — 37-й президент США (1969–1974).
- [5] На русский язык переведены: «Абсолютная власть» (М. : Гудьял-Пресс, 1998); «Тотальный контроль» (М. : Гудьял-Пресс ; АСТ, 2001); «Спаси Фейт» (М. : АСТ ; АСТ Москва ; Транзиткнига, 2005); «До последнего» (М. : АСТ ; Астрель ; Харвест, 2011); «Доля секунды» (М. : АСТ ; Астрель ; ВКТ, 2010); «Игра по расписанию» (М. : АСТ ; Астрель ; Полиграфиздат, 2010); «Верблюжий клуб» (М. : АСТ ; АСТ Москва ; ВКТ, 2008); «Коллекционеры» (М. : АСТ ; АСТ Москва, 2008); «Холодный, как камень» (М. : АСТ ; Астрель, 2011); «Божественное правосудие» (М. : АСТ ; Астрель ; Полиграфиздат, 2012).
- [6] Энн Ламотт (1954) — популярный американский автор, пишет романы и нехудожественную прозу. В издательстве «Манн, Иванов и Фербер» вышла ее книга [«Птица за птицей»](#) о природе писательского труда.

[7] На русский язык переведены: «Абсолютная власть» (М. : Гудьял-Пресс, 1998); «Тотальный контроль» (М. : Гудьял-Пресс ; АСТ, 2001); «Спасти Фейт» (М. : АСТ ; АСТ Москва ; Транзиткнига, 2005); «До последнего» (М. : АСТ ; Астрель ; Харвест, 2011); «Доля секунды» (М. : АСТ ; Астрель ; ВКТ, 2010); «Игра по расписанию» (М. : АСТ ; Астрель ; Полиграфиздат, 2010); «Верблюжий клуб» (М. : АСТ ; АСТ Москва ; ВКТ, 2008); «Коллекционеры» (М. : АСТ ; АСТ Москва, 2008); «Холодный, как камень» (М. : АСТ ; Астрель, 2011); «Божественное правосудие» (М. : АСТ ; Астрель ; Полиграфиздат, 2012).

[8] «Выбор Софи» (Sophie's Choice, 1979) — роман Уильяма Стайрона; в основе сюжета лежит история женщины, прошедшей через ад Освенцима.

[9] «Кролик, беги» (Rabbit, Run, 1960) — роман Джона Апдайка; признан одним из лучших американских романов XX столетия. В центре повествования — мечущийся двадцатишестилетний герой-неудачник; на примере пяти месяцев его жизни автор дает портрет целого поколения, впитавшего в себя идеалы Джека Керуака. Апдайк неприкрашенно и безжалостно показывает, куда может завести человека бегство от обязательств, от жизни и от мира — только к бегству от себя самого.

[10] «И самая блестящая речь надоедает, если ее затянуть» (Блез Паскаль).

[11] Печать по требованию — издательская технология, при которой новые экземпляры книги печатают лишь в том случае, если поступает соответствующий запрос от покупателя; также используется в качестве маркетингового приема в целях изучения читательского спроса.

[12] В списке помечены галочкой (✓) романы «алфавитной серии», переведенные на русский язык и в разные годы выходявшие в издательстве АСТ.

[13] *Груэн С. Дом обезьян / пер. с англ. И. Русаковой. М. : Эксмо, 2013. С. 7.*

[14] Кроме указанного выше романа на русский язык переведены: «Уроки верховой езды» (М. : Domino ; Эксмо, 2012); «Воды слонам!» (М. : Гаятри, 2007).

[15] Речь идет об эссе Вирджинии Вулф «Своя комната» (1928), в котором писатель говорит о месте женщин в литературе.

[16] «Женская литература», или «женское чтение», или чиклит (chick lit — букв. «литература для цыпочек») — литературные произведения, созданные женщинами для женщин.

[17] *Иган Д. Время смеется последним / пер. с англ. Н. Калошиной. М. : АСТ ; Corpus, 2013. С. 13.*

[18] Метапроза, или метаповествование, метафикшн (metafiction) — литературное направление, когда автор использует особый повествовательный стиль, медленно и последовательно разворачивая свое произведение и скрупулезно исследуя саму природу текста. Наиболее яркие представители — Хорхе Луис Борхес, Владимир Набоков, Джон Барт.

[19] Обманка, или трюмплей (фр. trompe-l'œil «обман зрения») — технический прием в живописи, а в наше время и в кинематографе, когда создается оптическая иллюзия, что изображенный объект находится в трехмерном пространстве.

[20] Глава 12 «Великие паузы рок-н-ролла», см.: *Иган Д. Время смеется последним... С. 312–387.*

[21] Кроме указанного выше романа на русский язык переведено: «Цитадель» (М. : АСТ ; Corpus, 2011).

[22] НВО (Home Box Office) — одна из ведущих компаний кабельного телевидения.

[23] Льюис М. Большая игра на понижение. Тайные пружины финансовой катастрофы / пер. с англ. Е. Бакушевой, Вяч. ИONOва. М. : Альпина Паблишер, 2011. С. 7.

[24] Кроме указанной выше книги на русский язык переведено: «Покер лжецов» (М. : Олимп-Бизнес, 2001; 2008); «Новейшая новинка: история Силиконовой долины» (М. : Олимп-Бизнес, 2004); «Next. Будущее уже началось. Как Интернет изменил бизнес и мир» (М. : Крылов, 2004); [«Moneyball: как математика изменила самую популярную спортивную лигу в мире»](#) (М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013); «Бумеранг. Как из развитой страны превратиться в страну третьего мира» (М. : Альпина Паблишер, 2014).

[25] На русский язык переведены: «Дела житейские» (М. : Вагриус, 1996), «В ожидании счастья» (М. : Афродита, 1995).

[26] Мемуары американской писательницы Джанетт Уоллс о ее сложном детстве.

[27] Туманный горн, или «сигнал тумана», или «туманный колокол» (foghorns) — звуковое устройство, используемое для предупреждения судов об опасности во время тумана.

[28] Хелмс Джесси — сенатор США от штата Северная Каролина (1973–2003), политик крайне консервативных взглядов, выступавший против гомосексуализма, феминизма, абортoв и пр.

[29] Энн Тайлер (1941) — американская романистка, работающая в жанре семейной хроники; Рейнолдс Прайс (1933–2011) — американский писатель, поэт, драматург.

[30] Арт Бухвальд (1925–2007) — американский журналист и писатель-сатирик; Уильям Бакли-младший (1925–2008) — американский писатель и политический обозреватель консервативного толка.

[31] Речь идет о Бэттери-Парк-сити — квартале на Нижнем Манхэттене, на территории которого в XIX веке находилась тюрьма, где во времена Гражданской войны содержались южане; ребята из Бэттери — скорее всего, художники и скульпторы, организовавшие в 1970–1980-е годы на открытых площадках Бэттери знаменитые скульптурные выставки, а в 1979 году принявшие участие в массовом протесте против ядерной энергетики (200 тысяч человек).

[32] Уильям Мэтьюз (1947) — канадский политик; министр культуры Канады (1985–1988); Эдна О’Брайан (1930) — ирландская писательница, пишет на английском языке; Фредерик Тьютен (1936) — американский романист, автор рассказов и эссе.

[33] На русский язык переведены: «Дьявол в синем» и «Красная смерть» (М. : Центрполиграф, 1998).

[34] См. наст. изд. ([Введение](#)).

[35] См. наст. изд. ([Введение](#)).

[36] См. наст. изд. ([Введение](#)).

[37] Гонзо-журналистика (gonzo — «эксцентричный, чокнутый») — направление в журналистике, представляющее собой субъективный стиль повествования, ведущегося от первого лица; характерная особенность — репортер выступает как непосредственный участник событий, которые он описывает; неотъемлемая черта гонзо-журналистики — сарказм, преувеличения, ненормативная лексика, многочисленные цитаты.

[38] «Новая журналистика», или «новый журнализм» (new journalism) — термин относится к 1960–1970-м годам; альтернативная для американской печати того времени техника написания статей: вместо привычных газетных публикаций авторы писали развернутые эссе, рассчитанные на элитарного читателя; основатели этого направления — известные писатели Том Вулф, Трумен Капоте, Хантер Томпсон и Норман Мейлер.

[39] Пиколт Д. Особые отношения / пер. с англ. И. Паненко. Белгород ; Харьков : «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2012. С. 7.

[40] Кроме указанного выше романа на русский язык в издательстве «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”» (Белгород ; Харьков) переведены следующие романы: «Дорога перемен» (2012); «Забрать любовь» (2012); «Идеальная жизнь» (2012); «Обещание» (2011); «Жестокие игры» (2011); «Роковое совпадение» (2013); «Ангел для сестры» (2007); «Похищение» (2010); «Девятнадцать минут» (2009); «Чужое сердце» (2009); «Хрупкая душа» (2010); «Последнее правило» (2011).

[41] Home Depot — крупнейшая американская сеть по продаже стройматериалов и инструментов для ремонта.

[42] Криптонит — вымышленное радиоактивное вещество в форме кристалла из вселенной DC Comics, являющееся единственной субстанцией, способной убить Супермена; в современной поп-культуре понятие «криптонит» представляет собой аналог понятия «ахиллесова пята».

[43] На русский язык переведен роман «Заложники» (М. : Эксмо, 2003).

[44] Тони Моррисон (1931) — американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе 1993 года; роман «Возлюбленная» (1987) получил Пулитцеровскую премию и был включен журналом Time в список 100 лучших романов на английском языке, выпущенных с 1923 по 2005 год.

[45] Мэрилин Робинсон (1934) — американская писательница, лауреат Пулитцеровской премии.

[46] Scrabble — игра в слова; русский аналог — игра «Эрудит».

[47] На русский язык переведен роман «Позиция» (М. : АСТ ; АСТ Москва ; Хранитель, 2007).

[48] Хелен Келлер (1880–1968) — американская писательница, вследствие детского заболевания полностью потерявшая слуха и зрение. Родители пригласили социального педагога Энн Салливан, которая разговаривала с Хелен с помощью слов, которые она писала пальцем на ладони девочки. Первое осознание, что Салливан пыталась объяснить Хелен абстрактные слова, произошло у девочки, когда она набирала воду. Внезапно она поняла, что прикосновения учительницы обозначали жидкость. Этот драматический момент получил широкую известность в американском обществе.

[49] No-nukes («Нет ядерному оружию») — лозунг движения «Против ядерного оружия». Наклейки No-nukes раздавали на фестивале «Музыканты за безопасные виды энергии», проходившем в Мэдисонсквер-гарден в сентябре 1979 года, — то есть фраза «Как давно это было!» относится к концу 1970-х – началу 1980-х годов.

[50] «Воды широкие» (The Water Is Wide) — английская народная песня XVII века, очень популярная среди классических и джазовых музыкантов, а также фолк- и рок-исполнителей XX–XXI веков.

[51] «Лисистрата» (ок. 411 г. до н. э.) — комедия Аристофана о женщине, сумевшей остановить войну между Спартой и Афинами.

[52] Правдоть (truthiness) — свойство, характеризующее правду как известную интуитивно, без опоры на реальные факты, доказательства или логику.

[53] См. об «историческом импульсе» во [Введении](#).

[54] Перевод Г. Егорова.

[55] «В дороге» (1957) — роман Джека Керуака, сразу сделавший автора известным; считается классикой американской прозы бит-поколения.

[56] «Чинук» — тяжелый военно-транспортный вертолет Боинг СН-47; «Апач» — основной ударный вертолет АН-64; оба находятся на оснащении Армии США.

[57] «Сандэнс» — национальный американский кинофестиваль независимого кино; проводится в конце января каждого года в Парк-Сити (штат Юта); основан в 1981 году Робертом Редфордом; назван в честь сыгранного им героя фильма «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид».

[58] Фильм «Рестрепо» (2007–2008) рассказывает о буднях небольшого подразделения американских войск; пятнадцать человек личного состава возводят в одном из самых ужасных мест военного Афганистана, долине Коренгал, укрепленный аванпост «Рестрепо», названный по имени убитого в бою военного врача Хуана Рестрепо.

[59] Кабы не милость Божия, так шел бы и я (There but for the grace of God go I) — знаменитые слова английского протестанта, мученика Джона Брэдфорда (1510–1555), сказанные при виде преступника, которого вели на казнь.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1

ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ

ГЛАВА 2

ДЭВИД БАЛДАЧЧИ

ГЛАВА 3

СЬЮ ГРАФТОН

ГЛАВА 4

САРА ГРУЭН

ГЛАВА 5

ДЖЕННИФЕР ИГАН

ГЛАВА 6

МЭРИ КАРР

ГЛАВА 7

МАЙКЛ ЛЬЮИС

ГЛАВА 8

ТЕРРИ МАКМИЛЛАН

ГЛАВА 9

АМИСТЕД МОПИН

ГЛАВА 10

УОЛТЕР МОСЛИ

ГЛАВА 11

РИК МУДИ

ГЛАВА 12

СЬЮЗАН ОРЛИН

ГЛАВА 13

ДЖОДИ ПИКОЛТ

ГЛАВА 14
ЭНН ПЭТЧЕТТ

ГЛАВА 15
ДЖЕЙН СМАЙЛИ

ГЛАВА 16
МЭГ УОЛИТЦЕР

ГЛАВА 17
ДЖЕЙМС ФРЭЙ

ГЛАВА 18
КЭТРИН ХАРРИСОН

ГЛАВА 19
ГИШ ЧЖЕНЬ

ГЛАВА 20
СЕБАСТЬЯН ЮНГЕР

БЛАГОДАРНОСТИ

ОБ АВТОРЕ

Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»

Если у вас есть замечания и комментарии к содержанию, переводу, редакции и корректуре, то просим написать на be_better@m-i-f.ru, так мы быстрее сможем исправить недочеты.

Наши электронные книги:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/ebooks/>

Заходите в гости:

<http://www.mann-ivanov-ferber.ru/>

<http://blog.mann-ivanov-ferber.ru/>

<http://www.facebook.com/mifbooks>

<http://vk.com/mifbooks>

<https://twitter.com/mifbooks>

[Дерево знаний](#)

[Предложите нам книгу.](#)

[Ищем правильных коллег](#)

Для корпоративных клиентов:

[Полезные книги в подарок](#)

[Корпоративная библиотека](#)

[Книги ищут поддержку.](#)

Над книгой работали

Главный редактор *Артем Степанов*
Ответственный редактор *Ольга Копыт*
Арт-директор *Алексей Богомолов*
Редактор *Наталья Волочаева*
Дизайн обложки *Наталья Савиных*
Дизайн обложки *Наталья Савиных*
Иллюстратор *Даша Рычкова*
Корректоры *Юлия Молокова, Наталья Лазариди*

ООО «Мани, Иванов и Фербер»

mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги
подготовлена компанией Webkniga, 2014

webkniga.ru